

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО**

**ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Научный журнал

Том 8 (74), № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2022**

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского».

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № от 2022 г.

Главный редактор – А.В. Карабыков, д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Заместители главного редактора:

А. Н. Володин, канд. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (культурология);

Н. В. Киселева, канд. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (политология).

Редколлегия:

И. А. Андриющенко	к. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
И. С. Бакланов	д-р филос. н., проф., СКФУ (Ставрополь)
А. В. Бедрицкий	к. полит. н., директор Таврического информационно-аналитического центра (ТИАЦ)
О. А. Габриелян	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Д. В. Гарбузов	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. А. Грива	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Ю. М. Коротченко	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Г. В. Косов	д-р полит. н., проф., СевГУ (Севастополь)
С. А. Маленко	д-р филос. н., проф., НГУ им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
П. Г. Носачев	д-р филос. н., доц., ВШЭ (Москва)
Л. Т. Рыскельдиева	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
М. Г. Федотова	д-р филос. н., доц., ОмГТУ (Омск)
А. А. Хлезов	д-р филос. н., проф., СевГУ (Севастополь)
А. В. Швецова	д-р филос. н., проф., КУКИИТ (Симферополь)
М. А. Шепелев	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. Б. Элькан	д. искусствовед., доц., КУКИИТ (Симферополь)
С. В. Юрченко	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Ю. В. Норманская, к. культурологии, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный за выпуск: Л. В. Савостьянова, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Технический секретарь: А. К. Оруджева, ИММИД, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Адрес редакции:

295007, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, корп. 2, ауд. 308

Тел.: +7-978-105-60-57; Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: vernadskiana@yandex.ru Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:

Формат 70x100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78 Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)
Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ «ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Коростиченко Е. И.** Этика отношения к животным и критика христианского антропоцентризма в философии Питера Сингера.....4
- Минченко Т. П., Тираски Ф.** Некоторые вопросы практической философии в реализации курса «Теоретическая и практическая философия»22
- Коротченко Ю. М.** Рефлексивные основания конструирования образа Чужого в социальном знании.....31
- Хайт Дж., Джозеф Кр.** Интуитивная этика: как врождённая интуиция порождает культурно изменчивые добродетели / Пер. с англ. А. А. Португальской.....41

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Рябченко Н. А., Малышева О. П.** Инновационные сценарии потребления культуры в рамках экосистемы социальных сетей: лидеры мнений и культурный код.....55
- Пеннер Р. В.** “Camera lucida”: новый комментарий к цифровому контенту.....72
- Поскребка А. С.** Саморефлексия Винсента Ван Гога82

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Шепелев М. А.** Конституционные основы защиты традиционных духовно-нравственных ценностей в политической конституции Португальской республики 1933 года.....94
- Быкова Е. В., Гавра Д. П.** Политизированный спортивный инцидент: номинационные стратегии вовлеченных медиаакторов.....113
- Парубин К. О.** Монархические идеи на страницах профашистской газеты «Голос Крыма» в период 1941–1944 гг.....130

РЕЦЕНЗИИ

- Хайт Джонатан** *Стакан всегда наполовину полон! 10 великих идей о том, как стать счастливым* / Джонатан Хайт. – Москва: Издательство АСТ, 2020. — 400 с. – (Жизнь. Счастье. Смысл). (Португальская А.А.)141
- Nandini Das, Tim Youngs (eds.)** *The Cambridge History of Travel Writing*. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2019. – 656 p. (Авдоница Л.П., Савостьянова Л.В.).....145

ФИЛОСОФИЯ

УДК: 211.5

ЭТИКА ОТНОШЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ И КРИТИКА ХРИСТИАНСКОГО АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В ФИЛОСОФИИ ПИТЕРА СИНГЕРА

Коростиченко Е. И.

***Аннотация:** В статье рассматривается этическая концепция П. Сингера в отношении благополучия животных, и органично связанная с ней критика особого статуса человека в христианской традиции. Сингер создал собственный проект утилитаризма предпочтений, в который встроил животных как равных человеку моральных субъектов. Таким образом он ставит под сомнение христианский антропоцентризм: человек в его системе этики принципиально имеет то же моральное значение, что и многие животные (например, большинство млекопитающих и птиц). Философ критикует христианскую этику за то, что она наделяет человека особым моральным статусом, несмотря на то что некоторые представители человеческого вида уступают в морально значимых характеристиках (сознание, самосознание и рациональность) некоторым полноценным представителям других видов. Сингер признает уникальность всех видов, выступая против спесишизма (видовая дискриминация). Спесишизм, по Сингеру, уходит своими корнями в две традиции: иудаизм и греческую философию. Эти корни соединяются в христианстве, которое определило западное (пренебрежительное) отношение к животным. Анализ традиции, на которую явно и неявно опирается Сингер, показывает, что развиваемая концепция прав животных тесно связана с просвещенческим взглядом на их природу, восходящим к Жюльену Офре де Ламетри, и её довольно сложно примирить с положениями христианства. Этика Сингера – продукт эпохи Просвещения, вобравший в себя ее материалистический и антирелигиозный потенциал. Сингер предлагает новый тип этики, который призван заменить христианскую этику «святости человеческой жизни». Признание за животными такого же морального статуса, как и за человеком – интегральная часть этой новой этики.*

***Ключевые слова:** Питер Сингер, спесишизм, «святость жизни», этика животных, утилитаризм предпочтений, права животных, зоозащитное движение, критика христианства, атеизм*

Введение

Вопросы отношений между людьми и животными, моральный статус и права животных и пр. составляют относительно молодую, но быстро растущую часть этики, так

называемую этику животных. С практической стороны, в западном мире эти вопросы теснейшим образом связаны с современной экологической повесткой и зоозащитным движением. С теоретической стороны, они интересны как ближайшее расширение этики на области за пределами человеческого сообщества. Как и в других направлениях этики, в этике животных существуют различные подходы, соперничающие друг с другом. Отдельный интерес представляет противоборство подходов, базирующихся на религиозных и светских ценностях, поскольку влияние религиозной мысли в области этики традиционно велико.

В этой работе рассматривается подход Питера Сингера как один из наиболее известных и влиятельных течений современной светской этики животных. Не останавливаясь на описании подходов и дискуссии между ними, работа включает в себя анализ традиции, на которую опирается Сингер в своей этической концепции. Это дает возможность сделать выводы о методологических противоречиях между критиком и критикуемыми, перспективе синтеза и взаимного влияния.

Питера Сингера называют одним из самых влиятельных ныне живущих философов в мире, но при этом одним из самых противоречивых [1]. Автор «Освобождения животных», «Практической этики», «Голода, изобилия и морали» создал собственный проект утилитаризма предпочтений, в который встроил животных как равных человеку моральных субъектов. Под равенством он понимает равный учет интересов (preferences), составляющий, наряду с тезисом о «сокращении страданий», основу разрабатываемой им морально-этической системы.

Получив известность в 1970-е гг. благодаря своим работам, обосновывавшим моральную необходимость всемирной борьбы с бедностью, Сингер затем пишет книгу «Освобождение животных», давшую глубокие философские основания зарождавшемуся в это время в разных странах движению за права животных и этическое отношение к ним. Хотя нельзя утверждать, что зоозащитная повестка, имеющая в настоящее время огромное влияние в западном мире, базируется в большинстве своем именно на идеях Сингера, но четко выраженная в его работах радикальная точка зрения на вопросы отношения к животным несомненно послужила развитию дискурса по этим вопросам.

Этика Сингера в целом представляет собой совершенно независимую от религии концепцию. Поднимая вопросы, связанные с правами животных, абортами, эвтаназией и т.д., мыслитель не мог не оказаться в конфронтации с христианской этикой и религиозным мировоззрением в целом. Критика христианства занимает заметное место в его творчестве, поскольку многие его постулаты: особое положение человека в природе, отношение к святости жизни, он считает морально проблематичными, но при этом очень влиятельными в современном мире.

Критика П. Сингером «спесишизма» в христианстве

Отношение Питера Сингера к христианству вращается вокруг четырех ключевых для него вопросов: статуса животных, лишения человека жизни, обязательств богатых перед бедными, общих проблем этической теории. На наш взгляд, принципиально новым в традиции критики религии является его системный анализ и критика спесишизма

(англ. *speciesism*)¹ – видовой дискриминации животных – в том числе в христианстве.

Выстраивая свой вариант утилитаристской этики, Сингер, как и многие его предшественники-утилитаристы, избирает «наибольшее благо для наибольшего числа людей» как единственную меру «хорошего» или «этичного» поведения. Затем он приходит к принципу равного учета интересов, как способу достижения этой цели. Но в отличие от классических утилитаристов, таких как И. Бентам или Г. Сиджвик, Сингер постулирует, что этот принцип должен применяться не только к людям, но и к представителям других видов. По его мнению, нет никаких этически значимых причин не распространять равенство на животных. Способность чувствовать боль, утверждает Сингер – достаточное условие для наличия у существа интересов [2, с. 10–16]. Поскольку, с его точки зрения, этой способностью обладают многие животные, не относящиеся к человеку (например, большинство млекопитающих и птиц), их интересы также должны быть приняты во внимание. Таким образом, философ ставит под сомнение христианский антропоцентризм. Сингер прямо выступает против неравноправного рассмотрения животных и человека, называя это спесишизмом. Спесишизм как понятие занимает важную роль в теории Сингера, и последовательно осуждается – при этом его корни, согласно философу, лежат в иудео-христианской традиции.

Сингер не видит принципиальной разницы между животными и человеком. Он признает отличие человека от представителей других видов, но подчеркивает, что это не кардинальное отличие. Принципиальное традиционное (религиозное) разделение между человеком и животными заменяется представлением, согласно которому человек является одним из многих видов животных. Философ не отказывает человеку в уникальности, как и уникальности всех остальных живых существ, но не согласен рассматривать принадлежность человека к виду как метафизически или морально значимую категорию.

Когда Сингер требует прав для человекообразных обезьян, это не означает для него объявления их равноправными человеку: да, их нельзя продавать за деньги или держать в неволе, но при этом они не могут быть привлечены к ответственности за свои действия и посажены за них в тюрьму [3]. Принципиально важно, как утверждает Сингер, положить конец отношению, при котором все животные сводятся к «своей животной сущности», а люди при этом неизменно рассматриваются с точки зрения, которая возвышает их над природой. В «Освобождении животных» он пишет, что пропасть между человеком и шимпанзе во много раз меньше, чем между шимпанзе и устрицей [2, с. xxiv].

Очевидно, что современное восприятие животных далеко от такого понимания. Сингер связывает это с наследием многовековой христианской традиции – в её контексте, указывает он, животные не могут быть равны человеку, поскольку лишены разума и бессмертной души. Способность рассуждать дает человеку «естественное право» господствовать над живыми существами, отличными от него. Сотворение по образу

¹ Понятие спесишизма и соответствующая философская концепция возникли и были развиты в сочинениях Ричарда Райдера и Питера Сингера. Райдер впервые использовал этот термин в статье для сборника «Животные, люди и мораль» (1971), которая была посвящена экспериментам на животных. Сингер впервые вводит этот термин в «Освобождении животных», после чего он стал широко известен среди участников движения за права животных.

Божию предполагает в рамках этой парадигмы, что человек причастен божественному разуму. Подобная предвзятость в пользу человеческого вида – спесицизм, по мнению Сингера, сродни расизму или сексизму. В своих работах он анализирует христианский подход к животным и к природе в целом, и не находит его удовлетворительным. С точки зрения философа, «для большей части западной традиции люди не просто имеют центральное моральное значение, в них заключаются вообще все морально значимые черты этого мира» [4, с. 265]. В отличие от некоторых других древних традиций (например, индийской) и еврейская (первые книги Библии), и греческая традиции (аристотелевская философия) «ставят человека в центр моральной вселенной».

Идею о том, что животные занимают подчиненное человеку положение в божественной иерархии, Сингер возводит, прежде всего, к первым книгам Библии, где это неравенство закреплено, а человек находится на вершине творения. «В Библии говорится, – пишет философ, – что Бог создал человека по Своему образу...людям [было отведено] особое место во Вселенной как единственным существам из всех живых существ, подобным Богу. Более того, [там] прямо сказано, что Бог дал человеку власть над всякой тварью [2, с. 187]. «Особое место... в божественном плане» предполагает, согласно Сингеру, в том числе исполнение Божьей заповеди о «владычествовании» человека над другими животными. При этом Сингер отвергает встречающуюся интерпретацию «владычествования» над животными как указание заботы о них от имени Бога и ответственности перед Богом за то, как мы обращаемся с ними. По его мнению, «в самом библейском тексте мало оснований для такой интерпретации» [4, с. 267].

Конкретные тексты Библии, рассмотренные Сингером, касаются значения «владычества» и потопа («после потопа дарование владычества повторяется») в Бытии, учения апостола Павла в первом послании Коринфянам («О волах ли печется Бог?»), и определенных действий Иисуса Христа в Новом Завете (проклятие смоковницы и изгнание бесов в гадаринских свиней). Новый завет подвергается большей критике Сингера, чем Ветхий. Он пишет, что в нем «полностью отсутствуют какие-либо запреты на жестокое обращение с животными или какие-либо рекомендации учитывать их интересы» [2, с. 188]. Сингер обращается к словам апостола Павла в 1 Кор. 9:9-10: «Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай рта у вола молотящего. О волах ли печется Бог? Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано», чтобы обосновать, что в Новом завете подчеркивается особое место человека в животном мире, и игнорируются права животных. Он интерпретирует эти вопросы и ответы как свидетельство того, что апостол Павел верил, что Бог не заботится о волах; «он [Павел] считал само собой разумеющимся, что ответ [на вопрос, печется ли Бог о волах?] должен быть отрицательным» [2, с. 195].

Два отрывка из Евангелия от Марка (Марк 5:1-13 и 11:12-22) представляют собой еще один пример библейской экзегезы, использованный Сингером для подкрепления своего довода о том, что в «доминантной западной традиции», восходящей большей частью к библейскому христианству, «Бога не волнует, как мы относимся к миру природы, и «сама природа не имеет внутренней ценности» [4, с. 268]. Оба отрывка (история

о гадаринских свиньях и об Иисусе, проклинающем смоковницу) цитировались Сингером косвенно из интерпретаций Августина. Анализируя эти сюжеты, философ описывает действия Иисуса, «как демонстрацию очевидного безразличия к судьбе существ, отличных от людей» [2, с. 191]. Так, по мнению Сингера, Иисус превратил демонов в свиней вместо того, чтобы «уничтожить их, как он легко мог сделать» [Ibid.]. Это весьма спорное утверждение философа подвергается критике со стороны ряда христианских теологов. Так, согласно Клайву и Каре Бид, спасение человеческой жизни для Иисуса гораздо важнее, чем сохранение жизни множества свиней. Поскольку в бесноватом был «легион» нечистых духов, предполагают богословы, они могли причинить вред многим людям. В таком случае, согласно Бидам, разумно предположить, что Иисус знал об их способности причинять вред людям или животным. Также они находят в действиях Иисуса Христа близость с утилитаристской философией Сингера [5, с. 63], согласно которой убийство животных оправдано, если выгода от этого связана с удовлетворением предпочтений большего количества людей.

Профессор христианской этики, методистский пастор Дэвид Клаф считает, что историю изгнания демона имени «легион» и последующую гибель свиней нельзя толковать буквально. По его мнению, «легион» для аудитории Марка был явным намёком на римские оккупационные войска. Печальный конец «легиона» в теле животных, которых римляне разводили в Палестине, несмотря на их нечистоту для иудеев, считает Клаф, выглядел для слушателей того времени несомненно символическим, а не буквальным.

Другой библейский сюжет, рассматриваемый Сингером, касается проклятия Иисусом смоковницы. В данном случае философ опирается на толкование Августина, согласно которому «воздерживаться от уничтожения растений – верх суеверия... что между нами, животными и деревьями нет общих прав» [2, с. 192]. Сингер также использует эту историю для обоснования того, что христианство безразлично относится к миру природы.

В истории христианской мысли Сингер находит и другие примеры пренебрежительного отношения к природе. Он обращает внимание на классификацию грехов Фомы Аквинского, в которой нет места для грехов против животных или против мира природы, и нет прямой обязанности избегать жестокости по отношению к «братьям нашим меньшим». Согласно этой точке зрения, только люди могут быть личностями: запрет на убийство ограничен человеческим видом. В «Сумме теологии» Фома задается вопросом: допустимо ли убивать кого-либо из живых существ? Его ответ более чем ясен: «в использовании вещи по назначению нет никакого греха... поэтому лишение [6, с. 206] животных жизни ради использования их людьми является законным». Очевидно, пишет Сингер, что назначение животных и растений состоит в том, чтобы они служили человеку ресурсом [2, с. 195].

По словам философа, влияние Фомы все еще очень велико в католической церкви («Если кого-то из писателей можно считать представителем христианской философии до Реформации и римско-католической философии до наших дней, то это Фома Аквинский» [2, с. 193]). Еще в середине XIX в. папа Пий IX высказался против создания в Риме Общества по предотвращению жестокого обращения с животными на том основа-

нии, что это означало бы, что у людей есть обязанности по отношению к животным [2, с. 196]. Эта позиция церкви, отмечает Сингер, без существенных изменений просуществовала вплоть до второй половины XX в. В 1987 г. Папа Иоанн Павел II в энциклике *Sollicitudo Rei Socialis* («Забота о социальных вещах») авторитетно заявил, что экологическое движение начинает влиять на католическое учение, и призвал к тому, чтобы человеческое развитие включало «уважение к существам, составляющим мир природы» [7]. То, что Иоанн Павел II высказал мысль, что «нельзя безнаказанно использовать различные категории существ, живых или неодушевленных – животных, растений, природных элементов – просто по своему желанию, в соответствии со своими экономическими соображениями и потребностями... а необходимо учитывать природу каждого существа и их взаимную связь в упорядоченной системе, которой и является космос» [7], по мнению Сингера звучит «многообещающе», однако слишком рано говорить об изменении направления католического учения о животных и окружающей среде [2, с. 198].

Сингер убежден, что, устранив христианский след из западного отношения к животным, будут устранены и препятствия для полного и беспристрастного признания животных в качестве моральных субъектов. По его мнению, христианская теология и этика не смогли в достаточной мере признать моральное значение других существ. При этом он не упускает из вида христиан, которые уважительно относились к животным и заботились об окружающей среде. Среди них он выделяет Василия Великого, Иоанна Златоуста, Франциска Ассизского, святых отшельников, живших в пустыне и, согласно житиям, находившихся в гармонии с природой. Однако, с его точки зрения, это голоса меньшинства, которые на протяжении большей части христианской истории не имели решительного значения. «Владычество» над природой, дарованное людям в книге Бытия, до сих пор определяет то, каким образом люди на Западе относятся к живой природе – пишет философ [4, с. 241].

Сингер отмечает, что в римско-католической традиции недопущение жестокого обращения с животными ради благополучия самих животных никогда не было в центре внимания морального учения. При этом он признает, что в настоящее время в рамках христианства появляются проекты, например, работы авторства Эндрю Линзи, Мэтью Скалли и Дэвида Клафа, призванные предложить альтернативу традиционному религиозному подходу [8, с. 57]. Кратко раскроем последний тезис. Действительно, существует определенная традиция обоснования прав животных с христианской точки зрения. Пионером в этой области является англиканский священник, теолог Эндрю Линзи, написавший в конце 80-х гг. ряд работ на эту тему. Изданная им в 1976 г. (годом позже «Освобождения животных»), книга «*Animal Rights: A Christian Perspective*» привлекла значительное внимание в христианских кругах. Линзи, признавая служебный статус животных в христианстве, при этом обращает внимание на потенциал христианской традиции. Он считает, что христианство вполне способно оценивать жизнь животных как фундаментальную ценность. Библейское господство человека над природой, по его мнению, стоит понимать, как «заботу» и «управление», «ответственность» за творение. При этом Э. Линзи достаточно подробно освещает проблему потребительского отноше-

ния человека к животным в различных местах Писания.

Тема, заботившая Эндрю Линзи, одного из основателей христианского вегетарианского движения, много лет не получала развития. Интерес к правам животных с христианской точки зрения вновь дал о себе знать в 2010-е гг. Здесь стоит отметить фундаментальную работу профессора христианской этики, методистского пастора Дэвида Клафа «On Animals Volume I: Systematic Theology» (2012). Клаф обосновывает позицию, что животные созданы Богом, примирились с Богом через Иисуса Христа и будут искуплены им в новом творении, и с ними следует обращаться соответствующим образом [9, с. 2]. Это убеждение, согласно исследователю, распространяется на все: от употребления в пищу мяса до содержания домашних животных в гуманных условиях.

Вышедшая годом позже книга католического богослова Чарльза Камози – «For Love of Animals: Christian Ethics, Consistent Action», написана в похожем стиле. Камози ставит перед собой цель показать, что «те из нас, кто следует за Иисусом Христом», в частности, должны уделять особое внимание моральному статусу животных [10, с. 6].

Нужно отметить, что и Клаф, и Камози прекрасно осведомлены о критике христианского отношения к животным со стороны Питера Сингера, прямо дискутировали с ним очно и заочно [11; 12]. Помимо собственного прочтения, богословы апеллируют к ряду влиятельных христианских мыслителей, таких как Клайв Льюис, Папа Иоанн Павел II, Стэнли Хауэрвас, Мэри Эберштадт, Мэтью Скалли и Папа Бенедикт XVI, отстаивавших подход бережного отношения к животным [13, с.136]. Современное развитие темы прав животных в христианской методологии – весьма интересное явление, заслуживающее отдельного исследования.

Критика учения о «святости жизни»

Вопрос, касающийся обращения с животными, в этике Сингера тесно переплетается с критикой христианского учения о «святости жизни». Философ убежден, что это учение несостоятельно по двум причинам. В первую очередь, он видит в его основании спесицизм: христиане считают, что не всякая разумная жизнь имеет одинаковую ценность. Таким образом, согласно Сингеру, жизнь младенца с анэнцефалией, неспособного даже узнать свою мать, имеет в христианской этике большую ценность, чем жизнь здорового, способного к коммуникации шимпанзе [2, с. 10–16]. Он не согласен с христианской этикой, которая наделяет человека особым моральным статусом, несмотря на то, что некоторые представители человеческого вида уступают в морально значимых характеристиках (сознание, самосознание и рациональность) некоторым полноценным представителям других видов. Их принадлежность к определенному биологическому виду не имеет для Сингера определяющего морального значения. Поскольку они не рациональны, не автономны и не обладают самосознанием, они, согласно Сингеру, не являются личностями и не обладают предпочтениями (интересами), необходимыми для того, чтобы иметь то, что философ назвал бы правом на жизнь, подобным праву обычного человека. «До того момента, пока плод не обретает определенную способность к сознательному переживанию, пишет Сингер, аборт прерывает существование, которое – рассматриваемое как оно есть, а не с точки зрения его потенциала, – больше похоже на

существование растения, чем на существование разумного животного, такого как собака или корова» [4, с. 136]. Далее Сингер рассматривает и статус эмбриона как личности, и утверждение о потенциале развития плода. Сингер разбирает вопрос абортов во множестве аспектов, последовательно отвергая в том числе распространенные в либеральной среде аргументы за легальность абортов, сопоставляя аборт с сознательным воздержанием и контрацепцией, и т.д. Он постулирует, что в определенных ситуациях может быть моральным лишить жизни новорожденного, или даже взрослого, который неразумен или не обладает самосознанием, как люди с терминальной стадией болезни Альцгеймера, в постоянной коме и т.д. Например, в книге «Должен ли ребенок жить?», написанной в соавторстве с Х. Кузе, Сингер пишет, что если ребенок, больной анэнцефалией, испытывает мучительные страдания, будет морально оправданным эти страдания прекратить, усыпив его быстро и безболезненно. Это противоположно традиционной идее, что ребенка нужно выхаживать до наступления смерти, которая неизбежна при данных обстоятельствах [14]. Во-вторых, на его взгляд, принципу «святости жизни» невозможно полностью следовать. Он оказывается не применим в сложных практических случаях, разрешающих вопросы жизни и смерти. При практическом применении оказывается необходимым включать в рассуждения оговорки, толкования и разграничения, чтобы не приходило к заведомо абсурдным решениям. Таким образом, на практике принцип «не убей (человека)» перестает быть абсолютным, и теряет свою категорическую ценность. По мнению Сингера, учение о «святости жизни» представляет собой двойное утверждение о том, что преднамеренно убивать всегда неправильно, и что существует абсолютное право на жизнь для всех представителей человеческого вида [15, с. 5]. Он не приемлет такой узкий подход, который игнорирует права животных.

Если в отношении признания прав животных христианская этика сейчас делает шаги навстречу влиятельной зоозащитной повестке, то проблема пересмотра учения о «святости жизни» является камнем преткновения. Между Питером Сингером и христианскими мыслителями тяжело найти что-то общее в практических выводах по этому вопросу: католическое учение отвергает даже ранний аборт, приравнивая его к убийству, а Сингер считает детоубийство, как и эвтаназию, морально допустимым в некоторых случаях (речь идет о прекращении мучительных страданий, несовместимых с жизнью).

Философские основания этики животных П. Сингера

Утилитаризм предпочтений Сингера – исключительно светское направление этики, несмотря на то что сам утилитаризм изначально развивался христианскими мыслителями. Поэтому и интересно проанализировать, на чьи идеи опирается Сингер, приходя к своим радикальным практическим выводам, и насколько в действительности нерелигиозная этика Сингера далека от христианской.

Первыми утилитаристами были такие христианские мыслители, как Уильям Пейли, Джордж Беркли, Джон Гэй, Джозеф Пристли, Абрахам Такер. Их влияние на английскую этику конца XVIII – начала XIX вв. в значительной степени превышало влияние самого Иеремии Бентама [16, с. 196]. Однако менее чем за столетие под натиском концепций отцов-основателей утилитаризма И. Бентама и Дж.С. Милля, теологический

утилитаризм утратил былое значение. По словам английского философа-аналитика Джона Перри, Джон Стюарт Милль, взявший пример с Бентама, а не с Пейли, предложил версию утилитаризма, для которой был характерен глубокий скептицизм в отношении религии и чьи практические выводы были сочтены антихристианскими [15, с. 2].

Сингер работает в рамках этой парадигмы, отбрасывая элементы религиозной этики: веру в «святость человеческой жизни», спесишский взгляд на положение человека в мире. В этом смысле утилитаризм Сингера – результат длительной традиции рассмотрения человека как части природы, «преемник» философии эпохи Просвещения. Многие теоретические положения, свойственные Сингеру, можно найти у французских просветителей, когда христианская этика «святости жизни» сменяется этикой, свободной от религии.

Сингер отчасти связывает изменение отношения к животным в европейской культуре с новой модой на опыты над животными, которые выявили значительное сходство между физиологией человека и других живых существ [2, с. 201-202]. Однако философ не обращается к более глубоким основаниям формирования нового взгляда на животных в этот период. На наш взгляд, это значительное упущение. Данный вопрос требует более пристального рассмотрения, поскольку открывает перед нами историю идей, которая оказала в той или иной мере влияние на формирование подхода Питера Сингера.

Есть все основания считать, что «Коперниканский поворот» к новой этике в отношении животных начался с французского материалиста Жюльена Офре де Ламетри. Ламетри был одним из первых философов, высказавшим идею происхождения человека от животных. В знаменитом труде «Человек-машина» он развивает декартовскую мысль о том, что человеческое тело (а также тела животных) представляют собой живые машины. Он выступил против утверждения Декарта, что животные лишены всякой чувствительности (Сингер также по этому пункту не согласен с Декартом), считая, что чувства характерны не только человеку, но и иным живым существам. Ламетри критиковал Картезия и за то, что тот не сумел довести свою мысль до логического конца, оставив за человеком привилегию иметь душу, живую, чувствующую и мыслящую субстанцию. Он писал, что чтобы объяснить, как функционирует человеческое или животное тело, не требуется использовать в качестве объяснительной причины понятие «духовной субстанции», привлекать душу.

Разница между человеком и животным, согласно Ламетри, лишь количественная, зависит от размеров и строения мозга: «Человек создан не из какой-то более драгоценной глины, чем животные. Природа употребила одно и то же тесто как для того, так и для других, разнообразия только дрожжи» [17, с. 288]. В сочинении «Человек-машина» философ высказывает мысль созвучную идеям Сингера – «Природа создала всех нас исключительно для счастья; да, всех, начиная от червя, ползающего на земле, и кончая орлом, парящим в облаках» [17, с. 291].

Жан-Жак Руссо, под влиянием «идей механистического материализма, выраженных, в частности, в книге Ламетри «Человек – машина»» [18, с. 622], пишет: «Во всяком животном я вижу лишь хитроумную машину, которую природа наделила чувствами... В точности то же самое вижу я и в машине человеческой с той только разницей, что природа

одна управляет всеми действиями животного, тогда как человек и сам в этом участвует как свободно действующее лицо» [18, с. 54]. В труде «Рассуждения о происхождении неравенства» Руссо впервые высказал идею, что животные, подобно людям, обладают естественными правами, поскольку «одарены способностью чувствовать»: «так как они [животные] имеют с нашей природою нечто общее, поскольку и они одарены способностью чувствовать, то можно считать, что они также должны быть причастны естественному праву и что на человеке лежат по отношению к ним некоторого рода обязанности» [18, с. 43]. Сингер не разделяет концепцию естественных прав животных Руссо, он отвергает идею, что животные также как и люди изначально обладают естественными правами, и предлагает подход «равноценности потребностей». При этом Сингер соглашается с позицией Руссо, что способность испытывать страдания (а не размышлять) должна стать критерием обращения с другими существами. В этом ключе стоит привести мнение Руссо: «Я обязан не причинять никакого зла мне подобному, не столько потому, что он есть существо мыслящее, сколько потому, что он есть существо чувствующее: это качество, общее и животному и человеку, должно, по меньшей мере, давать первому из них право не подвергаться напрасно мучениям по вине другого» [Там же].

Дени Дидро похожим образом рассуждает: он считает, что животные тоже «мыслят», «страдают», «радуются». Подобно Сингеру, он называет животных «меньшими братьями», отмечая у них «те же потребности, те же желания, те же страсти», что и у человека [17, с. 388].

Дэвид Юм, на которого оказали влияния французские просветители, в частности Жан-Жак Руссо и Жюльен Офре де Ламетри, также отвергал мнение Декарта о животных как бесчувственных автоматах. По словам И.С. Нарского, крупнейший предшественник утилитаризма заходит настолько далеко, что допускает существование у животных такой эмоции как гордость, «вкладывает» в животных вариант человеческой психики. «Это, действительно, совершенно определено, убежден Юм, что поскольку (where) структура членов у животных такая же самая, что и у людей, и действие этих членов такое же самое, то причины этого действия не могут быть (у них) различными» [19, с. 198]. И.С. Нарский видит в таком подходе «затушевывание» специфики человеческого сознания. Юм, по его мнению, «опускает людей до животного уровня» [19, с. 226]. Подобной критике зачастую подвергается и Питер Сингер.

Иеремия Бентам, так же как и Питер Сингер, не разделяет концепцию естественных прав животных, предложенную Руссо. Однако утверждает, что несмотря на различия, люди и животные схожи в способности страдать. Не наличие разума, а способность чувствовать достаточна для признания за животными моральной ценности и обеспечения их юридической защиты: «Взрослая лошадь или собака несравненно более рациональна и общительна, чем младенец, которому день, неделя или даже месяц от роду. Но даже если бы было иначе, что с того? Вопрос ведь не в том, могут ли они рассуждать? могут ли они говорить? но в том, могут ли они страдать?» [20, гл. XIX]. Как можно заметить, Сингер использует аргумент Бентама, подчеркивая, как уже было показано, что между животными и человеком нет существенной разницы. И

те, и другие могут чувствовать боль, и этого достаточно, для признания их равенства.

И. Бентам, разумеется, также подвергает критике картезианский взгляд на животных. Не соглашается он и с теми, кто подобно Дж. Локку и И. Канту, утверждает, что обращение с животными имеет значение лишь в той степени, в которой оказывает влияние на людей, и что животные не имеют морального статуса, не могут иметь интересов. Питер Сингер, следуя Бентаму и доводя его мысль до логического завершения, критикует Канта за ограниченность подхода: не только люди, но и животные являются моральными субъектами. Сингер, как и отец-основатель утилитаризма считает, что люди имеют моральные обязательства перед животными и должны их защищать на уровне закона.

С публикацией «Происхождения видов» Чарльза Дарвина предшествующие философские интуиции о положении животных получили более строгое научное подтверждение. Сингер отмечает в «Освобождении животных», что теория эволюции не только усилила требования равенства животных, но и показала, что убийство животных не необходимо для выживания человеческого вида [2, с. 207]. В этом ключе стоит обратиться, на наш взгляд, не к Дарвину, а к Эрнесту Геккелю, не только крупнейшему популяризатору идей автора «Происхождения видов», но и влиятельному философу.

Геккель показал, что человеческий эмбрион проходит различные стадии эволюционного развития, такие как стадия жабр, как у рыб, стадия хвоста, как у обезьян, и пр. Ученый отмечает только «количественные», а не «качественные» различия между человеком и животным: «Сознание человека, пишет он, – продукт исторического развития органической природы – возникло и выросло из психики животного. Поэтому сознание человека... не что иное, как возросшая психика животного» [21, с. 91]. Подход Э. Геккеля повлиял в последствии на становление бихевиоризма в психологии. Также теорию эмбрионального повторения используют для обоснования допустимости абортов, поскольку эмбрион с точки зрения сторонников прерывания беременности находится на той стадии, когда еще не стал человеком.

Линии Геккеля и Дарвина через Гамильтона придерживается не только Сингер, но и Ричард Докинз, входящий, как и Сингер в международную организацию «Большие человекообразные обезьяны», целью которой является принятие Декларации ООН о правах человекообразных обезьян [22]². Оба также разделяют идеи Франса де Ваала, всемирно известного исследователя человекообразных обезьян, обосновавшего, что этика не является человеческим изобретением. Потребность в кооперации у животных могла, с его точки зрения, привести к социальным правилам, а они в свою очередь – к истокам морали [23].

Таким образом, в рамках той же просвещенческой традиции, восходящей к Ламетри, де Вааль приходит к выводу, что мораль – не порождение религии, а нечто врожденное, то, что заложено природой в человека, и что можно наблюдать уже у человекообразных обезьян. Питер Сингер в «Практической этике» об этом говорит так: «Мы унаследовали набор моральных интуиций от наших предков. Теперь нам нужно решить, какие из них следует изменить» [4, с. 3–5].

2 Кстати интересно, что именно Докинз написал введение к книге Паолы Кавальери и Питера Сингера «Проект больших человекообразных обезьян».

Утилитаризм П. Сингера и традиция критики религии

Как было показано, Питер Сингер в своей этике животных наследует не только утилитаризму Иеремии Бентама и Дэвида Юма, но и опирается на материалистскую традицию в рассмотрении природы человека и иных животных видов. Также как и предшественники Сингер убежден, что религия не может быть источником моральной жизни, а этика независима от религии, и должна в том числе принимать во внимание естественнонаучное знание. Обращая взгляд назад, на антирелигиозную традицию, которая, разумеется, не может быть исчерпывающе представлена в рамках одной статьи, следует отметить, что попытка мыслителей опровергнуть постулат «святости жизни», христианского «спесицизма» не могла не сопровождаться критическим переосмыслением религиозной морали, а вместе с тем и преследованием со стороны церкви.

Так И.С. Нарский, говоря о полемике Дэвида Юма с Декартом в 3-й главе «Трактата о человеческой природе» (рассуждения о разуме животных), отмечает сильный антирелигиозный посыл аргументации философа [19, с. 225–226]. За подобные взгляды Юм подвергался осуждению со стороны церковных кругов. Исследователь приводит пример из биографии Юма, который демонстрирует нетерпимое отношение к его взглядам: после смерти философа у его могилы на восемь суток пришлось выставить охрану, чтобы не дать ее осквернить религиозным фанатикам [19, с. 40]. Случай, разумеется, вопиющий, но не единственный в своем роде.

Сочинения многих французских просветителей были сожжены при их жизни: «Трактат о душе» Жюльена Офре де Ламетри, «Философские мысли» и «Прогулки скептика» Дэни Дидро, «Эмиль» Жан-Жака Руссо и др. В «Индекс запрещенных книг» католической церкви, помимо названных работ попали сочинения утилитаристов И. Бентама и Д. Юма. Духовная цензура также осудила материалистические идеи Эрнста Геккеля. В 1902 г. была сожжена его книга «Мировые загадки», в которой красной нитью проходит идея происхождения человека от животных.

Питер Сингер также открыто критикуется представителями религиозной мысли, не говоря об его единомышленнике Ричарде Докинзе. Так бывший архиепископ Кельна Иоахим Мейснер открыто осудил этическую позицию Сингера в отношении морального статуса животных. Он отвергает его идею, что некоторые животные в определенных случаях могут иметь более весомое моральное значение, чем некоторые люди. «Для его [Докинза] австралийского соратника по борьбе Питера Сингера свинья или обезьяна более ценны, чем беспомощный младенец или ослабленный старик, которых по большому счету можно лишить жизни или использовать как материал для опытов, если это не противоречит интересам родственников» [24], – говорит Мейснер. Также он проводит параллели между абортom и еврейским Холокостом, связывая позицию Сингера в отношении абортomов с нацизмом, несмотря на то, что семья философа пострадала от преследования евреев при Гитлере. Несколько родственников Питера Сингера (двое дедушек и бабушка) погибли в немецких концлагерях.

Однако не только религиозные мыслители выступают против некоторых практических положений этики Сингера. В конце 90-х в Германии прокатилась волна протестов

против спорных идей философа. Убежденный противник аборт, религиозный консерватор Стив Форбс прекратил свои пожертвования Принстонскому университету в 1999 г. из-за назначения Сингера на должность профессора [25]. Неудивительно, что Питера Сингера иногда называют самым влиятельным и самым опасным философом в мире [1]. Также вполне объяснима его острая критика положений христианского учения.

При всей нелюбви к христианству, а под критикой религии Сингера следует в первую очередь понимать критику христианства, все же нельзя утверждать, что для Сингера это – самоцель. В одном из интервью мыслитель, говоря о религиозном аргументе в дебатах об исследованиях эмбрионов, отмечает, что последователи христианства, конечно, вольны верить во что угодно, но пока это не нарушает фундаментальные ценности плюралистического общества [26]. Он считает, что пока возражения, например, против исследований эмбрионов основаны исключительно на религиозных аргументах, мировоззренчески нейтральное государство не должно принимать принудительных мер, запрещающих ученым экспериментировать с эмбрионами, добровольно пожертвованными им пациентами.

Интересно, что, по мнению Сингера, христианская традиция «во всех отношениях» уступает буддийскому учению, центральным принципом которого является предотвращение страданий всех живых существ [8, с. 58]. При этом он признает, что на практике обращение с животными в странах, где распространён буддизм, не лучше, чем в странах, где долгое время господствует христианство. Возможно, заключает Сингер, «религиозные предписания о том, как мы должны обращаться с животными, неэффективны в целом» [Ibid]. Приведенный выше анализ более чем двухсотлетней философской традиции, указывает на почти непреодолимые методологические противоречия между Сингером и христианством. Можно сказать, что в описанной выше «линии Ламетри» права животных и обязанность бережного обращения с ними вытекает напрямую из имманентных свойств животных как живых существ, обладающих ощущениями, страданиями и равноправных в этом плане человеку. При этом классическая западная христианская традиция имеет принципиально иной взгляд на статус человека. В отдельных случаях она приходит к схожим с Сингером практическим выводам (например, в вопросе бережного отношения к природе, заботе о творении). Но в отличие от подхода Сингера, человек здесь по-прежнему выступает единственной активной фигурой в этических вопросах. Необходимость защищать животных от страданий и грубого обращения проистекает из тех или иных трактовок «владычествования» человека над Божьим творением. В этом контексте человек мыслится как хозяин, пусть и заботливый, и ни о каком равенстве, на наш взгляд, говорить не приходится. Показательна здесь и мотивация Канта, и тезисы К.С. Льюиса [27]³. По

³ Согласно христианскому мыслителю К.С. Льюису, животные не находятся на одном уровне с человеком, «они подчинены ему, их судьба тесным образом связана с его судьбой». Также он сомневается в том, что дикие животные могут страдать, в отличие от домашних: «Когда мы говорим о столь далеких от нас существах, как дикие звери и доисторические животные, мы не слишком понимаем, о чем говорим. Вполне возможно, что они не имеют самосознания и не страдают». См. Льюис К. С. Боль. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/bol/26/>. – (Дата обращения: 02.08.2022).

мнению же Сингера, одного «заботливого» отношения к животным недостаточно для решения проблем современного движения за права животных

(а выше вы говорите об отрицании им ест-ных прав у жив.)- противоречия нет, Сингер не соглашается с концепцией естественных прав животных / человека, но он поддерживает зооактивистов в их борьбе за освобождение животных.

Заключение

Питер Сингер – значительная фигура зоозащитного движения, философ, впервые обративший пристальное внимание широкой общественности на проблему спесишизма, принципиальной видовой дискриминации животных по отношению к человеку. Спесишизм, по Сингеру, выражается во многих аспектах современного отношения к животным, рассматривающего их как нечто принципиально низшее по отношению к любому человеку, зачастую как лишенное собственных интересов и переживаний. Подобное отношение, на его взгляд, уходит своими корнями в две традиции: иудаизм и греческую философию. Эти корни соединяются в христианстве, и именно христианство, согласно Сингеру, ответственно за западное пренебрежительное отношение к животным.

Главную проблему христианства он видит в учении о «святости человеческой жизни», и о «владычествовании» человека над миром живой природы. Этот аспект практической этики философа, на наш взгляд, является ключевым элементом его критики религии, и находит отражение также в критике по вопросам, не связанным с животными. Рассматривая отношение христианства к животным, Сингер обращается ко многим конкретным местам Священного Писания, а также к некоторым трудам отцов церкви – рассмотрением цитат он обосновывает методологическую часть своей критики.

Анализ традиции, на которую явно или неявно опирается Сингер, показывает, что идея прав животных в строгом смысле – явление, очень тесно связанное с некоторыми чисто секулярными концепциями, и её довольно сложно примирить с положениями христианства. Исторически, менее антропоцентричный взгляд на отношение к животным возникает по мере того, как мыслители начинают занимать относительно независимые от церкви позиции по ряду вопросов, в том числе касающиеся воззрений на человека, его места в природе и обществе, морального статуса. Показано, что эта традиция начинается с французского материалиста Жюльена Офре де Ламетри, переосмысливается Дэвидом Юмом и Иеремией Бентамом, находит строгое научное подтверждение в работах Чарльза Дарвина и Эрнста Геккеля. Питер Сингер – продолжатель этой философской традиции. Концепцию Сингера можно обозначить как продукт эпохи Просвещения с ее материалистическим и секуляризированным посылом. В рамках этого подхода Сингер предлагает новый тип светской этики, который призван заменить христианскую этику «святости жизни». Признание за животными такого же морального статуса, как и за человеком – интегральная часть этой новой этики.

Список литературы

1. Specter M. The Dangerous Philosopher. – Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/1999/09/06/the-dangerous-philosopher> (accessed: 14.03.2022).
2. Singer P. Animal liberation, 2nd ed. – New York: Ecco, 2002. – 324 p.
3. Cavalieri P., Singer P. The great ape project: equality beyond humanity. – New York: St. Martin's Griffin, 1996– 312 p.
4. Singer P. Practical ethics, 2nd ed. – New York: Cambridge University Press, 1993 – 395 p.
5. Beed C., Beed C. Peter Singer's Interpretation of Christian Biblical Environmental Ethics // Worldviews: Global Religions, Culture, and Ecology. – 1998. – Vol. 2. (1). – pp. 53–68.
6. Фома Аквинский. Сумма Теологии. Ч. 2-2. Вопросы 1-46 / пер. С.И. Ере-меева, А.А. Юдина. – Киев: Ника-Центр, 2013. – 576 с.
7. John Paul II. Encyclical Letter 'Sollicitudo Rei Socialis'. – Available at: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_30121987_sollicitudo-rei-socialis.html (accessed: 14.08.2022).
8. Singer P. Engaging with Christianity // God, the good, and utilitarianism: per-spectives on Peter Singer. – New York: Cambridge university press, 2014. – pp. 53–67.
9. Clough D. On Animals: Volume I: Systematic Theology. – London; New York: T&T Clark, 2012. – 240 p.
10. Camosy C. C. For love of animals: Christian ethics, consistent action. – Cincin-nati, Ohio: Franciscan Media, 2013. – 144 p.
11. Camosy C. C. Engaging with Peter Singer // God, the good, and utilitarianism: perspectives on Peter Singer. New York, Cambridge university press, 2014. – pp. 68–91.
12. Clough D. How to respect other animals: lessons for theology from Peter Sing-er and vice versa // God, the good, and utilitarianism: perspectives on Peter Singer. – New York: Cambridge university press, 2014. – pp. 160–177.
13. Camosy C. C. Peter Singer and Christian ethics: beyond polarization. – Cam-bridge; New York: Cambridge University Press, 2012. – 278 p.
14. Singer P., Kuhse H. Should the Baby Live? The Problem of Handicapped Infants. † Oxford: Oxford University Press, 1988. – 228 p.
15. Perry J. God, the good, and utilitarianism: perspectives on Peter Singer. – New York: Cambridge university press, 2014. – 232 p.
16. Прокофьев А. Утилитаризм // Философская антропология. – 2019. – № 2. – Т. 5. – С. 192–215.
17. Французские просветители XVIII в. о религии / сост. А. И. Казарин. – М.: Гос-политиздат, 1960. – 788 с.
18. Руссо Ж-Жак. Трактаты / коммент. В. С. Алексеева-Попова и Л. В. Борщев-ской. – М.: Наука, 1969. – 703 с.
19. Нарский И. С. Философия Давида Юма. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 357 с.

20. Бентам И. О последствиях вредного акта // Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: Росспэн, 1998. – 416 с.
21. Веденов М. Ф. Борьба Э. Геккеля за материализм в биологии. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 224 с.
22. Dawkins R. Gaps in the Mind // The Great Ape Project: Equality Beyond Humanity. – New York: St. Martin's Griffin, 1994. – pp. 81–87.
23. Вааль Ф. де. Истоки морали, В поисках человеческого у приматов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 442 с.
24. Meisner diesmal gegen Dawkins. – Available at: <https://www.n-tv.de/panorama/Meisner-diesmal-gegen-Dawkins-article572128.html> (accessed: 14.08.2022).
25. Forbes S. Steve Forbes Declines Princeton Financial Backing Due to Singer Hiring. – Available at: <http://www.euthanasia.com/forb.html> (accessed: 12.08.2022).
26. Singer P. Je mehr wir für andere leben, desto zufriedener leben wir // Aufklärung und Kritik. – 1995. – № 1. – pp. 80-82.
27. Льюис К. С. Боль. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/bol/26/>. – (Дата обращения: 02.08.2022).

Сведения об авторе

Коростиченко Екатерина Игоревна – канд. филос. наук, научный сотрудник Института философии РАН

E-mail: ek.korostichenko@gmail.com

E. I. Korostichenko

ETHICS OF DEALING WITH ANIMALS AND CRITICISM OF CHRISTIAN ANTHROPOCENTRISM IN PETER SINGER'S PHILOSOPHY

***Abstract:** The article examines P. Singer's ethical concept regarding animal rights and his criticism of the Christian approach to this area of ethics. The philosopher presented his own project of preference utilitarianism, in which he embedded animals as moral subjects equal to man. Thus, he questions Christian anthropocentrism: a human in his system of ethics is fundamentally not superior to a chimpanzee or a dog. He criticizes Christian ethics for giving humans a special moral status, despite the fact that some members of the human species are inferior to some full-fledged members of other species in morally significant characteristics (consciousness, self-awareness and rationality). Singer recognizes the uniqueness of all species, speaking out against speciecism (discrimination on ground of species). Speciecism, according to Singer, has its roots in two traditions: Judaism and Greek philosophy. These roots are connected in Christianity, which defined the Western dismissive attitude towards animals. Our analysis of the tradition that Singer explicitly and implicitly relies on, shows that the presented concept of animal rights is closely related to the Enlightenment view on their nature, dating back to La Mettrie. The concept is quite difficult to reconcile with the provisions of*

Christianity. Singer's ethics is a product of the Enlightenment era, and absorbs its materialistic and humanistic message. Singer proposes a new type of ethics, which is intended to replace the Christian ethics of «sanctity of human life.» The recognition of animals of the same moral status as humans is an integral part of this new ethics.

Keywords: Peter Singer, speciecism, sanctity of life, animal ethics, preference utilitarianism, animal rights, animal rights movement, criticism of Christianity, atheism

References:

1. Specter M. The Dangerous Philosopher. Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/1999/09/06/the-dangerous-philosopher> (accessed: 29.06.2022).
2. Singer P. Animal liberation, 2nd ed. New York, Ecco, 2002. 324 p.
3. Cavalieri P., Singer P. The great ape project: equality beyond humanity, 1nd ed. New York, St. Martin's Griffin, 1996. 312 p.
4. Singer P. Practical ethics, 2nd ed. New York, Cambridge University Press, 1993. 395 p.
5. Beed C., Beed C. Peter Singer's Interpretation of Christian Biblical Environmental Ethics. Worldviews: Global Religions, Culture, and Ecology, 1998, vol. 2. (1), pp. 53–68.
6. Foma Akvinskiy. Summa Theologiae. Ch. 2-2. Voprosy 1-46 [Thomas Aquinas. Summa theologiae. Part of the AI-AI. Questions 1-46]. Transl. C.I. Eremeev. Kiev: Nika-Centr. 576 p. (in Russian).
7. John Paul II. Encyclical Letter 'Sollicitudo Rei Socialis'. Available at: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_30121987_sollicitudo-rei-socialis.html (accessed: 14.08.2022).
8. Singer P. Engaging with Christianity // God, the good, and utilitarianism: perspectives on Peter Singer. New York, Cambridge university press, 2014. pp. 53–67.
9. Clough D. On Animals: Volume I: Systematic Theology. London; New York, T&T Clark, 2012. 240 p.
10. Camosy C. C. For love of animals: Christian ethics, consistent action. Cincinnati, Ohio, Franciscan Media, 2013. 144 p.
11. Camosy C. C. Engaging with Peter Singer // God, the good, and utilitarianism: perspectives on Peter Singer. New York, Cambridge university press, 2014. pp. 68–91.
12. Clough D. How to respect other animals: lessons for theology from Peter Singer and vice versa // God, the good, and utilitarianism: perspectives on Peter Singer. New York, Cambridge university press, 2014. pp. 160–177.
13. Camosy C. C. Peter Singer and Christian ethics: beyond polarization. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2012. 278 p.
14. Singer P., Kuhse H. Should the Baby Live? The Problem of Handicapped Infants. Oxford, Oxford University Press, 1988. 228 p.

15. Perry J. God, the good, and utilitarianism: perspectives on Peter Singer. New York, Cambridge university press, 2014. 232 p.
16. Prokofyev A. Utilitarizm // *Filosofskaya antropologiya*, 2019. no. 2. (5), pp. 192–215.
17. French enlighteners of the 18th century on religion / comp. A. I. Kazarin. Moscow, Gospolitizdat, 1960. 788 p.
18. Russo Zh-Zhak. Treatises / com.V. S. Alekseyeva-Popova and L. V. Borshchevskoy. Moscow, Nauka. 1969. 703 p.
19. Narskij I. S. Philosophy of David Hume. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1967. 357 p.
20. Bentam I. On the Consequences of a Harmful Act, An Introduction to the Foundations of Morality and Legislation. Moscow, Rosspen, 1998. 416 p.
21. Vedenov M. F. The struggle of E. Haeckel for materialism in biology. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. 224 p.
22. Dawkins R. Gaps in the Mind // *The Great Ape Project: Equality Beyond Humanity*. New York, St. Martin's Griffin, 1994. pp. 81–87.
23. De Vaal', F.V.M. The origins of morality, In search of the human in primates, Moscow, Al'pina non-fikshn, 2014. 442 p.
24. Meisner diesmal gegen Dawkins. Available at: <https://www.n-tv.de/panorama/Meisner-diesmal-gegen-Dawkins-article572128.html> (accessed: 14.08.2022).
25. Forbes S. Steve Forbes Declines Princeton Financial Backing Due to Singer Hiring. Available at: <http://www.euthanasia.com/forb.html> (accessed: 12.08.2022).
26. Singer P. Je mehr wir für andere leben, desto zufriedener leben wir // *Aufklärung und Kritik*. 1995. no. 1, pp. 80–82.
27. Lewis, C.S. Pain. Available at: <https://azbyka.ru/fiction/bol/26/> (accessed: 14.08.2022).

Korostichenko Ekaterina Igorevna – PhD in Philosophy; researcher at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
E-mail: ek.korostichenko@gmail.com

УДК 101

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
В РЕАЛИЗАЦИИ КУРСА
«ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ»**

Минченко Т. П., Тираски Ф.

***Аннотация:** В статье проводится связь между древней традицией мудрости практической жизни, выделением практической философии в системе знания у Аристотеля и современным значением понятия «Практическая философия». В условиях углубляющейся антропологической катастрофы показываются ключевые противоречия в тенденциях образования и фундаментальная востребованность практической философии в современном образовательном процессе. Проводится различие между современной системой образования, нацеленного на подготовку узкого специалиста, человека «одной кнопки», и системой Истинного образования (*Αληθινή Παιδεία*), посредством которого два полушария мозга уравниваются и гармонизируются путем соединения этических, логических и эмоциональных аспектов образования. Обосновывается востребованность в современных условиях потенциала греческой системы целостного образования-воспитания, а также предшествующих российских образовательных систем. Представлена структура экспериментального курса «Теоретическая и практическая философия», и осуществление методики повышения гуманитарной компетентности студентов в процессе преподавания этого курса на основе концепции эмоционального обучения, получившей статус Федеральной инновационной платформы Минобрнауки России. По результатам исследования делается вывод о значительно более высокой эффективности данной методики по сравнению с подходом преимущественной цифровизации учебного процесса. В заключение говорится о необходимости формирования интегрированной системы обучения в вузах, в которой системообразующим ядром для формирования ноосферного мышления является теоретическая и практическая философия.*

***Ключевые слова:** практическая философия, истинное образование (*Αληθινή Παιδεία*), код греческого алфавита, повышение гуманитарной компетентности, эмоциональное обучение*

Важнейшей проблемой современности является ситуация антропологической катастрофы, являющейся истоком всех современных глобальных проблем [1].

Для образовательной системы в связи с этим, наиболее существенным представляется организация образования таким образом, чтобы избежать крайностей Сциллы и Харибды – с одной стороны, воинствующего невежества, «цифрового слабоумия» [2; 3] а, с другой – «образованных Эйхманов» [4].

Рассмотрим, какие возможности открывает практическая философия, дающая Истинное образование.

Феномен практической философии возникает в глубокой древности, в различных культурных традициях в учениях Будды, Конфуция или Сократа, в библейских книгах Экклезиаста или Иова, как мудрости практической жизни.

Систематизируя предшествующую традицию, Аристотель выделяет теоретическую (Θεωρητική), практическую (Πρακτική) и поийетическую (Ποιητική) философию. «Практические» знания касаются человеческого поведения, к практической философии у Аристотеля относится Этика (Ἠθικά) и Политика (Πολιτικά). Мыслитель особо подчёркивает неразрывную связь образования и нравственности. В «Политике» он формулирует главную задачу государства - воспитание в народе добродетели; нравственное и научное образование, по Аристотелю, важнее всяких войн и завоеваний [5].

Политика, в некотором роде, есть «искусство» управления людьми. С древних времен политические методы не всегда были этичными. Хорошо известным примером был Биас из Приены, один из семи греческих мудрецов, который уничтожал лучших людей своего общества (ἀρίστοι), чтобы не столкнуться с какими-либо противниками и оппонентами, которые создадут проблемы в его владениях. Если обществу когда-нибудь удастся объединить этику с политикой, это будет идеальное общество.

Понятие практической философии как практической мудрости в современных условиях связано с природой, настоящим искусством (несущим Свет) [6] и формированием ноосферы, предпосылки к созданию которой исследовал В. И. Вернадский [7].

Если Искусство (Τέχνη) опираясь на накопленный опыт, представлено произведениями, которые улучшают жизнь людей, то практическая мудрость напрямую формирует человеческие отношения, направленные на счастливую жизнь.

Вместе с тем, в современном образовании есть тенденция перегружать обучающихся большим количеством информации, хотя большая часть этих знаний оказывается бесполезной в жизни, а поскольку существует мало связей, связывающих загружаемые данные, очень скоро большая часть информации забывается.

В книге Ф. Тираски «Природа, искусство и подсознательные послания» [6] раскрывается содержание понятийных значений Природа, «Человек» (Антропос), «Искусство» с помощью кода греческого алфавита Теологоса Симеофороса [8] (подробнее о коде, методике расшифровки слов см. в [9]). Показаны принципиальные отличия современной системы образования, ориентированной на «специализированные знания», и Истинного Образования (Αληθινή Παιδεία), посредством которого два полушария мозга уравниваются и гармонизируются путем соединения этических, логических и эмоциональных аспектов образования.

Истинное Образование является основой формирования критического мышления (Κριτική Σκέψη) и Различения (Διάκριση), умения различать полезные знания, которые продвигают мысль, ум (Νοῦς) на более высокие уровни, а также проясняют границы между Добром и Злом. Интересно значение греческого слова «умный», расшифрованного с помощью кода греческого алфавита: «Εξυπνος» (умный) - «ἐξω ἀπό του ύπνου» (вне сна) – осознанно мыслящий, способный быстро извлечь из подсознания необходимую информацию.

Также с помощью кода греческого алфавита извлекается глубинный смысл поня-

тия «человек» в его разных ипостасях. Слово «Ἄνθρωπος» раскрывает духовно-космические аспекты:

AN = Первичный Разум

Θ = то, что рассматривается

P = поток

Ω = на планете

Π = как огонь

Ος = в определенном пространстве или теле

(AN) разум, который (ΘΡΩΠΟΣ) исцеляет (Νους Θεράπων)

Понятие Homo/Human/Humus в романских языках = Χώρα (Почва) указывает на физическую субстанцию человека:

X = почвенное тело

M = в видимой природе

Кроме того, значение слов, речи и письменного языка связано с почерком. То есть использование руки при письме связано с возможностью говорить и с выражением посредством речи [10].

Древнегреческое слово «χεῖρ», означающее «рука», включает в себя глагол «εἶρω», означающий «говорю», «говоря», «соединяю» («λέγω», «συνδέω»), и это открытие проясняет, что работа с почерком помогает людям общаться, а также соединять мысли и озарять нейроны их мозга. Когда кто-то пишет от руки, он получает кинестетическое знание, от ощущения движения, то есть от рисунка букв. Это знание в полной мере достигается при письме на греческом языке [11, с. 93]. Когда кто-то печатает, он теряет это специальное знание и у него остается только визуальный образ [11, с. 88].

Для лиц, перенесших инсульт, отмечается, что по мере улучшения письма больно-го улучшается и его речь, так как в головном мозге эти операции взаимосвязаны. Речь и умение писать неразрывно связаны, поэтому в современном мире чем больше люди используют другие средства письма, кроме рукописного ввода (такие как клавиатура, экраны мобильных телефонов и т.д.), тем больше у людей нарушена способность выражать свои мысли через речь, их словарный запас обеднен, а их интеллектуальные способности деградированы [12]. Это кажется «болезнью» молодежи нашего времени, поскольку цифровизация разрушает общение, а также чувствительные и тонкие связи между людьми, которые выходят далеко за рамки физического подхода.

Кроме того, уже много лет ученые предостерегают людей от интеллектуальной деградации [13; 14; 15] из-за того, что они не читают книг, а вместо этого продолжают развлекаться фильмами и клипами. Эта ментальность не помогает человеку развивать собственное воображение, а «питает» его разум продуктами иногда, психически больных людей (будь то продюсеры, певцы, актеры и т. д.), точно так же, как он питает себя пластиковой едой, алкогольными напитками и другими веществами, искажающими сознание.

Преувеличение в использовании технологий – одна из проблем, которую следует принять во внимание. Очень важным является предложение о том, что дети должны быть защищены от цифровизации, поскольку они могут использовать ПК, iPhone, iPad

и т. д. в возрасте до того, как они научатся писать от руки. Эффект от такого использования технологий будет виден примерно через 10-15 лет. Пока что будущее не кажется многообещающим для нового поколения людей. Если добавить к этой ситуации локдауны, маски, медицинские анализы или еще какие-то травмы, которые маленькие дети пережили за последние 2 года, то ожидаемым логическим результатом будет будущее уничтожение цивилизованного мира, вообще без применения каких-либо бомб. Однако, как отмечают эксперты, проблема цифровых прав человека еще находится на начальном этапе своего исследования [16].

Чтобы иметь уравновешенное и здоровое общество, необходимо, чтобы законы соблюдались в соответствии с Общим Разумом (Νοῦς).

Применительно к системе образования это связано с концепцией целостного образования-воспитания, опирающейся на античные истоки и воспринятой в европейской и российской дореволюционной культуре [17], с воспитанием человеколюбия [18], а не «образованных Эйхманов», без рассуждений выполняющих преступные приказы [7].

В современных условиях гораздо более перспективным для развития культуры представляется опора на развитие органических способностей человека в контексте концепции ноосферы В. И. Вернадского, а не ориентация на «технические костыли» или «цифровизацию» [7; 19].

При реализации курса «Теоретическая и практическая философия» ставилась цель повышения гуманитарной компетентности студентов, формирования установки на целостное, системное образование с опорой на ценности предшествующих российских образовательных систем в этом аспекте.

Например, русская дореволюционная система образования включала в себя основные аспекты целостного образования-воспитания, формировавшегося на восприятии греческой традиции, начиная с первого высшего учебного заведения в России - Славяно-греко-латинской академии, а также с появлением первых светских государственных учебных заведений в эпоху преобразований Петра I. В программах вузов предусматривались, помимо прочего, полноценные курсы греческого и латинского языков, логики, предметов, формирующих этическое и эстетическое восприятие в различных областях. Советская система образования, несмотря на официальный воинствующий атеизм и идеологизацию, опиралась на концепцию воспитания гармоничной личности. В частности, университетское образование было системным и включало полноценные курсы философии, логики, этики и эстетики. Большое внимание уделялось развитию ответственности, эстетическому развитию, воспитанию самоорганизации, нравственному, экологическому, правовому воспитанию [20].

Помимо установки на формирование целостного, разностороннего и гармоничного мировоззрения студентов с опорой на опыт прошлого, при осуществлении экспериментальной программы «Теоретическая и практическая философия» использовалась концепция, изложенная в книге Ф. Тираски «Природа, искусство и сообщения подсознания» [6; 11], сократический метод, а также методика повышения гуманитарной компетентности [21], и концепция эмоционального обучения [22].

В феврале 2022 г. Светленский губернаторский лицей, на базе которого более 20

лет реализуется концепция эмоционального обучения, получил статус Федеральной инновационной платформы Минобрнауки России, основной задачей которой станет разработка педагогической модели «Эмоционального воспитания» и механизмов ее реализации в образовательных учреждениях страны [23].

Программа курса «Теоретическая и практическая философия» включает 2 модуля. В первом модуле изучаются основы критического мышления, формы и законы логики, во втором - рассматриваются основные проблемы философии (аксиологические, антропологические, онтологические, гносеологические, методологические, социально-философские и др.), рассматриваемые через призму философских идей как в произведениях мыслителей, так и через анализ художественных произведений, в которых выражены философские концепции и идеи.

По окончании курса среди студентов было проведено исследование, направленное на совершенствование курса, включающее вопросы об изменении представления о философии, о том, что дал им этот курс, какие мировоззренческие проблемы показались им более актуальными, какая форма обучения оказалась более эффективной и т.д.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

- при сравнении результатов практики по методике повышения гуманитарной компетентности и эмоционального воспитания с практикой, основанной на использовании преимущественно дистанционных технологий, цифровизации в системе образования (это справедливо как на примере лицея [24], так и университетском уровне) обнаруживается несравненно более высокая эффективность первой; даже за относительно короткий период у большинства учащихся формируются основы представлений о целостном восприятии мира и смысле человеческого существования.

- Желательно проводить занятия в течение 2-х семестров, чтобы было необходимо время для осмысления основных идей и проблем философии, а также для закрепления навыков рефлексии на практике;

- Подавляющее большинство студентов (более 95%) отметили, что, особенно на 1 курсе, необходимы очные занятия, дистанционные формы обучения можно использовать только как дополнительные.

- Необходимо сформировать интегрированную систему обучения в вузах, предусматривающую значительное количество часов эмоционального, эстетического воспитания. Курс теоретической и практической философии, проводимый преимущественно в очном формате, способен стать системообразующим стержнем для формирования целостного мировоззрения и ноосферного мышления в структуре образования.

Список литературы

1. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 107-121.
2. Четверикова О.Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. 2019.

3. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. АСТ, 2015.
4. Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. Penguin Books. 1994.
5. Αριστοτελης: Πολιτικά (Πρωτος Τομος) Βιβλια Α-Β. 2006.
6. Tyraski F. Nature, Art and Subconscious Messages. Part A', Naxios Publications, Athens, 2020.
7. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.
8. Σημαιοφόρος Α. Θεολόγος. Το Ελληνικόν Αλφάβητον Αλοκαλύπτεται, Εκδόσεις: ΡΑΜΑΦΑ, 1995.
9. Минченко Т.П., Тираски Ф. Философское понятие эллинизма, ΕΛΛΗΝ ΛΟΓΟΣ и код греческого алфавита // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. – Симферополь, 2021. С. 20–24.
10. Roy A. Moxley, On the relationship between speech and writing with implications for behavioral approaches to teaching literacy // Anal Verbal Behav. 1990; 8: 127–140.
11. Tyraski F. Nature, Art and Subconscious Messages. Part B', Naxios Publications, Athens, 2020.
12. Doyle P.G., Goh C.C.M. How Do Speaking and Writing Support Each Other? // Language in Education. Social Implications. pp.105–124.
13. Winter C. 10 Benefits of Reading: Why You Should Read Every Day // <https://www.lifehack.org/articles/lifestyle/10-benefits-reading-why-you-should-read-everyday.html>
14. Wong Tsui-kai. Not reading enough results in poor language skills, cultural ignorance, and fear of books // <https://www.scmp.com/yp/discover/lifestyle/features/article/3059235/not-reading-enough-results-poor-language-skills>
15. Rebecca Joy Stanborough. Benefits of Reading Books: How It Can Positively Affect Your Life // <https://www.healthline.com/health/benefits-of-reading-books#increases-empathy>
16. Бурьянов М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации. Век глобализации. 2020. № 3. С 21-37.
17. Шичалин Ю.А. Основополагающее значение греческого пласта европейской цивилизации для понимания ее истории и перспектив ее развития // Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современности: коллективная монография / под науч. ред. Т.П. Минченко. Томск: STT, 2016. С.38-48.
18. Суждения и беседы «Лунь юй» /Пер: А. Е. Лукьянов, В.П. Абраменко. 2019.
19. Вернадский В. И. Автотрофность человечества //Русский космизм: антология философской мысли. Москва. 1993.
20. Закон РСФСР от 02.08.1974 «О народном образовании»: [сайт]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8384.htm
21. Minchenko T.P., Litvinova, T.D., Blank T.P., Trifonova L.E. Improving personal humanitarian competence using the practices at the Department of foreign languages of TSC SB RAS as an example // Construction of a Man: Reports of All-Russian scientific conference with international participation. Vol. 2. Tomsk: TSPU Press, 2008. С.99–103.

22. Сайбединов А. Г. Эмоциональное образование. Томск, 2019.
23. Губернаторский Светленский лицей стал Федеральной инновационной площадкой Минпросвещения России: [сайт]. – URL: <https://edu.gov.ru/press/4671/gubernatorskiy-svetlenskiy-licey-stal-federalnoy-innovacionnoy-ploschadkoy-minprosvescheniya-rossii/>
24. Губернаторский Светленский лицей: [сайт]. URL: <http://lyceum.tom.ru/main.php>.

Сведения об авторах

Минченко Татьяна Петровна – д-р филос. наук, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии

E-mail: mtp70@mail.ru

Тираски Фотейни – г. Афины, Издательство Наксиос, директор

T. P. Minchenko, F. Tyraski

SOME ISSUES OF PRACTICAL PHILOSOPHY IN THE IMPLEMENTATION OF THE COURSE «THEORETICAL AND PRACTICAL PHILOSOPHY»

Abstract: *In paper draws a connection between the ancient tradition of the wisdom of practical life, the separation of practical philosophy in the system of knowledge by Aristotle and the modern meaning of the concept of «Practical Philosophy». In the context of a deepening anthropological catastrophe, the key contradictions in the trends of education and the fundamental demand for practical philosophy in the modern educational process are shown. A distinction between the modern education system, aimed at training a narrow specialist, a “one-button” person, and the system of True Education (Αληθινή Παιδεία), through which the two hemispheres of the brain are balanced and harmonized by connecting the ethical, logical and emotional aspects of education is made. The relevance in modern conditions of the potential of the Greek system of holistic education and upbringing, and the previous Russian educational systems, is substantiated. The structure of the experimental course «Theoretical and Practical Philosophy» is presented, as well as the implementation of the methodology for improving the humanitarian competence of students in the process of teaching this course based on the concept of emotional learning, which received the status of the Federal Innovation Platform of the Ministry of Education of Russia. On the basis of the study, a conclusion about a significantly higher efficiency of this technique compared to the approach of predominantly digitalization of the educational process is made. In conclusion, it is said about the need to form an integrated system of education in universities, in which the backbone for the formation of noospheric thinking is theoretical and practical philosophy.*

Keywords: *practical philosophy, true education (Αληθινή Παιδεία), Greek alphabet code, humanities competence development, emotional learning*

References

1. Mamardashvili M.K. Soznanie i tsivilizatsiia [Consciousness and civilization] // Mamardashvili M.K. Kak ia ponimaiu filosofiū. M., 1992. S. 107-121.
2. Chetverikova O.N. Tsifrovoi totalitarizm. Kak èto delaetsia v Rossii. [Digital Totalitarianism. How is it done in Russia]. 2019.
3. Shpittser M. Antimozg: tsifrovye tekhnologii i mozg [Anti-brain: Digital Technologies and the Brain] AST, 2015.
4. Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. Penguin Books. 1994.
5. Aristotelis: Politika [Politics](Protos Tomos) Vivlia A-V. 2006.
6. Tyraski F. Nature, Art and Subconscious Messages. Part A', Naxios Publications, Athens, 2020.
7. Vernadskij V.I. Filosofskie mysli naturalista [Philosophical Thoughts of Naturalist]. M., 1988.
8. Simaiofóros A. Theológos. To Ellhnikón Alfávhton Apokalúptetai [The Greek Alphabet Revealed] Ekdóseiç: RAMAFA, 1995.
9. Minchenko T.P., Tiraski F. Filosofskoe ponátie èllinizma, ΕΛΛΗΝ ΛΟΓΟΣ i kod greçeskogo alfavita [The Philosophical Concept of Hellenism, ΕΛΛΗΝ ΛΟΓΟΣ and the Code of the Greek alphabet]// Inostrannaâ filologiâ. Social'naâ i nacional'naâ variativnost' âzyka i literatury. – Simferopol', 2021. S. 20–24.
10. Roy A. Moxley, On the relationship between speech and writing with implications for behavioral approaches to teaching literacy // Anal Verbal Behav. 1990; 8: 127–140.
11. Tyraski F. Nature, Art and Subconscious Messages. Part B', Naxios Publications, Athens, 2020.
12. Doyle P.G., Goh C.C.M. How Do Speaking and Writing Support Each Other? // Language in Education. Social Implications. pp.105–124.
13. Winter C. 10 Benefits of Reading: Why You Should Read Every Day // <https://www.lifehack.org/articles/lifestyle/10-benefits-reading-why-you-should-read-everyday.html>
14. Wong Tsui-kai. Not reading enough results in poor language skills, cultural ignorance, and fear of books // <https://www.scmp.com/yp/discover/lifestyle/features/article/3059235/not-reading-enough-results-poor-language-skills>
15. Rebecca Joy Stanborough. Benefits of Reading Books: How It Can Positively Affect Your Life // <https://www.healthline.com/health/benefits-of-reading-books#increases-empathy>
16. Bur'ánov M. S. Global'nye cifrovye prava čeloveka v kontekste riskov cifrovizacii [Global Digital Human Rights in the Context of Digitalization Risks]. Vek globalizacii. 2020. № 3. S 21-37.
17. Šičalin Ū.A. Osnovopolagaûšee značenie greçeskogo plasta evropejskoj civilizacii dlâ ponimaniâ ee istorii i perspektiv ee razvitiâ [Fundamental Significance of

- the Greek Stratum of European Civilization for Understanding of its Origins and Perspectives of its Development]// Vliânie èllinizma na nauku, kul'turu i obrazovanie sovremennosti: kollektivnaâ monografiâ / pod nauč. red. T.P. Minčenko. Tomsk: STT, 2016. S.38-48.
18. Suždeniâ i besedy «Lun' ûj» [Judgments and conversations «Lun Yu»]/Per: A. E. Luk'ânov, V.P. Abramenko. 2019.
 19. Vernadskij V. I. Avtotrofnost' čelovečestva [Autotrophy of mankind] //Russkij kosmizm: antologiâ filosofskoj mysli. Moskva. 1993.
 20. Zakon RSFSR ot 02.08.1974 «O narodnom obrazovanii»[Law of the RSFSR of 08/02/1974 «On Public Education»]: [sajt]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_8384.htm
 21. Minchenko T.P., Litvinova, T.D., Blank T.P., Trifonova L.E. Improving personal humanitarian competence using the practices at the Department of foreign languages of TSC SB RAS as an example // Construction of a Man: Reports of All-Russian scientific conference with international participation. Vol. 2. Tomsk: TSPU Press, 2008. C.99–103.
 22. Sajbedinov A. G. Èmocional'noe obrazovanie [Emotional education]. Tomsk, 2019.
 23. Gubernatorskij Svetlenskij licej stal Federal'noj innovacionnoj ploščadkoj Minprosvešeniâ Rossii [The Governor's Svetlensky Lyceum has become the Federal Innovation Platform of the Ministry of Education of Russia]: [sajt]. – URL: <https://edu.gov.ru/press/4671/gubernatorskiy-svetlenskiy-licej-stal-federalnoy-innovacionnoy-ploschadkoy-minprosvescheniya-rossii/>
 24. Gubernatorskij Svetlenskij licej [Governor's Svetlensky Lyceum: [website]: [sajt]. URL: <http://lyceum.tom.ru/main.php>.

Minchenko Tatyana Petrovna – Doctor of Philosophical Sciences, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor of the Department of Philosophy.
E-mail: mtp70@mail.ru

Tyraski Foteini – Athens, Naxios Publishing, Director

УДК 316.34

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ЧУЖОГО В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ

Коротченко Ю. М.

Аннотация: *Выявляются рефлексивные основания конструирования образа Чужого в социальном знании. Чужой трактуется как социальный Другой, восходящий к концепту Другого как субъекта сознания в феноменологии Э. Гуссерля, воспринятой феноменологической социологией в лице Г. Зиммеля, А. Шютца, П. Бергера, Т. Лукмана, феноменологией Чужого Б. Вальденфельса. Неоднородность Чужого распределена по шкале: Незнакомец, которого я не хочу знать, потому что Я хочу жить в только Мной сконструированной смысловой реальности – Чужой, который хочет быть для Меня Своим, но никогда им не станет, т.к. у нас с ним нет общей истории – Враг, социальная реальность которого в каждом ее фрагменте антиномична Моей и которую при этом он Мне ее навязывает как, по его убеждению, лучшую и в целом, единственную, а Моей социальной реальности не должно быть. Трактовка Своих и Чужих как субъектов интерпретации, а следовательно – сознания, позволяет говорить о социальной проблематике в философии сознания. Антиномичность коммуникации со схемой Свой – Чужой-как-Враг эксплицируется методом валютивного анализа. Отмечается кризисогенность такой коммуникативной схемы, ее губительность для отдельных обществ, государств, человечества. В качестве идеи, которая позволяет сохранять самобытность субъектов социального и культурного самосознания, выделяется идея всечеловеческого, укорененная в истории отечественной социальной, культурологической и философской мысли, развитая А.В. Смирновым.*

Ключевые слова: *Свой, Чужой, Чужой-как-Враг, валютивная антиномичность, всечеловеческое*

Есть философские концепты, актуальность обращения к которым возобновляется. Изменяются верхние слои их содержания, исследовательское внимание заостряется на злободневных в конкретное время сторонах содержательного философского стержня, позволяя обнаруживать новые смысловые оттенки и характеристики. Со всей очевидностью, к таким продуктам философской мысли относится концепт Чужого. Дискурс Другого был легимитирован в философии Гуссерлем, затем, на основании феноменологически понятой интерсубъективности, Другой становится важнейшим концептом в социальном знании. Близкими по историческому периоду (становление фундаментальной социологии) являются исследования социального Другого. Георг Зиммель пишет свои работы «Экскурс о чужаке» и «Человек как враг», Альфред Шютц, на основании понимания Другого Я и постановки проблемы интерсубъективности Гуссерлем, леги-

тимирует Чужого в том, что сам Шютц назвал социальной психологией, социальное действие определяется Максом Вебером в его понимающей социологии как действие с учетом других. Значительно позже, в 1997 году, на семинаре «От Я к Другому: проблемы социальной онтологии в постклассической философии», проходившем в Минске, феноменолог Бернхард Вальденфельс делает доклад под названием «Ответ Чужому: основные черты респонзивной феноменологии».

По мере интенсификации социальной проблематики, бурного расцвета междисциплинарных областей знания – теории коммуникации, дискурс-анализа, имагологии, политической психологии, социо- и психолингвистики, когнитивной лингвистики, компаративистских направлений в литературоведении и культурологии, – Другой приобретает модусы: Другой/Иной/Чужой/. Другой, «социализируясь», из онтологической или когнитивно-логической (в духе Гуссерля) абстракции трансформируется в абстракцию социальную. При этом внутренняя дифференциация Другого остается нечеткой.

Нам хотелось бы аналитически эксплицитно дифференцировать смысловое поле Чужого, сохранив при этом философско-рефлексивные константы трактовки Другого как субъекта сознания. Прежде всего, среди таких констант обнаруживает себя погруженность проблематики Другого в проблематику интерпретации, смысла, интерсубъективного коммуникативного взаимодействия в тематической панораме субъекта. Другой/Чужой полагается сознающим себя Ego как некая интенциональная направленность, создающая новый смысловой универсум, вырывающийся за пределы этого Ego, но в виде отражения в нем. Другой понимается как результат осмысления неким «Мной» как «Меня», но при этом Другой как Чужой «исключает конституированное из конкретного состава моей смыслоконституирующей конкретной самости» [1, с. 388]. Чужое рождает специфическая собственная сфера некоего Моего. Моего сознания, всегда своего для меня, свойственного Мне. Я или Свое тогда осмысливается как не-Чужое, не чуждое, как хорошо известное. А Чужое – как исключенное из Своего, и так оно видится в зеркале именно Своего, а иначе его нет. Чужое – абсолютно Другое Меня или Своего. Это аналог Своего еще и в том отношении, что оно принадлежит миру смысла и сознания, как и Свое. Но это неизвестные друг другу смысловые пространства. Другой как Чужой делает то же, что и Свой, но в результате рождается не Моя реальность. Итак, Чужой – субъект сознания, интерпретативно конституируемый неким отличным от него субъектом сознания, и тогда социум неизбежно неоднороден. Открыто социальной категорией Другого сделал Зиммель в «Эккурсе о Чужаке», где Чужой существует вне группы. Социальный Чужой также говорит о себе как субъект, извне, но все же приближающийся к группе, культурный образец которой не укоренен в его биографии. Он для группы – субъект без истории. У него, в случае рецепции им культурного образца группы, может быть общее с этой группой настоящее и даже будущее, но прошлое общим не станет никогда: «Могилы и воспоминания невозможно ни перенести, ни преодолеть. Следовательно, чужой сближается с другой группой как новичок в подлинном смысле этого слова» [2, с. 197]. Это Чужой, первоначально лишенный знания того, в каком культурном образце интерпретирует мир группа, с которой он хочет сблизиться, но с которой у

него нет общей истории. Или нет какого-то общего отрезка истории. Чужой по времени жизненного мира. Примером может служить поколенческий Чужой при условии кардинальных изменений в обществе, произошедших во время жизни значительно отстоящих друг от друга поколений, изменений, порвавших связь времен. В этом случае чуждость сосуществующих в одном социуме социальных субъектов становится конфликтогенным и деструктивным в смысле совместной созидательной деятельности фактором. В российском обществе, в публицистике, в художественном творчестве, в медиапространстве и на уровне государственных документов сегодня наблюдается тенденция к пониманию истории России как непрерывного процесса, обеспечивающего трансляцию важнейших для общества смыслов (см., например, [3]), что должно способствовать снижению градуса межпоколенческой интерпретационной конфронтации. При этом жизненные миры этих Чужих друг другу не обязательно антагонистичны. Они могут апеллировать к совершенно разным, непересекающимся и не имеющим никаких общих элементов жизненным мирам. И тогда потенциально Свои и Чужие могут конструировать полифонические миры, составляя друг для друга источник творческого смыслового обогащения и обновления (Чужой как мир, которого у Меня нет) эту сторону Чужого подчеркивает Б. Вандельфельс в [4], что близко к динамической теории культуры Ю.М. Лотмана [5].

Или быть Чужими друг другу на основании простого незнания жизненных миров друг друга. Тогда Чужой – Незнакомец (Stranger, Посторонний). Однако внимание к Чужому в таком смысле актуализируется в социуме со многими Чужими, пусть даже и такими, на первый взгляд, нейтральными друг другу. Незвестное таит в себе разные исходы по мере заполнения известным. Конструктивной формой коммуникации в этом случае будет интенция к пониманию того, что представляет собой Чужой, пониманию его жизненного мира. Тогда перспективы диалога приобретают определенность, по мере того как неосознаваемое или, особенно, намеренное нежелание узнать жизненный мир Чужого, подчеркнутое игнорирование Чужого, как если бы его не было, в ситуации, когда он все-таки есть, потенциально разрушает социум. Чужой как фигура умолчания может оказаться не менее опасной, чем явный антагонист. И, как показывает исторический опыт, продолжительность игнорирования Чужого в коммуникативном универсуме социума обратно пропорциональна показателям эффективности открытой коммуникации с ним. В Крыму показателен в этом отношении достаточно длительный на протяжении советской истории опыт умолчания темы депортации крымских татар в 1944 году. В результате этого опыта данная тематика стала, в том числе, разменной монетой для сил, несущих в себе коррозионный потенциал для крымского общества. Альтернативой здесь должно было бы стать непредвзятое научное (историческое и правоведческое) исследование, широко распространяемое среди крымчан, прежде всего, в виде образовательных программ на всех ступенях образования. Большие шаги уже сделаны, главным из которых стал Указ Президента РФ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», принятый в 2014 году. Это было urgently необходимо. Однако историческое знание этого вопроса во всей полноте пока не получило обязательного

широкого распространения, а в массовом сознании крымского общества продолжают бытовать полярные точки зрения на этот счет.

Итак, Свой и Чужой в социальном знании – образы субъекта, имеющие социокультурную соотнесенность, возникающие и функционирующие как продукты интерпретационных практик, связанных, прежде всего, с осмыслением субъектом себя (Свой), исторического опыта, настоящего и перспектив социальной общности, которой принадлежит как биографически укорененный в ней. Образ Чужого конструируется всегда как чей-то Чужой, это понятие соотносительное. Чужой начинается с отличия от Своего. Когнитивно он такой же, как Свой. Он способен к интерпретации, осмыслению и переживанию в той же мере, что и Свой. Но смысловые миры, в которых реконструирует себя социальная реальность как результат интерпретации, – разнятся. Различия тут могут, в свою очередь, градуироваться по степени дистанцированности Чужого от Своего. Социальные реальности множатся, и это реальности, создаваемые сознаниями идентичностей разного типа, опознаваемыми индивидами и как Свои идентичности, и как идентичности иного типа, чем Свой. Идентичности «встроены» в символический универсум с его теоретическими легитимациями и видоизменяются вместе с характером последних» [6, с. 281]. Символический универсум репрезентирует и легитимизирует тип конструирования реальности общностью и обществом в целом и, следовательно, некую идентичность, некоего Своего, а значит, и Чужого. И этот Чужой может быть интрасубъектным, внутренним еретиком, как индивидом или девиантной группой, не желающим следовать легитимизированному порядку институализации и воспринимаемым общностью как глупый или слабый. Это гораздо менее опасный Чужой, чем Чужой, считающий «наши определения реальности невежественными, безумными или абсолютно греховными» [там же, с. 176]. И это Чужой как социальный Другой в социальном конструкционизме Петера Бергера и Томаса Лукмана, – противостоящий символическому универсуму некоего Своего. И здесь усиливается степень чужести до альтернативности. Чужой становится угрозой для некоторого Своего символического универсума. Он может быть побежден в случае, если у Своего достаточно власти и силы, вплоть до военной, хотя пока последняя не применена, всегда остается возможность убеждения без использования военных средств. Однако в любом случае речь идет о конфликте Свой – Чужой по поводу того, чей символический универсум «лучше», «справедливее», «удобнее», «законнее» и т.п. конфликт этот антагонистичен, т.е., не преодолим. Чужой присутствует как альтернатива Своему. Несмотря на всю «символичность» сталкивающихся универсумов (типов идентичностей, смысловых реальностей), конфликты между ними разыгрываются по самым непримиримым и жестоким сценариям. Олицетворяя угрозу реальности Своего, Чужой становится Врагом. Социальный конструкционизм среди когнитивных механизмов поддержания символических универсумов выделяет то, что близко к историческим типам мировоззрения – мифологию, религию (в терминологии Бергера и Лукмана – теологию), философию и науку. Свой и Чужой также соотнесены с какими-то моделями осмысления и конструирования социального мира. При этом кристаллизуется Чужой как Враг в значении «полная альтернатива Своего».

Нам представляется, что концепт Врага как модуса Чужого в вышеуказанном смысле требует особого внимания сегодня, когда в условиях усиливающей неоднородности современного мира, Иное настойчиво заявляет о себе все менее нейтрально, а именно – как враждебное. Уместным здесь будет аналитический метод, позволяющий конкретизировать этот модус Чужого эксплицитно и на основании наблюдения реализуемых в социуме коммуникативных практик, а также на основании обращения к практикам использования языка как инструмента построения символического универсума Своего и обнаружения символического универсума Врага.

Применим здесь метод валлоативного анализа. Данный метод эффективен в отношении социальных общностей, ранжирующих социальную реальность на области оценочных смыслов. В данном случае его применение уместно: Враг – оценка максимально Чужого. Валлоативный анализ не выходит за пределы рефлексивных оснований конструирования образа Чужого как такового и Чужого как Врага в социальном знании. Чужой в валлоативной оптике – всегда Чужой некоторому Своему, он возникает из когнитивного полагания иной реальности, создаваемой в опыте интерпретации социальной реальности социальной общностью, репрезентирует себя в символическом универсуме посредством языковых форм, и отношение Свой – Чужой-как-Враг реализуется в качестве непримиримого конфликта. Метод валлоативного анализа предполагает построение оценочной модели интерпретационной активности социальной общности в виде матрицы смыслов особого рода. Оценочно фильтруя социальную реальность, социальный субъект конструирует себя как носителя некоторого валлоатива – интерпретационного центра социальной общности, обеспечивающего ее целостность¹. Имена ячеек валлоативной матрицы были нами выявлены в публичных текстах «от лица» различных, в том числе альтернативных (враждебных) друг другу социальных акторов, высказывающихся на остро значимые и актуальные на момент высказывания темы. Такими текстами послужили опубликованные труды, в том числе, научные, политически ангажированных авторов, программы политических сил, выступления кандидатов во время предвыборных кампаний, выступления на митингах, в политических ток-шоу, посты в социальных сетях лидеров политических сил и их эпигонов. Высказывания, делающие текст валлоативным, обнаруживают общую структуру: $|v; f|$, где v – особый оператор, маркер оценочности, а f – имя оцениваемого фрагмента социальной реальности. Оценочные маркеры отличаются по типу объекта оценивания. Типологизированные оценочные маркеры составят список имен ячеек валлоативной матрицы. Валлоативный текст – это всегда текст о героях, о мучениках (невинных жертвах), врагах (объекты оценки – люди); о нормах, границах дозволенного, о запретах, о морали и праве, подвигах и преступлениях (объекты оценки – поведение и поступки людей); о ценностях (объекты оценки: отношения между людьми, качества людей, моральные, эстетические феномены и т.п.); о том, на каком языке обо всем вышеперечисленном надо говорить, в каких художественных образах оно может быть выражено, о том, совокупность каких

¹ Подробно о валлоативном моделировании интерпретационной активности коллективного сознания см. в: Коротченко Ю.М. Валлоативные модели социального: герои и ценности. М.: Вузковский учебник, ИНФРА-М, 2018.

идей обеспечит правильную и справедливо устроенную жизнь, о том, какая общественная и политическая сила возглавит борьбу за такую жизнь (объекты оценки – формы саморепрезентации социального субъекта). Валюативная матрица задается как совокупность идентификаторов социального субъекта списком смысловых единиц:

- персонификаторы валюатива: герои, мученики, враги;
- нормы;
- ценности;
- формы репрезентации: язык, художественное творчество, идеология.

Коллективный субъект конструирует социальную реальность как проинтерпретированную в терминах своего валюатива – семантического поля, «приправленного» эмоциональной окраской, вызывающей эффект понимания, невыразимого словами, но бесконечно милого сердцу каждого адепта валюатива (П. Бергер и Т. Лукман говорили о необходимости этой оценочной прибавки к семантическому полю). В каждом валюативе, таким образом, идентификаторы приобретают притяжательную характеристику – все они Свои (Свои герои, Свои мученики, враги – в отношении к Своим и т.д. по всей матрице). В коммуникации Свой – Чужой-как-Враг присутствуют два участника, каждый из которых самому себе Свой, а Чужому – Враг. Это строго антиномичная валюативно репрезентируемая коммуникативная структура.

Выявляемые в социальном знании рефлексивные основания конструирования образа Чужого в его различных модусах – от Незнакомца до Врага, обращают внимание и на практическую сторону вопросов о том, кто такой Чужой, как с ним жить в одном социуме, насколько он реален, может ли он быть намеренно создан в общественном сознании и для него. Представляется, что в наши дни особого внимания требуют к себе социокультурные и политические Чужие-как-Враги. Причем коммуникация Свои – Чужие-как-Враги с политическим акцентом способна, как мы имеем возможность наблюдать, поставить под сомнение перспективу самого существования человечества. Как правило, коммуникативные сюжеты по этой схеме зарождаются в социокультурных нишах общества как межэтнические, межконфессиональные, межкультурные столкновения, всегда, однако, сводимые к способам интерпретации мира как объекта сознания. По мере нарастания валюативного антагонизма между участниками эти столкновения получают политическую легитимацию, в результате чего они становятся объектами управления. И тогда Свои и Чужие будучи субъектами, сформировавшимися и укорененными в общественной истории, обрастают атрибутами, усиливающими их стороны как Своих и Чужих, особенно Чужих-как-Врагов. Современный конфликт управляется, его смысловой стороной управляют крупные политические акторы, рвущиеся к доминированию. При этом технологии наращивания коммуникативной напряженности в социуме, прежде всего, информационные и прежде всего, в медиасфере, не создают принципиально новых субъектов коммуникации, не работают «с чистого листа». Они применяются к имеющимся и наиболее удобным, т.е., к таким, между которыми уже есть валюативная антиномичность. Задача состоит лишь в том, чтобы их обнаружить и найти пружины для давления на одну из сторон для поднятия градуса враждебности к валюативному ан-

тону. Следовательно, государства, в которых такие валюативно антиномичные пары есть, заведомо уязвимы. Валюативная антиномичность общества способна поляризовать социум, и тогда социокультурные интерпретационные противоречия становятся основанием для военного конфликта, приводят к глубокому тотальному кризису в обществе, выплескиваются на мировую арену, сами становятся средством ведения гибридных войн. Это наблюдается сегодня на Украине, поменявшей героев и врагов, нормы и ценности, язык описания мира, идеологию и наполнившей свое духовное пространство художественными образцами, возвеличивающими прежних врагов и уничижающих прежних героев. При этом этот новый оценочный набор не был укоренен на всей Украине, исторически он был органичен преимущественно на западных территориях, затем частично утвердился в центральных, северных и северо-восточных регионах. Но юго-восток Украины преимущественно (достаточно для наличия критической массы), также исторически, тяготел к иным социокультурным образцам. Идеалы хронологически последнего Майдана там могли быть только насильственно навязаны. Средства насилия здесь варьируются от оскорбительной риторики до физического истребления. Но этот конфликт, взорвавший Украину, приобрел статус международного в силу непосредственного военного присутствия в нем России и противостоящего ей субъекта под названием «коллективный Запад». Публичная коллективно-западная риторика в адрес России плотно валюативна. Нормы эпохи постправды благоприятствуют ей: реальное положение дел не учитывается, презумпция невинности применяется только к Своим, что бы они ни совершали (факты не интересны, если он свидетельствуют против Своих), Врага можно обвинять во всем вопиюще преступном еще до расследования.

Итак, антиномичный мир Своих и Врагов заведомо обречен. Сегодня человечество оказалось в тупике валюативной антиномии, в которой ни одна из сторон не докажет Чужому свою правоту и неправоту этого Чужого, т.к. каждая из сторон такой коммуникации для себя всегда права, а Чужой всегда и во всем неправ. Враг всегда антагонист Своему, и репрезентируется антагонизм этих субъектов сознания валюативно. Но и моновалюативный мир с валюативом субъекта интерпретации, который оказался сильнее всех своих Врагов, как показывает история, – утопичен или, по крайней мере, недолговечен; кроме того, в действительности он всегда не настолько тотален, как хотелось бы победителю. Обобщенно говоря, практика конструирования образа Чужого-как-Врага реализуется в мировом масштабе, когда крупномасштабный игрок на мировой шахматной доске выбирает для себя стратегию на единоличное мировое лидерство, обосновывая ее показательно валюативно (например, демократическими ценностями) с перечислением врагов как акторов, препятствующих всемирному распространению такого валюатива. Сегодня остро актуализируется потребность в зоне интерпретационного согласия, лежащей вне валюативов участников коммуникации Свой – Чужой-как-Враг и содержащей средства конструирования реальности, которые могли бы создать реальность, проинтерпретированную как бытие-вместе. Тогда оценка валюативно мотивированного поведения противоборствующих субъектов, каждый из которых другому – Враг, станет оценкой их близости, например, к базовым правам человека или этическим иде-

алам, которые выработало человечество, – к тому, иными словами, что позволило бы сохранить культурно-историческую самобытность, культурные образцы и иные формы социальной реальности, в том числе и валюативно выражаемые, но без абсолютируемого противопоставления Другому, который в результате такого противопоставления неминуемо станет Врагом. Плодотворной с этой точки зрения является идея всечеловеческого, восходящая к трудам отечественных мыслителей – В.Ф. Одоевского, Н. Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского и развитая А.В. Смирновым в [7] как альтернатива идее общечеловеческого, навязывающей в качестве всеобщей какую-то одну логику смыслополагания как логику культуры.

Таким образом, неоднородность Чужого как социального Другого выявляется по шкале: Незнакомец, которого Я непреднамеренно не знаю в силу моего невежества или его длительной отдаленности от меня – Незнакомец, которого я не хочу знать, потому что я хочу жить в только мной сконструированной смысловой реальности – Чужой, который хочет быть для меня Своим, но никогда им не станет, т.к. у нас с ним нет общей истории – Враг, социальная реальность которого в каждом ее фрагменте антиномична Моей и которую при этом он Мне ее навязывает как, по его убеждению, лучшую и в целом, единственную, а Моей социальной реальности не должно быть. Конструирование образа Чужого в социальном знании восходит к гуссерлианскому концепту Другого как Другому сознанию, феноменолого-социологическим теориям Г. Зиммеля (Чужой как близкий в общих качествах и как дальний в специфических качествах, общих членам некоторой группы), А. Шютца (Чужой как Чужой жизненный мир, Чужие культурные образцы), П. Бергера и Т. Лукмана (Чужой как «автор» социальной реальности, отличной от сконструированной Мной), Б. Вальденфельса (Чужой как такая альтернатива Своего, в которой этот Свой обнаруживает для источник обновления). Модус Чужого-как-Врага выявляется методом валюативного анализа как модель оценочной интерпретации социального мира, антиномичная некоторому Мне. Во всех случаях Свои и Чужие – образы субъектов сознания, продукты деятельности сознания (осмысления, интерпретации, чувствования, переживания, верования, убежденности), что позволяет говорить о социальной проблематике в философии сознания.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Картезианские медитации // Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 377 – 442.
2. Шютц А. Чужой. Очерк социальной психологии // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С 191 – 206.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Режим досту-

па: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1>

4. Вальденфельс Б. Ответ Чужому: основные черты респонзивной феноменологии // Мотив чужого: Сб. пер. с нем. / Научный ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова. Мн.: ПроPILEI, 1999. С. 123 – 140.
5. Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПб», 2000. С. 12 – 148.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995.
7. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs Общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Сведения об авторе

Коротченко Юлия Михайловна – д-р филос. наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии
E-mail: yuliyakor03@gmail.com

Y. M. Korotchenko

REFLEXIVE GROUNDS FOR CONSTRUCTING AN IMAGE OF THE ALIEN

***Abstract:** The reflexive grounds for constructing the image of Alien in social knowledge are revealed. The Alien is interpreted as a social Other, going back to the concept of the Other as a subject of consciousness in Husserl's phenomenology, perceived by phenomenological sociology in the G. Simmel, A. Schutz, P. Berger, T. Luckman, and the phenomenology of the Alien by B. Waldenfels. The heterogeneity of the Alien is distributed on a scale: A stranger whom I do not want to know, because I want to live in a semantic reality constructed by Me only - an Alien who wants to be My own for Me, but will never become one, because we do not have a common history with him - the Enemy, whose social reality in each of its fragments is antinomic to Mine, and which, at the same time, he imposes on Me as, in his opinion, the best and, in general, the only one, and My social reality should not exist. Interpretation of «Friends» and «Others» as subjects of interpretation, and therefore - consciousness, allows us to talk about social issues in the philosophy of consciousness. The antinomy of communication with the scheme of One's own - Alien-as-Enemy is explicated by the method of valuation analysis. It is noted that such a communicative scheme is crisis-prone, its destructiveness for individual societies, states, humanity. As an idea that allows you to preserve the originality of the subjects of social and cultural self-consciousness, the idea of the universal, rooted in the history of domestic social, cultural and philosophical thought, developed by A.V. Smirnov.*

Keywords: Own, Alien, Alien-as-Enemy, value antinomy, pan-human

References

1. Gusserl' È. Kartezianskie meditatsii // Gusserl' È. Izbrannye raboty / Sost. V. A. Kurennoi. [Cartesian Meditations // Husserl E. Selected Papers / Comp. by V.A. Kurennoi] Moscow: Izdatel'skiĭ dom «Territoria budushchego», 2005. («Universitetskaia biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo»). S. 377 – 442.
2. Shiutts A. Chuzhoĭ. Ocherk sotsial'noi psikhologii // Smyslovaia struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii / Sost. A.Ia. Alkhasov; Per. s angl. A.Ia. Alkhasova, N.Ia. Mazlumianovoĭ; Nauch, red. perevoda G.S. Batygin. [The Strager. An Essay for social Psychology // Shutts A. Semantic Structure of Everyday World] M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003. S. 191 – 206.
3. Strategiia national'noi bezopasnosti Rossiĭskoi Federatsii [Russian Federation Security Strategy]. Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1>
4. Val'denfel's B. Otvet Chuzhomu: osnovnye cherty responzivnoi fenomenologii // Motiv chuzhogo: Sb. per. s nem. [Response to the Stranger: RESPONSITIVE PHENOMENOLOGY MAIN FEATURESthe main features] / Nauchnyi red. A. A. Mikhaĭlov; otv. red. T. V. Shchittsova. Mn.: Propilei, 1999. S. 123 – 140.
5. Lotman Iu.M. Kul'tura i vzryv // Lotman Iu.M. Semiosfera. – SPb.: «Iskusstvo – SPB», 2000. S. 12 – 148.
6. Berger P., Lukman T. Sotsiial'noe konstruirovanie real'nosti [The Social Construction of Reality]. M.: Academia -Tsentr, Medium, 1995.
7. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoe vs Obshchechelovecheskoe. M.: OOO «Sadra»: Izdatel'skiĭ Dom IaSK, 2019.

Korotchenko Yuliya Mikhaylovna – Doctor of Philosophical Sciences, Docent, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor of the Department of Philosophy
E-mail: yuliyakor03@gmail.com

ИНТУИТИВНАЯ ЭТИКА: КАК ВРОЖДЕННЫЕ ИНТУИЦИИ ПОРОЖДАЮТ КУЛЬТУРНО ИЗМЕНЧИВЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Джонатан Хайдт, Крейг Джозеф

Перевод с английского А. А. Португальской¹

Аннотация: Цель статьи – внести вклад в исследование роли интуиции и аффекта (в отличие от размышления) в моральном суждении, а также в разработку теории моральных оснований, проливающей свет на то, как небольшой набор психологических систем служит врожденным “фундаментом” моральной психологии. При этом моральные добродетели представляются в данной теории социально построенными на этом “фундаменте”.

Ключевые слова: моральная интуиция, эмоции, теория моральных основ, идеология

Странности завораживают. Средневековые карты, украшенные фантастическими зверями, чудесные камеры шестнадцатого века, наполненные природными и технологическими чудесами, даже таблоиды супермаркетов конца двадцатого века – все это свидетельствует о человеческом увлечении вещами, которые нарушают наши основные представления о реальности. Поэтому изучение морали и культуры является увлекательной по своей природе темой.

Люди создали разнообразную мораль, которая может различаться столь значительно, как у нацистов и квакеров, охотников за головами и джайнов. И все же, когда мы внимательно рассматриваем повседневную жизнь людей в различных культурах, мы можем найти элементы, которые возникают почти во всех из них: к примеру, взаимность, лояльность, уважение к (некоему) авторитету, ограничения на физический вред и регулирование питания и сексуальности. Что нам следует делать с этой чертой сходства внутри глубокого различия? Социологи традиционно придерживаются двух подходов.

Эмпирический подход утверждает, что моральное знание, моральные убеждения, моральные действия и все другие составляющие морали усваиваются в детстве. В человеческом разуме нет моральной способности или чего-то наподобие ей, хотя могут быть некоторые врожденные механизмы обучения, которые позволяют приобретать более поздние знания. В той мере, в какой существуют сходства между культурами, они возникают потому, что все культуры сталкиваются с аналогичными проблемами (например, как разделить власть и ресурсы, как заботиться о детях и разрешать споры), для которых они часто вырабатывают аналогичные решения.

В свою очередь нативистский подход утверждает, что знание о таких вопросах, как справедливость, вред и уважение к власти, было встроено в человеческий разум эволю-

¹ Перевод выполнен по изданию: Jonathan Haidt, Craig Joseph, “Intuitive Ethics: How Innately Prepared Intuitions Generate Culturally Variable Virtues”, *Daedalus* Vol. 133, No. 4, *On Human Nature* (Fall, 2004), pp. 55–66.

цией. Все дети, воспитываемые в разумной среде, будут развивать эти идеи, даже если их не учат взрослые. В той мере, в какой существуют различия между культурами, они возникают из-за местных различий в реализации универсальных моральных знаний (например, должны ли отношения между братьями и сестрами руководствоваться рангом и уважением к старшим или равенством и взаимностью?).

Мы хотели бы здесь проработать один аспект идеи о том, что мораль является одновременно врожденной и приобретённой. Мы не станем развивать неубедительный и компромиссный подход. Мы, скорее, представим модифицированный нативистский взгляд, который, по нашему мнению, полностью учитывает глубину и важность культурных различий в морали. Мы сделаем это, сосредоточив внимание на до сих пор игнорируемой связи – связи между интуициями, особенно подмножеством тех интуиций, которые, как мы утверждаем, являются врожденными в важных отношениях, и *добродетелями*, которые по большому счету являются социальными конструкциями.

Мы предполагаем, что люди обладают *интуитивной этикой* – врожденной готовностью испытывать вспышки одобрения или неодобрения по отношению к определенным моделям событий, связанных с другими людьми. Четыре модели, для которых, на наш взгляд, имеются наилучшие доказательства, связаны со страданием, иерархией, взаимностью и чистотой. Эти интуиции лежат в основе моральных систем, развиваемых культурами, которые включают в себя присущее каждой из них понимание добродетелей и характера. Признавая, что культуры строят несоизмеримые моральные системы на основе общих интуиций, мы можем разработать новые подходы к нравственному воспитанию и к моральным конфликтам, которые разделяют наше разнообразное общество.

Антропологи часто начинают с социологических фактов, а затем пытаются спуститься на один уровень анализа к психологии. Законы, обычаи, ритуалы и нормы, очевидно, различаются, и из этих различий разумно заключить, что многие психологические факты, такие как убеждения, ценности, чувства и привычки, различаются тоже. Эволюционные психологи, напротив, работают по преимуществу в пространстве между психологическим и биологическим уровнями анализа. Человеческий мозг является продуктом естественного отбора, приспособленным для решения проблем, с которыми сталкивались наши предки-гоминиды на протяжении миллионов лет. Так как мозг младенцев практически не различается в разных культурах и расах, разумно предположить, что многие психологические факты (например, эмоции, мотивация и способы обработки социальной информации) служат частью исходного “оборудования”, которое эволюция встроила в нас для решения этих повторяющихся проблем.

Итак, как мы можем заставить тех, кто нисходит с уровня социологических фактов, соединиться с теми, кто восходит с уровня биологических фактов? Где имени нам следует соединить оба подхода? Место встречи должно быть где-то на территории психологии, и мы предполагаем, что точное место – это интуиция. Интуиция – это суждения, решения и идеи, которые возникают в сознании без нашего ведома о психических процессах, которые привели к ним. Когда вы внезапно узнаете ответ на вопрос, над которым долго размышляли, или когда вы знаете, что вам кто-то нравится, но не можете

сказать почему, ваше знание интуитивно. Моральная интуиция – это подкласс интуиции, в котором чувства одобрения или неодобрения возникают в сознании, когда мы видим или слышим о чем-то, совершенном кем-то, или когда мы рассматриваем варианты того, как поступить самим [1].

Интуиция возникает потому, что разум состоит из двух различных систем обработки информации. Большую часть познания можно назвать интуитивной, или автоматической, системой. Человеческий разум, как и ум животных, выполняет большую часть своей работы путем автоматического сопоставления с образцом и распределенной обработки. В частности, наша зрительная система делает тысячи интерпретаций каждую секунду без каких-либо сознательных усилий или даже осознания. Она делает это, частично полагаясь на встроенные кратчайшие пути обработки или эвристику (например, предположение, что линии продолжаются за препятствиями, которые скрывают их части), которые интегрированы с приобретенным знанием о вещах в видимом мире. Подобным образом многие психологи теперь считают, что большая часть социального познания происходит быстро, автоматически и без усилий – одним словом, интуитивно, – когда наш разум оценивает людей, с которыми мы сталкиваемся, по таким признакам, как привлекательность, угроза, пол и статус. Разум достигает этого, частично полагаясь на эвристику, которая затем интегрируется с изученными фактами о социальном мире.

Но человеческий разум отличается от сознаний других животных наличием хорошо развитой второй системы, в которой обработка происходит медленно, преднамеренно и полностью в пределах рационального осознания. Когда вы мыслите словами или рассуждаете о проблеме или возвращаетесь от цели к своему нынешнему положению, вы используете систему рассуждений, или управляемую систему. Большинство психологических исследований морали рассматривали дискурсивное моральное мышление, отчасти потому что оно столь доступно. Все, что вам нужно сделать, – это спросить кого-нибудь, как это сделал Лоуренс Кольберг: “Как вы думаете, должен ли Хайнц вломиться в аптеку, чтобы украсть лекарство, чтобы спасти жизнь своей жене?” [2]. Кольберг разработал всесторонний анализ нравственного развития, рассмотрев, как менялись ответы людей на такого рода дилеммы в детстве и юности.

Тем не менее недавние исследования в области социальной психологии показывают, что ответы на такие дилеммы в основном исходят из интуитивной системы: у людей есть быстрые интуитивные ощущения, которые приходят в сознание, как только им представляется ситуация. Большинство решает в течение секунды или двух, должен ли Хайнц украсть наркотик. Затем, когда их просят объяснить свои суждения, люди ищут подтверждающие аргументы и обоснования, используя систему аргументации [1; 3]. Как и в случае с визуальной системой, мы не можем знать, как мы пришли к тому, чтобы увидеть что-то; мы можем только знать, что мы это видим. Если вы сосредотачиваетесь на причинах, которые люди приводят в обоснование своих суждений, вы изучаете рациональный хвост, которым завивляла эмоциональная собака.

Мы предполагаем, что интуиция – это плодотворная, но недостаточно изученная эвристическая конструкция для исследования морали. Именно здесь мы можем выде-

лить небольшое количество основных единиц, которые могут лежать в основе большого разнообразия культурных продуктов. Аналогичные единицы составляют наши системы восприятия. Три вида рецепторов в коже (для давления, температуры и боли) работают вместе, чтобы дать нам различные ощущения от прикосновения. Пять видов рецепторов на языке (для соли, сладкого, горького, кислого и, как ни странно, глутамата) работают вместе с нашим обонянием, чтобы дать нам большое разнообразие вкусовых ощущений. Может быть, существует несколько различных видов социальных рецепторов, которые формируют основу нашего высокоразвитого и разнообразного в культурном отношении морального чувства?

Что эволюция может вложить в разум и как она это делает? Существует мнение, что эволюционный процесс создал врожденные знания различного рода [4; 5]. Так, младенцы, по-видимому, обладают врожденным знанием лиц и сладких вкусов, потому что их мозг оснащен клетками и цепями, которые их распознают. Но наши более сложные способности часто точнее описываются в качестве “готовности” чему-то научиться. К примеру, люди рождаются с небольшим количеством врожденных страхов, но мы становимся подготовленными к тому, чтобы легко приобрести определенные страхи (например, перед змеями, пауками, мышами, открытыми пространствами), и культуры различаются по степени, в которой они усиливают такие страхи или противостоят им. С другой стороны, очень трудно вызвать страх перед цветами или даже перед такими опасными вещами, как ножи и огонь, потому что эволюция не “подготовила” наш разум к усвоению таких ассоциаций.

Итак, какие моральные интуиции может развить разум? Каковы закономерности в социальном мире, на которые люди могут легко отреагировать одобрением или неодобрением? Существует несколько способов ответить на эти вопросы. В данном очерке мы используем то, что можно было бы назвать метаэмпирическим подходом, исследуя работы различных социологов, чтобы найти общее ядро моральных ценностей, забот и вопросов.

Мы сосредоточились на пяти работах – две из которых направлены на описание того, что является универсальным [6; 7], две описывают то, что является культурно изменчивым [8], и одна описывает строительные блоки морали, которые видны у других приматов [9]. Мы начали с простого перечисления основных видов социальных ситуаций, на которые, по словам этих пяти авторов, люди (или шимпанзе) реагируют с четкой положительной или отрицательной оценкой. Затем мы подсчитали количество “голосов”, полученных каждой ситуацией, то есть количество авторов (из этих пяти), которые сослались на нее прямо.

Победителями во всех пяти работах стали «страдание/сострадание», «взаимность/справедливость» и «иерархия/уважение». Похоже, что во всех человеческих культурах люди часто реагируют вспышками чувств, связанными с моральной интуицией, когда они воспринимают определенные события в своем социальном мире: когда они видят, как другие (особенно дети) страдают, а другие причиняют эти страдания; когда они видят, что другие обманывают или не платят за услуги; и когда они видят других, которые

проявляют неуважение или ведут себя не так, как подобает их статусу в группе. У шимпанзе эти реакции возникают в основном у особи, которой причинен непосредственный вред. Отличительной чертой человеческой морали является забота о третьей стороне: человек А может разозлиться на человека В за то, что она сделала с человеком С. На самом деле, люди так любят проявлять свою моральную интуицию, обращённую к третьей стороне, что платят деньги, чтобы видеть и выслушивать истории о вымышленных незнакомцах, которые делают друг другу плохие вещи.

Лучший способ понять наши аргументы – начать с понятия давних адаптивных вызовов, а затем просмотреть каждую из колонок в *таблице 1*. Например, длительная зависимость, характерная для приматов, особенно людей, сделала необходимым или, по крайней мере, полезным для матерей обнаружение признаков страдания и дистресса у их потомства. Матери, которые хорошо улавливали такие сигналы, продолжали воспитывать больше выживших отпрысков, и со временем была разработана система связи, в которой стилизованные сигналы детских бед вызывали материнскую помощь. Психологическая подготовка к иерархии эволюционировала, чтобы помочь животным, живущим в социальных группах, максимально использовать свои относительные способности доминировать над другими. Учитывая неравное распределение силы, мастерства и удачи, те люди, у которых были правильные эмоциональные реакции, чтобы успешно подыгрывать и продвигаться по служебной лестнице, преуспели лучше, чем те, кто отказался играть подчиненную роль или не сумел благожелательно распорядиться выгодами власти [10]. Аналогичным образом, готовность к взаимности развилась, чтобы помочь животным, особенно приматам, пожинать плоды сотрудничества с неродственными. Люди, которые чувствовали себя плохо, когда их обманывали, и которые были мотивированы отомстить, смогли успешно участвовать в большем количестве игр с ненулевой суммой с другими людьми [11].

Полезный набор терминов для анализа того, каким образом такие способности внедряются в сознание, получен из недавних исследований модульности психического функционирования. Эволюционировавший когнитивный модуль – это система обработки, которая была разработана для решения проблем или возможностей, возникающих на протяжении многих поколений в наследственной среде вида. Модули – это небольшие фрагменты программирования ввода-вывода, способы обеспечения быстрого и автоматического реагирования на конкретные триггеры окружающей среды. В этом отношении модули ведут себя очень похоже на то, что когнитивные психологи называют эвристикой, ярлыками или эмпирическими правилами, которые мы часто применяем, чтобы быстро получить приблизительное решение (и обычно интуитивно).

Одним из полезных различий в литературе по модульности является различие между *надлежащими* и *действительными* областями модуля. Надлежащая (или подходящая) область – это набор конкретных сценариев или стимулов, для обработки которых был разработан модуль. В случае модуля страдания/сострадания подходящей областью является вид собственного ребенка, демонстрирующего стереотипные признаки беспокойства или страха. Надлежащая область, возможно, распространилась и на беспокой-

ство, проявленное всеми родственниками. Действительная (или актуальная) область, напротив, представляет собой набор всех вещей в мире, которые теперь запускают модуль. Это включает в себя страдания чужих детей, голодающих взрослых, которых показывают по телевизору, изображения детенышей тюленей, которых забивают дубинками до смерти, и наших домашних собак, которые чахнут, хандрят, скулят и разбивают нам сердца, когда мы каждое утро готовимся идти на работу.

Концепция модулей полезна для размышлений о моральных интуициях. Одна из возможностей заключается в том, что моральные интуиции являются результатом небольшого набора модулей. Когда модуль принимает поведение или характер другого человека в качестве входных данных, а затем излучает чувство одобрения или неодобрения, полученный результат является моральной интуицией. В сильных случаях каждый из этих моральных модулей вызывает полноценную эмоцию: страдание вызывает сострадание; высокомерное поведение подчиненных вызывает презрение; обман вызывает гнев. Но в большинстве случаев наши моральные модули запускаются незначительными событиями, сплетнями, тем, что мы читаем в газетах, и мы по-настоящему не злимся и не испытываем сострадания; мы просто чувствуем небольшие вспышки одобрения или неодобрения.

Для трех наборов моральных интуиций, которые мы рассмотрели до сих пор, постоянный адаптивный вызов является вызовом. Но есть странный уголок нравственной жизни, странный, по крайней мере, для современных жителей Запада, которые склонны думать, что мораль строго связана с тем, как мы относимся к другим людям. Этот угол – глубокая морализация тела и телесных действий, таких как менструация, еда, купание, секс и обращение с трупами. Значительная часть морального закона иудаизма, индуизма, ислама и многих традиционных обществ прямо связана с регулированием чистоты и загрязнения.

Основываясь на наших исследованиях и исследованиях других ученых, мы предполагаем, что широко распространенные в культуре опасения по поводу чистоты и загрязнения можно отнести к модулю чистоты, разработанному для решения адаптивных проблем жизни в мире, полном опасных микробов и паразитов. Надлежащая область модуля чистоты – это набор вещей, которые были связаны с этими опасностями в нашей эволюционной истории. К ним относились, среди прочего, гниющие трупы, экскременты и животные-падальщики. Такие вещи и люди, которые вступают с ними в контакт, вызывают быстрое, автоматическое чувство отвращения. Со временем этот модуль чистоты и его эмоциональный результат были разработаны многими культурами в виде наборов правил, иногда довольно сложных, регулирующих множество функций и практик организма, включая диету и гигиену. Как только для такой практики были установлены нормы, нарушения этих норм начали вызывать негативные аффективные вспышки, то есть моральные интуиции².

Чистота и загрязнение окружающей среды были важными идеями в Европе с Античности до викторианской эпохи, но они начали исчезать по мере того, как двадцатый век заменил все их более медицинским и утилитарным пониманием гигиены и расту-

2 Для получения полной истории о том, как действительная область отвращения распространилась на социальный мир, см. [12].

щим акцентом на личную свободу и неприкосновенность частной жизни в отношении телесных вопросов. Однако даже современные студенты американских колледжей, когда мы проводим с ними интервью в рамках наших исследований морального суждения, признаются, что испытывают вспышки отвращения и неодобрения, когда их спрашивают о нарушениях табу чистоты. Истории о том, как кто-то съел свою мертвую домашнюю собаку, о безобидных случаях каннибализма или даже о гомосексуальности, могут вызвать чувство отвращения, которое студенты пытаются, часто комично, оправдать позже. Интуиция вырабатывается модулем, но культура больше не поддерживает мораль, основанную на чистоте (по крайней мере, для студентов либеральных колледжей), поэтому студентам остается бороться с системой рассуждений, чтобы объяснить суждение, произведенное интуитивной системой.

Выше мы обосновали два момента: то, что большая часть зрелого морального функционирования скорее интуитивна, чем обдуманна; и то, что среди наших моральных интуиций есть небольшое число врожденных или, по крайней мере, изначально подготовленных. В придачу к осмыслению постоянных адаптивных задач в эволюционном прошлом человека, эти подготовленные интуиции влияют на моральное развитие и функционирование, напрягая наше моральное внимание и закладывая основу для развития других моральных концептов. Теперь мы свяжем эти наблюдения с другой сферой философских и психологических размышлений о морали, а именно со сферой теории добродетели.

Сторонники теории добродетели любят спорить друг с другом, но большинство из них согласны с тем, как минимум, что добродетели – это характеристики человека, достойные моральной похвалы. Таким образом, добродетели – это черты характера, как их понимал Джон Дьюи, – динамические паттерны восприятия, эмоций, суждений и действий [13]. Добродетели – это социальные навыки. Обладать добродетелью – значит дисциплинировать свои способности таким образом, чтобы они полностью и должным образом реагировали на местный социально-моральный контекст. Например, быть добрым – значит обладать восприимчивостью к определенным особенностям ситуаций, в том числе к тем, которые связаны с благополучием других, и быть чувствительным настолько, чтобы эти особенности оказывали соответствующее влияние на мотивацию и другие реакции. Быть смелым – значит обладать другой чувствительностью и четкостью реакции; быть терпеливым – еще одной и т. д.

В таком понимании, добродетели тесно связаны с интуитивной системой. Добродетельный человек – это тот, у кого есть правильные автоматические реакции на этически значимые события и положения дел, например, на страдания другого человека, несправедливое распределение благ, опасное, но необходимое поручение. Часть привлекательности теории добродетели всегда заключалась в том, что она рассматривает мораль как воплощенную в самой структуре личности, а не просто как одну из видов деятельности личности. Даже Аристотель предполагал, что, развивая добродетели, мы приобретаем вторую природу, уточнение нашей основной природы, изменение наших автоматических реакций.

Одним из важнейших принципов теории добродетели служит то, что добродетели

приобретаются индуктивно, то есть путем усвоения через множество примеров добродетели на практике, главным образом в детстве, но и в течение всей жизни. Часто эти примеры берутся из повседневного опыта ребенка в интерпретации, реагировании и получении обратной связи, но они заимствуются также из историй, бытующих в культуре. Каждый из этих примеров содержит информацию о ряде аспектов ситуации, включая мотивы главных героев, состояние главных героев (страдающие, инвалиды, враждебные, богатые и т.д.), категоризацию ситуации и оценку результата, предложенную более опытными людьми. Только со временем человек, изучающий мораль, поймет, какую информацию важно сохранить, а какой можно смело пренебречь.

Как попытались доказать философы и когнитивисты, и в отношении морали, и в отношении познания в целом, этот вид обучения не может быть заменен обучением сверху вниз, таким как принятие правила или принципа и вывод из него конкретных ответов. Интересно, что этот аспект теории добродетели показывает, что Аристотель был предшественником современного применения нейросетевой теории морали, которая разрабатывается Полом Черчлендом, Энди Кларком и другими [14]. В этой модели разум, как и сам мозг, представляет собой сеть, постепенно настраиваемую с помощью опыта. В результате обучения разум все лучше справляется с распознаванием важных входных паттернов и реагирует соответствующими паттернами на выходе.

Таким образом, для тех, кто подчеркивает важность добродетелей в моральном функционировании, моральная зрелость – это вопрос достижения всеобъемлющей настройки на мир и приобретения набора очень сложных чувств, воплощенных в индивидуальных добродетелях. Конечно, рассуждения и осмотрительность также играют важную роль в этой концепции, ведь для того чтобы быть добродетельным человеком, необходимо быть способным корректно рассуждать о трудных ситуациях. Но, тем не менее, теория добродетели является отходом от теорий морали, которые рассматривают обдумывание как основную морально-психологическую деятельность.

Мы считаем, что теории добродетели – это наиболее психологически обоснованный подход к морали. Такие теории подходят более точно к тому, что мы знаем о моральном развитии, суждениях и поведении, чем теории, которые фокусируются на моральных рассуждениях или на принятии сложных моральных принципов, таких как справедливость. Но фундаментальная проблема многих теорий добродетели заключается в том, что они предполагают, что добродетели извлекаются исключительно из воздействия окружающей среды. Они неявно поддерживают старую бихевиористскую идею о том, что если бы мы могли просто правильно настроить нашу среду, то мы смогли бы привить любую вообразимую добродетель, даже такие добродетели, как «любить всех людей одинаково» и «быть почтительным к тем, кто меньше, моложе или слабее вас». Однако одним из смертельных ударов по бихевиоризму стала демонстрация того, что у животных есть ограничения в обучении: некоторые пары стимулов и реакций настолько хорошо подготовлены, что животное может выучить их за одно тренировочное испытание, в то время как другие ассоциации противоречат природе животного и не могут быть изучены в тысячах испытаний. Таким образом, теории добродетели были

бы улучшены, если бы они учитывали виды добродетелей, которые “соответствуют” человеческому разуму, и виды, которые этого не делают. Добродетели действительно являются культурными достижениями, что не мешает им быть основанными на глубоко укорененной подготовленности определенным образом интерпретировать социальный мир и реагировать на него.

Сам Аристотель признавал сдерживающее влияние воплощенной и локализованной природы человеческих существ на этический опыт. Как отмечает Марта Нуссбаум, Аристотель определял добродетели, ссылаясь на универсальные особенности людей и их окружения, которые в совокупности определяют сферы человеческого опыта, где мы даем нормативные оценки нашему собственному поведению и поведению других людей, что мало чем отличается от того, что выше мы назвали постоянными адаптивными вызовами [15]. Подход Аристотеля и Нуссбаум также является нативистским, хотя и таким, который обнаруживает врожденное моральное содержание как в организме, так и в окружающей среде. Наши четыре модуля интуитивной этики в некотором смысле являются продолжением этого аристотелевского проекта. Подобно Аристотелю, мы ищем более глубокую структуру нашего морального функционирования, хотя и в форме меньшего числа явлений, которые находятся скорее в организме, чем в окружающей среде.

Давайте теперь свяжем наше понимание моральных интуиций с таким пониманием добродетелей. Вкратце, мы предполагаем, что человеческий разум оснащен, по крайней мере, четырьмя модулями, которые мы описали выше. Эти модули обеспечивают немногим больше, чем вспышки аффекта, когда в социальном мире встречаются определенные паттерны. Требуется немало культурной выучки, чтобы реагировать на реальную область, созданную конкретной культурой, но может потребоваться мало обучения или же выучки вообще может быть не нужно для того, чтобы научиться распознавать случаи, лежащие в основе соответствующей области для каждого модуля (например, видеть лицевые и телесные сигналы страдания у ребенка или видеть, что большой мужчина проявляет признаки доминирования и угрозы, глядя на вас сверху вниз).

Эти вспышки являются строительными блоками, которые облегчают детям усвоение определенных добродетелей и соответствующих им понятий. Например, когда мы пытаемся научить наших детей добродетелям доброты и сострадания, мы обычно используем истории о злых людях, которым не хватает этих качеств. Слушая такие истории, дети испытывают сочувствие к жертве и осуждение к преступнику. Взрослые не могут создавать такие вспышки из воздуха; они могут только помещать детей в ситуации, в которых эти вспышки могут случиться. Следует подчеркнуть, что вспышка интуиции не является добродетелью. Но это важный инструмент в построении добродетели.

Конечно, можно научить детей быть жестокими по отношению к определенным классам людей, но как взрослые справятся с таким обучением? Скорее всего, используя другие моральные модули. Расизму, например, можно научить, обратившись к модулю чистоты и вызвав вспышки отвращения к “грязности” определенных групп или обратившись к модулю взаимности и вызвав вспышки гнева на мошеннические методы определенной группы (Гитлер использовал обе стратегии против евреев). Таким обра-

зом, культуры могут создавать переменные действительные сферы, которые намного шире, чем универсальные области, подобающие каждому модулю.

Второй способ, по которому различаются культуры, заключается в их относительном использовании четырех модулей. В ходе нашего собственного исследования мы обнаружили, что американские мусульмане и американские политические консерваторы ценят такие добродетели, как доброта, уважение к власти, справедливость и духовная чистота. В свою очередь американские либералы в большей степени полагаются на добродетели, коренящиеся в модуле страдания (либералы обладают гораздо большей способностью обнаруживать виктимизацию) и модуле взаимности (добродетели равенства, прав и справедливости). Консервативные добродетели иерархии и порядка кажутся либералам слишком тесно связанными с угнетением, а консервативные добродетели чистоты – слишком часто применявшимися для исключения или морального осуждения целых групп (например, чернокожих, гомосексуалистов, сексуально активных женщин) [16].

Третий способ, по которому культуры расходятся, состоит в том, что они придают очень разное значение и интуитивное основание определенным добродетелям. Возьмем, к примеру, добродетель верности. Конечно, существует разница между лояльностью к коллегам и друзьям, с одной стороны (то есть лояльностью, основанной на интуиции взаимности), и лояльностью к начальникам, генералам и другим руководителям (то есть лояльностью в контексте иерархии), хотя у обоих есть много общего. Точно так же добродетель чести может реализовываться как честность (во взаимности), как рыцарство или мужская честь в более широком смысле (в иерархии), или как целомудрие или женская честь (в чистоте). И воздержание – это одно в контексте взаимности, где оно может быть необходимо для процветания группы в условиях дефицита, и совсем другое в контексте чистоты, где оно часто интерпретируется как средство просвещения или духовного развития. В каждом из этих случаев разные моральные основания обеспечивают добродетель разными проявляющимися ее условиями и разными моделями уместного поведения и реакций.

Четвертым источником культурных различий являются сложные взаимодействия, которые могут порождаться добродетелями и создавать то, что можно назвать комплексами добродетелей. Эти комплексы отражают большой объем понятий общества о человеческой природе и моральных качествах. Один превосходный пример нам дает «Литературная история арабов» Рейнольда А. Николсона, мастерский обзор доисламской и исламской арабской культуры. Одним из моральных понятий, раскрытых Николсоном, является хамаса, которую часто называют просто «доблестью». Однако Николсон определяет его так: «“Хамаса” обозначает добродетели, наиболее высоко ценимые арабами – храбрость в бою, терпение в несчастье, настойчивость в мести, защита слабых и неповиновение сильным» [17, р. 79]. Между этими качествами нет необходимой связи; можно представить себе кого-то храброго в бою и защищающего слабых, но нетерпеливого в несчастье и склонного колебаться, когда ему бросит вызов кто-то более сильный. Но дело в том, что арабы не представляют себе подобный набор черт или, по крайней мере, не достаивают его высшей похвалы. Даже если некоторые добродетели, как правило,

сочетаются в разных культурах, комплексы добродетелей, порождаемые каждой культурой, скорее всего, будут уникальными.

Согласно намеченному нами описанию, мораль является врожденной (как небольшой набор модулей) и социально сконструированной (как набор взаимосвязанных добродетелей). Она является когнитивной (интуиция – это система распознавания образов) и эмоциональной (интуиция часто вызывает моральные эмоции). Но прежде всего мораль важна для людей в их повседневной жизни и для обществ, которые, кажется, вечно сетуют на упадок нравственности, присущий современной молодежи. Поэтому мы хотим закончить этот очерк соображениями о том, как использовать интуитивную этику в нравственном воспитании и в обращении с моральным разнообразием.

По нашему мнению, нравственное воспитание – это вопрос соединения врожденной интуиции и уже усвоенных добродетелей с навыком, который хотят развивать. Поэтому родители и педагоги должны осознавать пределы “прямого пути” к нравственному воспитанию. Полезно придерживаться правил и принципов, но только в качестве дополнения к более косвенным подходам, которые включают погружение детей в среду, богатую историями и примерами, эмоционально интерпретируемыми взрослыми. Эти истории и примеры должны приводить в действие врожденные моральные модули, если это возможно, и связывать их с более широкими добродетелями и принципами. Другой косвенный подход предполагает устройство среды таким образом, чтобы сообщения о том, что хорошо, а что плохо, были согласованы между источниками (родители, учителя, телевидение, фильмы, внеклассные мероприятия и т.д.). Так, консервативные родители, которые обучают своих детей на дому, ограничивают то, что они могут смотреть по телевизору, и читают им «Книгу добродетелей» Уильяма Беннетта, скорее всего, добьются успеха в настройке системы морального восприятия своих детей желаемым образом. Либеральные родители, которые стараются “не навязывать свою мораль” своим детям, напротив, вполне могут быть разочарованы результатами. Лишение детей частой моральной обратной связи, включая проявление моральных эмоций родителей, или подвергание их воздействию множества противоречивых сообщений может лишить интуитивную систему опыта, необходимого для правильной настройки. Если добродетели – это социальные навыки, то нравственное воспитание должно быть комплексным и непрерывным режимом обучения с регулярной обратной связью.

Мы считаем, что моральное разнообразие является следствием различий в моральном воспитании и инкультурации. Как мы предположили выше, один из главных источников морального разнообразия проистекает из политического разнообразия. По таким дискуссионным сегодня вопросам, как однополые браки, терапевтическое клонирование и исследования стволовых клеток, либералы сосредоточены на поощрении индивидуального благосостояния и индивидуальных прав. Консерваторы понимают эти аргументы, но у них более многозначная моральная жизнь, опирающаяся на более широкий набор моральных интуиций [16]. Они также должны интегрировать свое глубоко интуитивное неприятие “игры в Бога” и свое более тонко отточенное и ценное чувство отвращения. Леон Касс, советник президента Буша по биоэтике, например, основывает

свою критику клонирования человека отчасти на том факте, что оно оскорбляет и отталкивает многих людей. Он признает, что отвращение само по себе не является аргументом, но он предполагает, что в отвращении есть форма мудрости. «Мелки души, которые разучились содрогаться», – писал он [18].

Так как же мы все можем уживаться в морально разнообразном обществе? Первый шаг – просто признать, что все стороны в дебатах мотивированы морально. Мы склонны думать худшее о наших противниках, считать их совершенными злодеями. Но когда либералы предполагают, что консерваторами движет нечто большее, чем ненависть и фанатизм, они демонстрируют примерно такую же психологическую пронизательность, как заявление президента Буша о том, что террористы 11 сентября сделали то, что они сделали, потому что они “ненавидят нашу свободу”. Только когда признаются моральные мотивы, может начаться разумный дискурс.

Второй шаг – попытаться сформулировать призывы на языке, который может вызвать новую интуицию у другой стороны. Мы надеемся, что более полное понимание связей между добродетелями и интуицией приведет к большей терпимости и уважению между либералами и консерваторами, между людьми разных наций и, возможно, в далеком будущем, между нативистами и эмпириками.

Таблица 1.

Четыре моральных модуля и связанные с ними эмоции и добродетели

	Страдание	Иерархия	Взаимность	Чистота
Надлежащая область (исходные триггеры)	Страдания и уязвимость собственных детей	Физический размер и сила, доминирование и защита	Мошенничество против сотрудничества в совместных начинаниях, совместном использовании продуктов питания	Люди с болезнями или паразитами продукты жизнедеятельности
Действительная область (современные примеры)	Детеныши тюленей, мультяшные персонажи	Боссы, боги	Супружеская верность, сломанные торговые автоматы	Запретны идеи (коммунизм, расизм)
Характерные эмоции	Сострадание	Негодование vs уважение/ благоговение	Гнев/чувство вины vs благодарность	Отвращение
Соответствующие добродетели	Доброта, сострадание	Послушание, почтение, верность	Честность, справедливость, надежность	Чистота, непорочность, целомудрие

Список литературы

1. Jonathan Haidt, "The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment," *Psychological Review* 108 (2001): 814–834.
2. Lawrence Kohlberg, "Stage and Sequence: The Cognitive-Developmental Approach to Socialization," in David A. Goslin, ed., *Handbook of Socialization Theory and Research* (Chicago: Rand McNally, 1969).
3. Richard E. Nisbett and Timothy DeCamp Wilson, "Telling More Than We Can Know: Verbal Reports on Mental Processes," *Psychological Review* 84 (1977): 231–259.
4. Steven Pinker, *The Blank Slate* (New York: Viking, 2002).
5. Jerome Barkow, Leda Cosmides, and John Tooby, eds., *The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture* (New York: Oxford, 1992).
6. Donald E. Brown, *Human Universals* (Philadelphia: Temple University Press, 1991).
7. Alan P. Fiske, *Structures of Social Life* (New York: Free Press, 1991).
8. Shalom H. Schwartz and Wolfgang Bilsky, "Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications," *Journal of Personality and Social Psychology* 58 (1990): 878–891.
9. Frans de Waal, *Good Natured: The Origins of Right and Wrong in Humans and Other Animals* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996).
10. Frans de Waal, *Chimpanzee Politics* (New York: Harper & Row, 1982).
11. Robert L. Trivers, "The Evolution of Reciprocal Altruism," *Quarterly Review of Biology* 46 (1971): 35–57.
12. Paul Rozin, Jonathan Haidt, and Clark R. McCauley, "Disgust," in Michael Lewis and Jeanette M. Haviland-Jones, eds., *Handbook of Emotions*, 2nd ed. (New York: Guilford Press, 2000), 637–653.
13. John Dewey, *Human Nature and Conduct: An Introduction to Social Psychology* (New York: Holt, 1922).
14. Larry May, Marilyn Friedman, and Andy Clark, eds., *Mind and Morals* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997).
15. Martha C. Nussbaum, "Non-Relative Virtues: An Aristotelian Approach," in Martha C. Nussbaum and Amartya Sen, eds., *The Quality of Life* (New York: Oxford University Press, 1993).
16. George Lakoff, *Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't* (Chicago: University of Chicago Press, 1996).
17. Reynold A. Nicholson, *A Literary History of the Arabs* (Cambridge: Cambridge University Press, 1930).
18. Leon Kass, "The Wisdom of Repugnance," *New Republic*, 2 June 1997, 17–26.

Сведения об авторах

Джонатан Хайдт – адъюнкт-профессором социальной психологии в Университете Вирджинии.

E-mail: jhaidt@stern.nyu.edu

Крейг Джозеф – научный сотрудник в Комитете по человеческому развитию в Чикагском университете.

Сведения о переводчике

Португальская Арина Андреевна — аспирант кафедры общей психологии и психофизиологии факультета психологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь)

E-mail: a.portugalskaya@gmail.com

Jonathan Haidt, Craig Joseph**INTUITIVE ETHICS: NOW INNATELY PREPARED INSTITUTIONS GENERATE CULTURALLY VARIABLE VIRTUES**

Abstract: The aim of the article is to make a contribution in investigating the role of intuition and affect (versus reasoning) in moral judgment as well as in developing Moral Foundations Theory, an account of how a small set of psychological systems are the innate “foundation” of moral psychology, yet moral virtues are socially constructed on top of those foundations.

Keywords: Moral intuition, emotion, moral foundations theory, ideology.

Jonathan Haidt is associate professor of social psychology at the University of Virginia.

E-mail: jhaidt@stern.nyu.edu

Craig Joseph is a postdoctoral research associate in the Committee on Human Development at the University of Chicago.

Portugalskaia Arina — Postgraduate student of the Department of General Psychology and Psychophysiology of the Faculty of Psychology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

E-mail: a.portugalskaya@gmail.com

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81'42

ИННОВАЦИОННЫЕ СЦЕНАРИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ В РАМКАХ ЭКОСИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ЛИДЕРЫ МНЕНИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОД¹

Н. А. Рябченко, О. П. Малышева

***Аннотация:** В условиях глобальных кризисов психологическая травматизация населения обуславливает подверженность граждан информационному воздействию и создает условия для перепрограммирования коллективного сознания. Лидеры мнений, влиятельные пользователи сети, реализуя определенные дискурсивные практики, создают альтернативное дискурсивное поле, способное трансформировать содержание культурного кода и определять социокультурные тенденции. Для выявления содержания культурного кода, формируемого латентными лидерами мнений в сообществе «Типичный Краснодар» социальной сети «ВКонтакте», мы собрали массив сетевых данных, включивший сообщения, комментарии, реакции, информацию об использованных графических и аудиовизуальных символах, позволяющий анализировать взаимодействие элементов экосистемы как социальный граф. Данные были визуализированы с помощью программы Gephi и подвергнуты сетевому анализу. Были определены латентные лидеры мнений и выявлено их влияния на сеть. С помощью авторского аналитического программного комплекса «Мониторинг и анализ социальных сетей, сообществ и пользователей интернет-пространства»² было выполнено тематическое моделирование и сконструировано семантическое ядро дискурсивного поля, сформированного сообществом «Типичный Краснодар». Сообщество «Типичный» на платформе ВКонтакте характерно для всех крупных городов России. Применение предложенной методики для анализа сообществ в других регионах, позволит оценивать настроения пользователей и выявлять содержание культурного кода, формирующегося на платформах социальных сетей в кросс-региональном аспекте и прогнозировать вектор трансформации социально-политических процессов, обусловленный потреблением конструктивных или деструктивных прагматических паттернов.*

***Ключевые слова:** культурный код, латентные лидеры мнений, дискурсивные поля, сетевая лингвистика, сетевые лингвистические данные, ВКонтакте*

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020-2022 гг., рук. В.В. Катермина).

2 Свидетельства о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2018665564; № 2018663499; № 2019666985; № 2020667724; № 2020667728; № 2021610210; № 2020667357.

Введение

Глобальные кризисы последних лет усилили проницаемость границ онлайн и офлайн-пространств и спровоцировали процесс их слияния в единое социально-культурное пространство. В силу разнообразных причин (требования моды и времени, эпидемиологическая обстановка, удобство пользования, снятие психологического напряжения, барьеров или психологический комфорт) современный человек проводит большую часть жизни в онлайн-пространстве, взаимодействуя с технологиями. Естественное стремление к социализации как процессу воспроизводства комфортной для себя социальной среды [1] побуждает пользователей реализовывать данную потребность, комментируя публикуемый на платформах социальных сетей контент. Обширные ветки комментариев под определенной публикацией в ВКонтакте или видео на YouTube не только подтверждают злободневность освещаемых событий и точность / едкость формулировок, но свидетельствуют о другом фундаментальном изменении – коммуникативные практики и социально-культурные модели поведения все больше подвержены влиянию онлайн-пространства и перенос практик из онлайн в офлайн и наоборот – это современные реалии.

Свойством современной коммуникации, спровоцированным развитием информационно-коммуникационных и симплификацией процессов до интуитивно-понятных, нивелирующих вероятность когнитивного или прагматической неудачи является её семиотическая комплексность или мультимодальность. Однако данное обстоятельство свидетельствует не о повышении уровня сложности. В плане восприятия и понимания, но напротив семиотическая комплексность обеспечивает когнитивную доступность и повышенную персуазивность контента.

На платформах социальных сетей взаимодействие реализуется посредством использования единого для всех мультимодального семиотического кода, состоящего из буквенных символов, эмоджи, хештегов, GIF, статичных изображений и видео. Новый участник дискурсивного взаимодействия, включаясь в дискурсивное поле, не испытывает трудностей с дешифровкой данного кода, ввиду совпадения ожиданий пользователя с формой и содержанием предоставленного контента. Нарушение принципа единства семиотического кода, как правило, приводит к коммуникативному провалу [2].

Однако особенностью экосистемы социальных медиа, как и онлайн-пространства в целом, является их гипертекстурируемость или многомерность, что делает их сложными или безмасштабными сетями (complex or scale free). Сложная сеть представляет собой, несмотря на дискретность элементов (узлов), составляющих его структуру, целостное единство, поскольку все происходящие в нем процессы взаимосвязаны. Динамика подобной сети непроницаема и нерегулируема для наблюдателя и требует разработки алгоритма и инструментария изъятия, обработки и систематизации эмпирического материала. Материалом, позволяющим изучать социальные медиа, являются сетевые лингвистические данные – количественно измеряемое содержание дискурсивных полей, формируемых публикациями и ветками комментариев.

Сетевые лингвистические данные определяются нами как асинхронные, неструк-

турированные вербальные (текстовая информация, а также представленная в аудио и видео формате речь), и невербальные лингвистические данные (эмоджи, символы, графики, аудио / звуковой ряд и видео / картинка), которые могут быть организованы по сетевому принципу и визуализированы в виде социального графа.

Исходя из неофункционалистской теории Н. Лумана, рассмотреть систему изнутри, как и снаружи не представляется возможным [3], поскольку это бы потребовало некой рекурсивности наблюдения, что по определению невозможно. Имплицированный характер дискурсивных взаимодействий на платформах социальных сетей подтверждает данное положение. Однако использование совокупных методов Data Science позволяет визуализировать и анализировать экосистему дискурсивных полей, выявляя культурных код, заложенный в сетевых лингвистических данных, и в некоторой степени приблизиться к пониманию его природы.

В определении культуры и культурного кода выделяются онтологический, гносеологический, аксиологический, антропологический, а также семантико-семиотический подходы [4]. Согласно семантико-семиотическому подходу, согласующегося с целями нашего исследования, культурный код понимается нами как система ценностей, представленная в единой семиотической системе и общем для всех участников социокультурном контексте, который индивидуально или коллективно, целенаправленно или хаотично создается дискурсивными полями в онлайн-пространстве. Внутренним содержанием культурного кода являются пропозиционные значения совокупности нарративов, сформированных дискурсивным полем, а внешним выражением – семантическое ядро, выделяемое в результате сетевого / частотного и семантического анализа и конструирования направленного социального графа.

Так или иначе, вступая в коммуникацию / включаясь в дискурсивное поле, индивид попадает под воздействие его силового поля, в результате чего происходит «ирритация» системы ценностей и вероятность социокультурного перекодирования. Целью и результатом формирования некоего социокультурного кода или «перекодирования» является формирование нового типа личности и социальной идентичности, крайним случаем которого при подмене культурных кодов является цивилизационное / социальное перекодирование с целью управления [5].

Одним из условий успешной передачи культурного кода является Репутация отправителя и эмоциональная готовность / подверженность воздействию. Лидеры мнения, которыми могут быть отдельные личности (звезды кино, писатели, медиаперсоны, блогеры, признанные ученые, генеральные директора крупных корпораций, политические лидеры), учебные заведения и НИИ, или даже города (Москва, С.-Петербург), способны не только открыто продвигать определенную систему ценностей, но и опосредованно влиять на восприятие определенной информации.

В ситуации глобальных кризисов и информационного перенасыщения, новыми реалиями стала повышенная подверженность населения информационному воздействию (особенно сенсационного характера) [6] и ориентация на мнение большинства, особенно мнениям, высказываемым в разделе «Комментарии» на платформах социальных сетей [7].

Группой пользователей, с несформированной системой ценностей и особенно уязвимой для социокультурного перекодирования, является «поколение Z» [8] или «цифровое поколение». Молодые люди склонны скептически относиться и нивелировать значимость опыта родителей, самостоятельно искать и отбирать информацию, полагаясь на мнение сверстников и инфлюенсеров в социальных сетях. Считается, что инфлюенсеры детерминируют социально-культурные установки пользователей [9; 10], способны влиять на формирование корпоративной культуры организации [11], выступать активными акторами политики, влияющим на принятие управленческих решений [12; 13].

Культурный код, транслируемый инфлюенсерами, которыми могут выступать обычные пользователи, комментирующие контент, вовлечён в коммуникацию имплицитно. О нём говорят опосредованно, избегая таким образом прямого принятия или отклонения определённых культурных ценностей [14]. Эффективность передачи и ассимиляции кода измеряется степенью изменений системы ценностей пользователей. И поскольку сознание другого человека остается непроницаемым до тех пор, пока от него не будет получена обратная связь, что может выражаться в комментировании или реакции «нравится» на определенный контент [15] невозможно измерить количество полученных «квантов» культурного кода и оценить их влияние на аудиторию. Таким образом влияние культурного кода не поддается измерению до тех пор, пока оно не будет актуализировано в определенном социальном действии, поэтому изучение комментариев как результата социального действия, реализованного пользователями в ответ на раздражение их системы восприятия, является первостепенной задачей исследователя, целью которого является оценка вектора социокультурной трансформации общества.

Материалы и методы

Работа с сетевыми лингвистическими данными, функционирующими в рамках дискурсивных полей в онлайн-пространстве, предполагает сплошную выгрузку сетевых данных с платформ социальных сетей, их систематизацию и формирование датасетов, которые представляют собой веб-корпусы сообщений и веток комментариев – специализированный тип корпуса, сформированного путем сплошной выгрузки сообщений с определенной платформы и включающего совокупность массивов данных, дающих представление о взаимодействиях, входящих в него элементов (время публикации; связи сообщений друг с другом и объектами онлайн-пространства, не входящими в корпус (гиперссылки на источники текстовых или аудиовизуальных данных; информация об авторах, количестве и типе реакций, использованных символах) [см. исследование авторов 16; 17].

Создание и использование веб-корпуса позволяет в глобальных масштабах не только извлекать и систематизировать уникальную информацию о языке, редких или уникальных языковых явлениях, сравнивать и выявлять жанровые или стилистические различия между текстами, в том числе особенности авторского стиля. Огромный прикладной потенциал использования веб-корпуса реализуется в возможности применения методологии Data Science (математический анализ, реляционный анализ, сетевой анализ, графовый метод) для:

- выявления доминантных нарративов, посредством систематизации и классифицировании сетевых лингвистических по тематическому принципу;
- определении формирующейся системы ценностей внутри данного дискурсивного поля посредством конструирования и описания семантического ядра;
- проведении предиктивной и прескриптивной аналитики социально-культурных тенденций, в том числе определяющих трансформации социально-политических систем.

Автоматическая и полуавтоматическая обработка веб-корпусов сообщений и веток комментариев позволяет конструировать семантическое ядро дискурсивного поля и оперативно выявлять актуальные проблемы социально-политической жизни. Семантическое ядро дискурсивного поля может быть представлено в виде направленного графа, который не только показывает наличие или отсутствие, но и направление связи между элементами графа, что делает возможным анализ предикативных связей и определение семантических ролей основных акторов.

Конструирование семантических ядер основано на теории структурного и семантического синтаксиса, семантических ролей, грамматике зависимостей и ядерных синтаксических структур (моделей) [18; 19; 20].

В данном исследовании для конструирования семантического ядра была выбрана структура SVO, в которой S (Subject) и O (Object) – именованные сущности³, актуализированные номинативом существительного или личного местоимения, называющего или указывающего на одушевленного или неодушевленного производителя действия, а V – глагол (Verb), отражающий характер предикативной связи между элементами S и O.

Построение семантического ядра дискурсивных полей, сформированных сообществами «Типичный Краснодар» на платформе «ВКонтакте», включило сбор данных – предварительную обработку – визуализацию – интерпретацию – выводы.

Критериями для определения точки входа для сбора данных стали: тип платформы (ВКонтакте), сетевое сообщество («Типичный Краснодар»⁴; «Типичный» – популярный на платформе «ВКонтакте» локализованный публический информационного типа, обладающий высоким рейтингом доверия среди пользователей определенного региона ввиду качества новостей и оперативности их публикации), временной интервал, тип и объем выборки.

Использование программного интерфейса ВКонтакте (API ВКонтакте) позволило нам выгрузить все посты, опубликованные сообществом «Типичный Краснодар»

3 Именованная сущность (от англ. *named entity*) – термин из области нейронных сетей и естественной обработки языка (*Natural Language Processing*), который обозначает обозначение именем собственным физически существующего или абстрактного объекта реального мира: человека, организации, продукта или места.

4 «Типичный» – это популярный на платформе «ВКонтакте» локализованный тип онлайн-сообщества, имеющий информационную направленность [Градюшко Александр Александрович, Нигматуллина Камилла Ренатовна, Пустовалов Алексей Васильевич Сообщества «ВКонтакте» и их роль в медийном ландшафте: опыт трех регионов // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатеchnологии. 2019. №1 (219). С.54–61], обладающий высоким рейтингом доверия среди пользователей определенного региона ввиду качества новостей и оперативности их публикации.

с августа 2021 по август 2022 гг., отсортировать их по популярности, выбрать 1000 наиболее комментируемые публикации, а также блок комментариев (включивший 581 462 единиц), сформировав датасеты «Топ-1000 Краснодар» и «Топ-1000 Краснодар–комментарии».

Датасеты «Топ-1000 Кемерово» и «Топ-1000 Краснодар–комментарии» были подвергнуты автоматической обработке с помощью авторского программного комплекса «Мониторинг и анализ социальных сетей, сообществ и пользователей в интернет-пространстве». С помощью библиотеки Python NLTK⁵ проведена автоматическая очистка выборки от стоп-слов и токенизация текста (разделение на слова). Данные датасетов были подвергнуты процедуре парсинга с целью анализа синтаксической структуры и выделению связки лексических элементов, соответствующих модели SVO, благодаря чему были сформированы датасеты «Топ-1000 Краснодар–SVO» и «Топ-1000 Краснодар–комментарии–SVO».

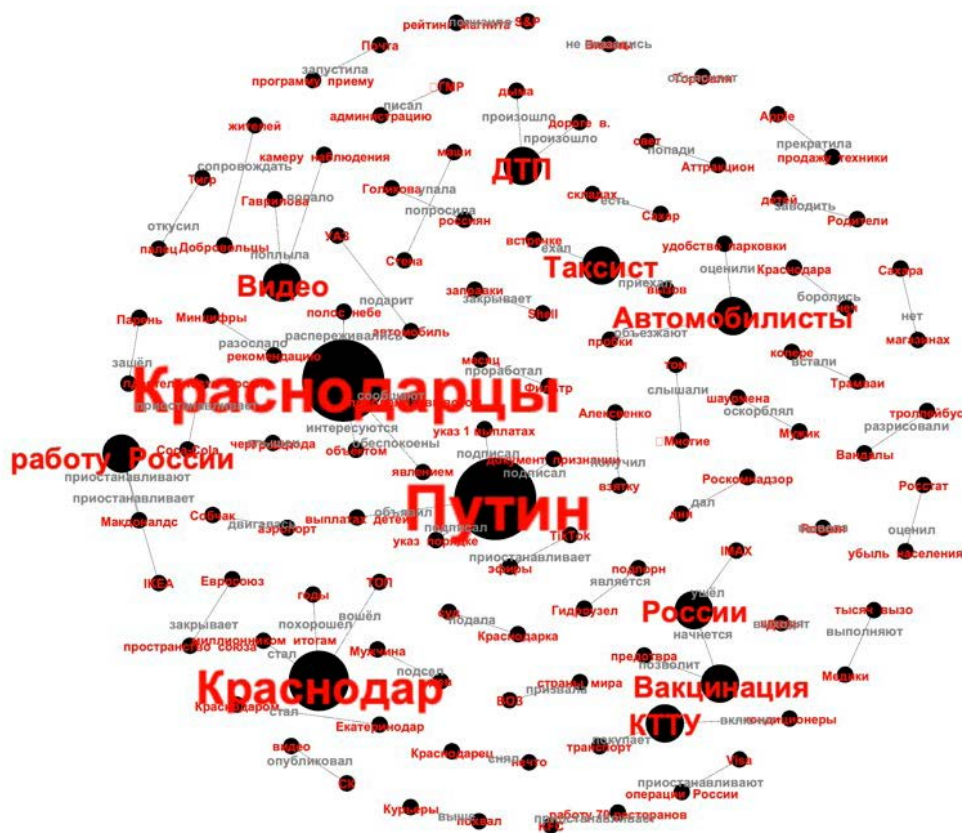

Рис. 1 «Топ-1000 Краснодар-публикации» – семантическое ядро дискурсивного поля, сформированного сообществом «Типичный Краснодар»

5 Natural Language Toolkit // NLTK Project URL: www.nltk.org (дата обращения: 10.08. 2022).

Посредством программы визуализации данных Gephi⁶, обработанные данные датасетов «Топ-1000 Краснодар-SVO» и «Топ-1000 Краснодар–комментарии–SVO» были представлены в виде ориентированных графов (см. Рис.1–2), анализ которых позволил выделить в анализируемых дискурсивных полях семантическое ядро, определить доминирующие тематики, характер предикативных связей и семантические роли акторов (элементов S и O в описанной модели).

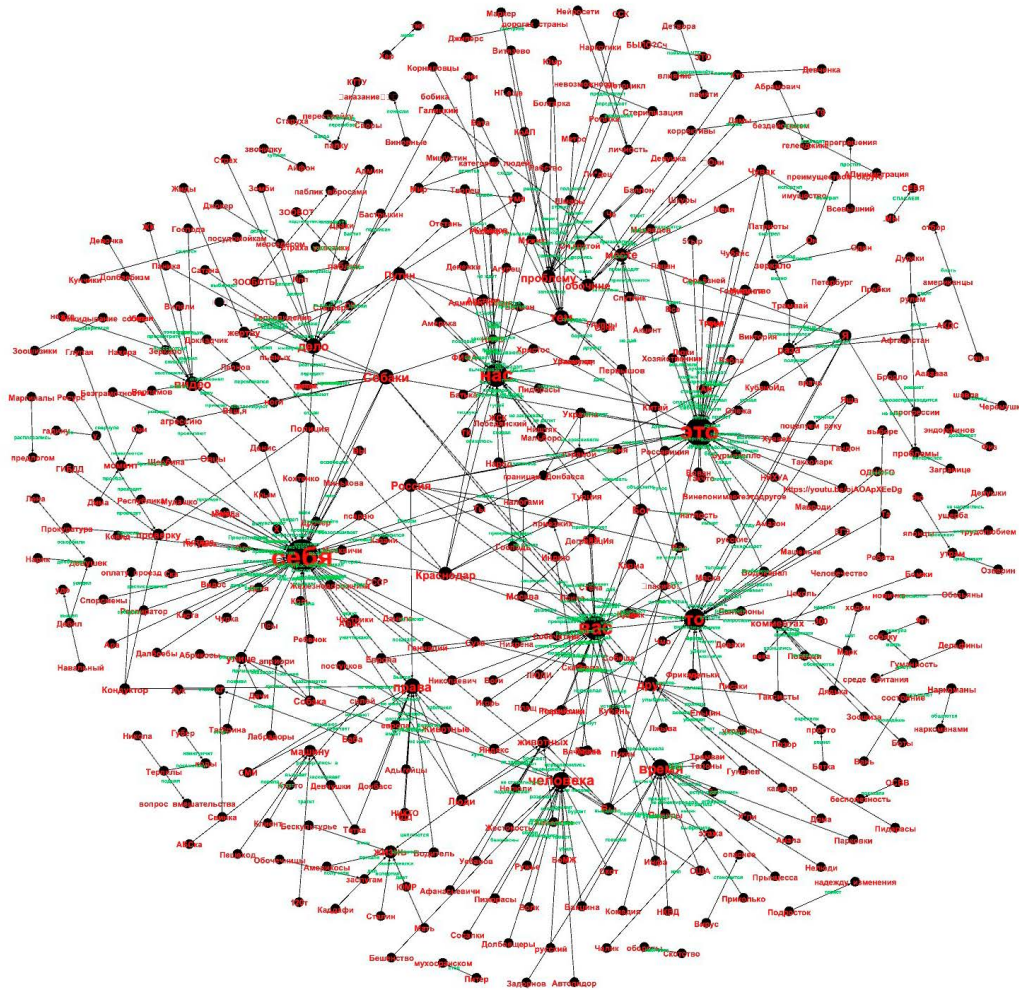

Рис. 2 «Топ-1000 Краснодар–комментарии» – семантическое ядро дискурсивного поля, сформированного сообществом «Типичный Краснодар» (раздел комментариев)

6 The Open Graph Viz Platform // Gephi.org URL: <https://gephi.org> (дата обращения: 10.08.2022).

Результаты

Анализ полученных графов, представляющих семантическое ядро дискурсивных полей, сформированных сообществом «Типичный Краснодар» (разделы «Публикации» и «Комментарии» – далее графы «Топ-1000 Краснодар–публикации», «Топ-1000 Краснодар–комментарии») на платформе «ВКонтакте» в период с августа 2021 по август 2022 гг. показал следующее.

В графе «Топ-1000 Краснодар–публикации» наиболее крупными узлами, соответствующими элементу S в модели SVO, стали «Краснодарцы», «Путин», «Краснодар», «КТТУ», «Вакцинация», «Автомобилисты», «ДТП», «Таксист», «Видео». Наиболее крупным хабом⁷ стал узел «Краснодарцы», что свидетельствует о том, что сообщение, содержащее данное слово получило максимальное количество комментариев. Отмечается активное реагирование пользователей на достаточно широкий круг тематик. Крупный диаметр узлов «КТТУ», «Вакцинация», «Автомобилисты», «ДТП», «Таксист», «Видео», а также «работу России» и «России», свидетельствует о том, что тематики, освещаемые в сообщениях, соответствующих данным узлам, вызвали широкий отклик у пользователей сообщества, а, значит, являются актуальными или проблемными для региона.

Анализ предикативных связей выявил основные семантические роли S-элементов (S-узлов), которыми стали агент («Краснодарцы–сообщают», «Краснодарцы–интересуются»; «Путин–подписал», «Путин–объявил»; КТТУ как группа лиц, осуществляющая руководство: «КТТУ–покупает», «КТТУ–включит»; «Автомобилисты–объезжают»; «Таксист–ехал / приехал»), бенефактив («Автомобилисты–оценили»), экспириенцер («Краснодарцы–распереживались») и пациент («Видео–попало»; «Краснодар–стал / похорошел / вошел»; «Вакцинация–начнется», «Вакцинация–позволит»; «ДТП–произошло»). Подобное распределение ролей показывает, что в дискурсивном поле позиционируется активный образ жителей Краснодара, включенных в решение локальных проблем города, а также социально-политических акторов («Путин», «КТТУ»), принимающих управленческие решения и обеспечивающих их реализацию. Дальнейшее рассмотрение предикативных связей раскрывает суть социальных проблем, проявляющихся в городе: неоправданно дорогая покупка, которое планирует совершить «КТТУ» («Краснодарское Трамвайно-Троллейбусное Управление»), а также неработающие в общественном транспорте кондиционеры; проблемы с вывозом мусора; тревожащие граждан необъяснимые явления (*грохот, похожий на взрыв, неопознанный летающий объект в центре и загадочные полосы в небе*).

В графе «Топ-1000 Краснодар–комментарии» наиболее крупными узлами, соответствующими S-элементу в модели SVO, стали «Собаки» (также «Собака»), «Краснодар», «Россия», «Путин», «Бог» (также «Господь» и «Всевышний»), «Люди». Ввиду того, что объём комментариев превысил количество публикаций более, чем в 500 раз, граф «Топ-1000 Краснодар–комментарии» представляет собой значительно более разветвленную сеть, нежели «Топ-1000 Краснодар–публикации». Однако это качественно не повлияло количество значимых с точки зрения влияния на сеть элементов: основное

⁷ Хаб (в социальном графе) – узел (или вершина) с большим, чем у других узлом, количеством связей (или рёбер), что визуально выражается в большем диаметре.

количество S-узлов имеют не больше 1 связи, что исключает их из фокуса ввиду их незначительного влияния на содержание семантического ядра.

Анализ предикативных связей выявил основные семантические роли S-элементов (S-узлов), которыми стали агенс («Собаки–развели (грязь) / питаются (тем, что человек может им принести) / обгладывают (ноги) / контролируют (агрессию) / агрессивуют (на деток) / реагируют (на пьяных) / выбирают (жертву) / защищают (собак)»); «Путин–говорил / сошел / сказал / дает / освободил / поставил», «Бог–не делит / дает / наказал») «Люди–цепляются (за жизнь) / уничтожают / борются / бросают (животных) / не стерилизуют (животных) / подкидывают (животных)»), пациенс («Краснодар–потерял (себя) / превратился (в псарню) / состоит (из приезжих)»), «Россия обезопасивает / превращается / платит / считалась») и экспериенсер («Собака–чувствует»).

Кросс-анализ содержания семантического ядра дискурсивных полей, формируемых сообществом, что точками пересечения являются «Краснодар» и «Путин», при этом значимые с точки зрения пользователей элементы «Собаки» (также «Собака») не представлены в повестке, создаваемой сообществом «Типичный Краснодар». Рассмотрим характер предикативных связей данных узлов и содержание нарративов, которые были актуализированы в дискурсивном поле, сформированном комментариями пользователей сообщества «Типичный Краснодар».

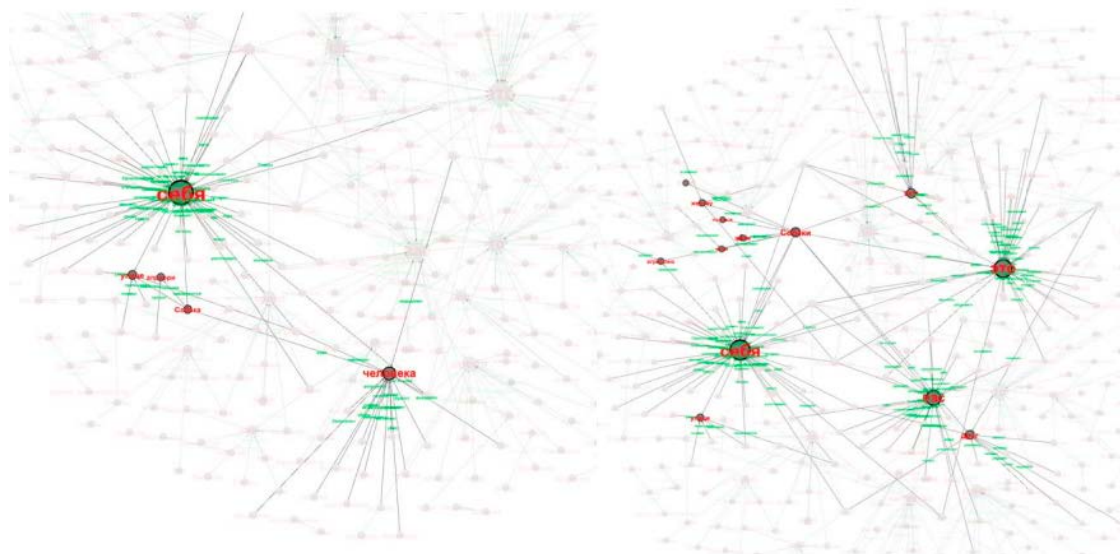

Рис. 3 Визуализация связей элементов «Собака» (слева) и «Собаки» (справа) в графе «Топ-1000 Краснодар–публикации»

Визуализация связей элементов «Собака» и «Собаки» в графе «Топ-1000 Краснодар–публикации» (см. Рис. 3, 4, 5) показывает высокую степень взаимодействий данных элементов с другими элементами графа, что отражает высокий уровень влияния данных элементов на сеть; более высокую значимость элементов «собаки» / «собака» в сравнении с другими элементами семантического ядра; актуальность социальной проблемы, связанной с бродячими собаками в Краснодаре для пользователей, включивших данные слова в свои комментарии и сформировавших, таким образом дискурсивное поле, семантическим центром которого стала тема бродячих собак и причин, которые её обусловили и продолжают усугублять.

Рис. 4 Предикативные связи узла «Собаки»

Рис. 5 Предикативные связи узла «Собака»

Дальнейший анализ предикативных связей узлов «собаки» / «собака», а также текстов комментариев (2695 / 2682) показал, что краснодарцы находят ситуацию с бродячими собаками в городе критической, поскольку лексика, использованная для номинации города и его жителей, обладает повышенной экспрессивностью, выражающей отвращение, страх, неприязненное отношение к гражданам, которые демонстрируют безответственное или маниакальное отношение к животным (Краснодар – «псарня»; жители – «зоошизо»⁸).

Одна группа пользователей выступает против бродячих собак, обвиняя федеральный закон⁹ и местные власти в бездействии (*собаки развели грязь, агрессивуют на деток, Краснодар «потерял себя» и превратился в псарню, а власти ничего не предпримут до тех пор, пока собаки кого-то из администрации не укусают*), другая группа защищает животных, приводя в защиту своей позиции разнообразные аргументы и демонстрируя откровенно неконструктивное поведение (*собаки просто защищают территорию, контролируют агрессию, не нападают без причины и просто плохо реагируют на пьяных*).

Заключение

Выявленные в процессе исследования линии разлома в содержании повестки, создаваемой официальными публикациями и комментариями обычных пользователей группы «Типичный Краснодар» ВКонтакте, показывают недостаточный уровень осведомленности администраторов сообщества о проблемах жителей города и причинах, вызывающих некую социальную напряженность.

Наблюдается наличие двух групп пользователей, находящихся в антагонистических отношениях ввиду занимаемых позиций в отношении проблемного вопроса, а также участников, выполняющих роль медиатора, которые стремятся посредством дискурсивного взаимодействия самостоятельно решить смягчить конфликт. Также отмечается способность пользователей выявлять участников дискурсивного поля, которые определяются ими как «боты», то есть пользователи намеренно разжигающие дискуссии или пишущие «на заказ», а также резко критичное отношение к модератору группы, который по мнению пользователей отвлекает и переводит их внимание с действительно важных тем на незначимые. Ввиду низкой степени доверия остальных участников дискурсивного взаимодействия к «медиаторам» и недостаточного уровня коммуникативной компетенции последних, снижение остроты конфликта не достигается, но провоцирует новые волны дискуссий.

Рекомендуемой информационной стратегией является регулирование дискурсивной активности пользователей посредством формирования альтернативных дискурсивных полей, содержанием которых станет информирование: о действиях, предпринимаемых местными властями для обеспечения контроля за животными и обеспечения приемлемого уровня жизни для граждан; местах, в которых животные смогут получить

8 Имеется в виду «зоошиза» (сетевой сленг) – зообезумие или зооэкстремизм – явление, которое, по мнению психологов, является психологическим расстройством.

9 Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. N 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

надлежащий уход; доступных способах предотвращения столкновения жителей со стаей бродячих собак или репеллентах, позволяющих избежать близкого контакта с животными, или других превентивных мер. Таким образом зооактивисты смогут конструктивно проявлять гражданскую позицию направляя в приюты для собак других граждан, либо делая это самостоятельно, распространяя информацию. В некоторой степени это позволит решить проблему безопасности граждан в городе и переориентировать дискурсивное поле на конструктивный вектор.

Исследование показало, что дискурсивная активность исключительно в формате «публикация на страничке официального паблика» не является эффективной, так как ставит пользователей, комментирующих контент и модератора группы в антагонистическую позицию. Для формирования дискурсивных полей конструктивного прагматического потенциала необходимо дискурсивное регулирование коммуникативного поведения пользователей в разделе «Комментарии», при котором будет допустима умеренная рекуррентность.

Направленное формирование альтернативных дискурсивных полей в разделе «Комментарии» способна создавать тот социокультурный контекст, в рамках которого станет возможно внедрение нового социокультурного кода. Местные власти должны уделять особое внимание дискурсивной активности пользователей в разделе «Комментарии» и привлекать к анализу и созданию контента специалистов, обладающих комплексом компетенций в области сетевой аналитики, лингвистики и анализа текста. Это позволит не только анализировать содержание культурного кода, формирующегося на платформах социальных сетей в кросс-региональном аспекте, и оценивать настроения пользователей, но и эксплицировать вектор трансформации социально-политических процессов, обусловленный потреблением конструктивных или деструктивных прагматических паттернов, распространяющихся на платформах социальных сетей.

Список литературы

1. Немировский В.Г., Невирко Д.Д. Социология человека. От классических к постнеклассическим подходам. Москва: ЛКИ, 2008.
2. Боева-Омелечко Н.Б. Краткий толковый словарь социолингвистических терминов. М.: Готика, 2004.
3. Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем. / А. Антоновский. М.: Логос. 2004.
4. Букина Н.В. Культурный код как язык культуры // Вестник ЗабГУ. 2008. №2. С.69–73.
5. Филимонов Г.Ю. Внешняя политика США: технологии формирования «параллельной реальности» // Геополитический журнал. 2008. №7. С. 2–10.

6. Красовская Н.Р. Трансформация информационной войны под воздействием процессов медиатизации общества // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 3(24). С. 157–164.
7. Овчинникова И.Г., Ермакова Л.М., Нурбакова Д.М. Нужна Ли Красная таблетка: Гидроксихлорокиновые войны в «Твиттере» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6(166). С. 566–583.
8. Farivar S., Wang F., Yuan Y. Meformer vs. informer: Influencer type and follower behavioral intentions // The 25th American Conference on Information Systems. Cancun. 2019.
9. Зиновьева Е.В., Кузнецова Е.А. Отношение молодых людей к гендерным установкам, транслируемым лидерами мнений в русскоязычном сегменте социальной сети YouTube // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. Вып. 2. С. 142–157.
10. Марцинковская Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. М.: Московский психолого-социальный университет. 2010. № 3. С. 90–102.
11. Розенберг Н.В., Алешина А.А. Лидеры мнений и их роль в формировании корпоративной культуры организации // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. №1 (29). С. 198–205.
12. Гигаури Д.И., Гуторов В.А., Ширинянц А.А. YouTube-блогеры как лидеры общественного мнения молодёжи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. №3 (60). С. 51–58.
13. Ильиных Е.М. Лидеры мнений как инструмент формирования общественного мнения в период избирательных кампаний // Скиф. 2019. №9 (37). С. 113–116.
14. Савицкий В.М. Единый подход к языку и культуре на основе применения понятия «код» // Поволжский педагогический вестник. 2021. №3 (32). С. 75–83.
15. Кухта М.С. Модели восприятия информации в вербальных и визуальных текстах // Вестник ТГПУ. 2004. №3. С.116–119.
16. Малышева О.П., Рябченко Н.А. Сетевые лингвистические данные и дискурсивное управление: президентские выборы в США 2020 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 3. С. 39–53.
17. Рябченко Н.А., Малышева О.П., Катермина В.В., Гнедаш А.А. Модель коммуникации «говорящий – слушающий» в условиях цифровизации

- лингвистического поворота: опыт сетевого и лингводискурсивного анализа контента видеохостинга «Youtube» // Политическая лингвистика. 2021. № 1(85). С. 81–94.
18. Tesnière L. Elements of structural syntax. Amsterdam & Philadelphia, PA: John Benjamins, 2015.
19. Chomsky N., Lightfoot D.W. Syntactic Structures. Berlin. New York: Mouton de Gruyter, 2002.
20. Fillmore C.J. The case for case. In E. Bach, & R. T. Harms (Eds.), Universals in linguistic theory. New York, NY: Holt, Rinehart, and Winston, 1968.

Сведения об авторах

Рябченко Наталья Анатольевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Email: rrrnatali@mail.ru

Малышева Ольга Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Email: malysheva_op@mail.ru

N. A. Ryabchenko, O. P. Malysheva

CULTURE CONSUMPTION INNOVATIVE SCENARIOS WITHIN A SOCIAL NETWORK ECOSYSTEM: OPINION LEADERS AND THE CULTURAL CODE

***Abstract:** In the wake of global crises, psychological traumatization and exposure of people to information influence dramatically increased, which created favourable conditions for collective consciousness reprogramming. By implementing certain discursive practices, opinion leaders, influential users of the online space, create alternative discursive fields that transform the cultural code and determine sociocultural trends. To identify the substance of the cultural code formed by latent opinion leaders of Typical Krasnodar online community on VKontakte platform, we collected an array of network data that included messages, comments, reactions, information about the graphic and audiovisual symbols, which allowed us to analyze the interaction of Typical Krasnodar ecosystem elements as a social graph. The data were visualized through Gephi program and subjected to network analysis. We identified latent opinion leaders and their influence on the network. Copyright analytical software package Monitoring and analysis of social networks, communities and users of the Internet space allowed us to perform thematic modeling, analyze linguo-discursive features of the empirical data, which made it possible to determine the pragmatic potential of the dominant discourses. Typical VK is common for all major Russian cities. The presented methodology will allow*

us to analyse public sentiment, identify the content of the cultural code cross-regionally and predict the vector of transformation of socio-political processes caused by the consumption of constructive or destructive pragmatic patterns.

Keywords: *cultural code, latent opinion leaders, discursive fields, network linguistics, network linguistic data, VKontakte*

Acknowledgements

The study is given a financial support by The Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanitarian and Social Science), the research project no. 20-012-00033 entitled Linguistic models of sociopolitical communication in the online space: discursive fields, patterns and hybrid methodology of network data analysis. (2020-2022).

References

1. Nemirovskij V.G., Nevirko D.D. Sociologiya cheloveka. Ot klassicheskikh k postneklassicheskim podhodam [Sociology of A Man. From classical to post-non-classical approaches]. Moskva: LKI, 2008.
2. Boeva-Omelechko N.B. Kratkij tolkovyj slovar' sociolingvisticheskikh terminov [A Brief Explanatory Dictionary of Sociolinguistic Terms]. M.: Gotika, 2004.
3. Luman N. Obshchestvo kak social'naya sistema [Society as A Social System]. Per. s nem. / A. Antonovskij. M.: Logos. 2004.
4. Bukina N.M. Kul'turnyj kod kak yazyk kul'tury [Cultural Code as the Language of Culture] // Vestnik ZabGU. 2008. №2. P. 69–73.
5. Filimonov G.YU. Vneshnyaya politika SSHA: tekhnologii formirovaniya «parallel'noj real'nosti» [US Foreign Policy: Technologies for The Formation of “Parallel Reality”] // Geopoliticheskij zhurnal. 2008. №7. P. 2–10.
6. Krasovskaya N.R. Transformaciya informacionnoj vojny pod vozdejstviem processov mediatizacii obshchestva [Transformation of The Information War due to Society Mediatization] // Gumanitarnye problemy voennogo dela. 2020. № 3(24). P. 157–164.
7. Ovchinnikova I.G., Ermakova L.M., Nurbakova D.M. Nuzhna Li Krasnaya tabletka: Gidroksihlorokinovyje vojny v «Tvitte» [Need A Red Pill: Hydroxychloroquine Wars on Twitter] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2021. № 6(166). P. 566–583.
8. Farivar S., Wang F., Yuan Y. Meformer vs. Informer: Influencer Type and Follower Behavioral Intentions // The 25th American Conference on Information Systems. Cancun. 2019.
9. Zinov'eva E.V., Kuznecova E.A. Otnoshenie molodyh lyudej k gendernym ustanovkam, transliruемым liderami mnenij v russkoyazychnom segmente social'noj seti YouTube [The Attitude of Young People to Gender Patterns Broadcast by Opinion

- Leaders in the Russian Segment of YouTube] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya. 2020. T. 10. Vyp. 2. P. 142–157.
10. Marcinkovskaya T.D. Informacionnoe prostranstvo kak faktor socializacii sovremennyh podrostkov [Information Space as A Socialization Factor for Modern Adolescents] // Mir psihologii. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj universitet. 2010. № 3. P. 90–102.
 11. Rozenberg N.V., Aleshina A.A. Lidery mnenij i ih rol' v formirovanii korporativnoj kul'tury organizacii [Opinion Leaders and Their Role in Shaping Corporate Culture] // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2020. T. 8. №1 (29). P. 198–205.
 12. Gigauri D.I., Gutorov V.A., SHirinyanc A.A. YouTube-blogery kak lidery obshchestvennogo mneniya molodyozhi: novye tekhnologii formirovaniya identichnosti v virtual'nom prostranstve [YouTube Bloggers as Public Opinion Leaders for the Youth: New Technologies for Identity Formation in The Virtual Space] // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. 2019. №3 (60). P. 51–58.
 13. Il'inyh E.M. Lidery mnenij kak instrument formirovaniya obshchestvennogo mneniya v period izbiratel'nyh kampanij [Opinion Leaders As A Tool for Shaping Public Opinion During Election Campaigns] // Skif. 2019. №9 (37). P. 113–116.
 14. Savickij V.M. Edinyj podhod k yazyku i kul'ture na osnove primeneniya ponyatiya «kod» [A Unified Approach to Language and Culture Based on The Use of The Concept of “Code”] // Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. 2021. №3 (32). P. 75–83.
 15. Kuhta M.S. Modeli vospriyatiya informacii v verbal'nyh i vizual'nyh tekstah [Information Perception Models in Verbal and Visual Texts] // Vestnik TGPU. 2004. №3. С.116–119.
 16. Malysheva O.P., Ryabchenko N.A. Setevye lingvisticheskie dannye i diskursivnoe upravlenie: prezidentskie vybory v SSHA 2020 goda [Networked Linguistic Data and Discursive Governance: The 2020 US Presidential Election] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2022. T. 21. № 3. P. 39–53.
 17. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Katermina V.V., Gnedash A.A. Model' kommunikacii «govoryashchij – slushayushchij» v usloviyah cifrovizacii lingvisticheskogo povorota: opyt setevogo i lingvodiskursivnogo analiza kontenta videohostinga YouTube [“Speaker – Listener” Communication Model in The Context of Digitalization of The Linguistic Turn: Experience of Network and Linguodiscursive Analysis of YouTube Content] // Politicheskaya lingvistika. 2021. № 1(85). P. 81–94.
 18. Tesnière L. Elements of structural syntax. Amsterdam & Philadelphia, PA: John Benjamins, 2015.
 19. Chomsky N., Lightfoot D.W. Syntactic Structures. Berlin. New York: Mouton de Gruyter, 2002.
 20. Fillmore C.J. The case for case. In E. Bach, & R. T. Harms (Eds.), Universals in linguistic theory. New York, NY: Holt, Rinehart, and Winston, 1968.

Ryabchenko Natalia Anatolievna – Candidate in Political Science, Associate Professor, Kuban State University, Krasnodar.

Email: rrrnatali@mail.ru

Malysheva Olga Petrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Kuban State University, Krasnodar.

Email: malisheva_83@mail.ru

УДК 101.2

“CAMERA LUCIDA”: НОВЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ЦИФРОВОМУ КОНТЕНТУ¹

Пеннер Р. В.

Аннотация: В XXI в. цифровое является отражением тенденций и трендов социальной реальности и одновременно определяет социальные тренды. Неслучайно то, что в феврале 2022 г. внимание пользователей сети интернет переключилось с информационного повода «пандемия Covid-19» на другой повод, «военный конфликт на Украине». Кажется, что с самого начала военной операции на Украине, к военному противостоянию косвенно подключился весь мир. Каждый обыватель будучи пользователем интернета имеет возможность не только почерпнуть информацию из военных сводок, но и выразить свое мнение по поводу сложившейся ситуации, которое условно можно обозначить одним из трех маркеров: «за Россию», «против России», «нейтральная позиция». Целью статьи является формулировка нового адекватного цифровой и социальной реальности комментария, что продолжает установку, предложенную Р. Бартом в работе «Camera lucida». Тезисы статьи презентированы в следующих посылках. Первая – культурные индустрии являются социальными агентами; вторая – как таковые они выражают проблемы и идеи социальной реальности *hic et nunc*; третья – они определяют настроение общества и отдельных социальных групп в отношении одного из трех маркеров (преимущественно, отражающих контрарные позиции), представленных выше. Для иллюстрации третьей посылки мы обращаемся к анализу денотативного и коннотативного уровней в музыкальном видеоклипе от Shortparis и Хора ветеранов им. Ф.М. Козлова «Яблонный Сад», размещенному 12 марта 2022 г. на платформе youtube.com.

Ключевые слова: цифровое пространство, цифровая философия, цифровая антропология, информационные тренды, цифровая грамотность.

Внешняя политическая и экономическая сводка намеренно демонстрирует цикличность истории. На Россию вновь опущен «железный занавес», а информационное поле внутри страны выстраивается вокруг политического противостояния «агрессивному» Западу [16]. Наиболее ярким маркером внутренней политики стали, наверное, немногими прочитываемые знаки «Z» и «V», что, как утверждается, должны объединить страну в этой «войне» [10]. Эти маркеры собирают наше представление о происходящем. Об этом писали ещё в прошлом веке сначала структуралисты, потом постструктуралисты. Не о военной операции, конечно, но о знаках эпохи, что составляют

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

нашу повседневность. Такие знаки Р. Барт называл мифологемами [2]; а работу с ними – семиотическим анализом.

Р. Барт – один из немногих мыслителей, кто работал с т.н. «низким» материалом, новостные заметки, фото и даже реклама. В работе «Camera lucida» Р. Барт открывает читателям свою любовь к фото, но не ко всем; тем, что зацепили его внимание, влюбились в себя. Таким «возлюбленным» Р. Барта является фото Дж. Ван де Зее 1926 г. [1, с. 25]. Сквозь него нам презентирована семейная идиллия четы чернокожих. Посредством фото Р. Барт различает два плана в прочтении фотографий, Studium и Punctum. Studium даёт общий культурный срез той ситуации, что выстраивается на фото, формирует исторический контекст, определяет социальный план. Согласно Studium'у мы узнаем об экономическом («зажиточная» [1, с. 25]) и социальном («конформизм» [1, с. 26]) статусах изображённого семейства. Проблема Studium'a, по Р. Барту, коренится в том, что он делает фото «проходящим», ставит его в один ряд с теми, что мы бездумно перелистываем в просмотре любого иллюстрированного издания. Punctum, в свою очередь, дефинируется Р. Бартом как «укол» [1, с. 15] или «рана» [1, с. 25]; это то, что в просмотре цепляет наше внимание, как будто колит или кусает наш глаз. Этим укальвающим эффектом сработали на мыслителя сначала шнурки на ботинках центральной фигуры, а вскоре – жемчужная нить той же фигуры.

Punctum, по Р. Барту, индивидуален при прочтении каждым, но отнюдь не случаен. Каждый находит в нем то, что откликается в его памяти, опыте. Punctum заставляет взгляд остановиться, мысль – заработать. Punctum колит и одновременно позволяет зрителю узнать в изображенном то, что ему близко [1, с. 38]. По следам А. Камю Р. Барт выстраивает аллгорию с трудом Сизифа: в просмотре фото усопшей матери все его внимание сфокусировано на попытке реконструировать распадающийся образ. Обесмысливание в этой реконструкции происходит, когда Р. Барт наблюдает факт существования своей матери, но ничего более. Она была; это подтверждают фото. Но каков ее образ, что может сопровождать мыслителя после ее кончины?.. В эту «рану» всякий раз бьют фото при очередном пролистывании, просмотре. Через эту рану выражена проблема узнавания. Фото даёт картинку; задача скриптора в том, чтобы эту картинку прочесть, узнать, «вытащить» из нее обрывки образа, кристаллизовать этот образ. Эта операция оборачивается трудом Сизифа, когда с каждым просмотром фото вновь актуализируются процессы понимания и узнавания, а в конечном счете – их безрезультативность.

В попытке пройти по пути Р. Барта, кто конструировал философию фотографического образа, М. Duarte сравнил фотографию с письмом [21]. В его анализе размышления Р. Барта синхронизируются с вопрошанием М. Бланшо о другом и инаковости [3]. У обоих мыслителей мы сталкиваемся с глубокой интимностью образа, и в фотографии, и в письме.

Безусловно, Р. Барт не был единственным мыслителем, что поставил перед собой задачу дескрибировать фото. «Философия фотографии» В.В. Савчука, наверное, уже стала своеобразной «иконой» прочтения фотографии скриптором из России [13]. В своей работе философ из Санкт-Петербурга соглашается со своим французским прекурсо-

ром в том, что фотография является непосредственным отображением того, что произошло; она становится своеобразной «хранительницей памяти» [13, с. 6]. Но одновременно с этим В.В. Савчук отрицает прочтение фотографии как раны; наоборот, для него она выступает тем, что приглашает наблюдателя к проживанию реальности, тем, что посредством своей нормативности, заключает видимую реальность в рамку. Отсюда В.В. Савчук заключает, что «фотография выражает подлинность проживания мгновения, поскольку свидетельствует о прямом зрительном контакте с объектом» [13, с. 6]. В этой подлинности остается место для столкновения, спотыкания и укола, но также в ней остается место для радости и спокойствия. Подлинность, по В.В. Савчуку, маркируется желанием прожить и пережить фотографию [13, с. 8]. В своих более поздних работах он обращается к конкретным фотографическим сериям петербургских художников [12, 15] и к феномену цифровой фотографии [14]. В отношении последней философ фотографии подмечает, что цифровой формат фото «определяет всю сферу самопрезентации и коммуникации».

Кажется, сколь многое бы не было сказано о каждом феномене реальности, многое остается в ответ еще не произнесенным, не выраженным в литых словесных конструкциях. Это же применимо и к фотографии. Место философии фотографии укрепляется и автономизируется в системе философского знания, что, в том числе, демонстрируют современные западные исследования, где осуществляется поиск новых подходов в выражении философских аспектов фотографии [30], конструируются и анализируются новые теории фотографии [19], выстраивается историческая ретроспектива фотографии, в ее движении от физического объекта реальности к теоретическому объекту [24].

Вместе с тем, в фокусе внимания данной работы лежит попытка конструирования социального понимания того, что происходит с Россией и миром в условиях военной операции на Украине. Призма понимания потому выстраивается посредством семиотического разбора видеоклипа «Яблонный Сад» в исполнении «Shortparis» и «Хора ветеранов им. Ф. М. Козлова», что был выложен на видеосервисе YouTube в марте 2022 г. [26].

В сравнении с фотографией любое аудиовизуальное произведение презентует картинку в движении. За этим стоит то, что, на наш взгляд, вполне удачно было разведено Ж. Делезом как «образ-движение» и «образ-время». В работе «Кино» Ж. Делез в какой-то мере выстраивает диахронию между кино и фотографией. Фото констатирует факт того, что есть; оно о настоящем, всегда о фиксируемой реальности, в какое бы время эта реальность не была бы зафиксирована. Кино, в свою очередь, никогда о том, что есть, но о том, что было или будет. Тело, по Ж. Делезу, является своеобразным «проводником» в пространства «до» и «после»: «Тело никогда не находится в настоящем времени, а всегда содержит некое «до» и некое «после», усталость и ожидание. Усталость, ожидание и даже отчаяние – это повадки тела. В этом направлении никто не зашел дальше, нежели Антониони. И вот его метод: показ внутреннего мира через поведение, – это уже не переживания, а «то, что остается от истекших переживаний», «то, что наступает после всего, после того, как все было сказано»; такой метод с необходимостью проходит через повадки или позы тела» [5, с. 507]. Ж. Делез усматривает в этом т.н. «магию» кино, тело, что само по себе не мыслит, провоцирует зрителя

подключаться к происходящему на экране, запускает его мысль. «Тело не мыслит, но, будучи упорным и косным в своих привычках, оно заставляет мыслить и принуждает к мысли ускользающее от мысли, жизнь» [5, с. 507].

Кино остается загадкой в философии XXI в. В некоторых случаях следуя за Ж. Делезом, в иных – вступая в дискуссию с ним, мыслители со всего мира продолжают вопрошать о кино. Некоторые заключают, что кинокартинка наиболее полно репрезентирует мир [22]; другие обращаются к аналитической философии как тому инструментарию, что способен выстроить концептуальное исследование, ориентированное на логическую последовательность и ясность аргументации [20]; третьи пытаются осмыслить кино через разбор ключевых понятий (сопереживание, изображение, этика, жанр, интерпретация, повествование, зрелищность и стиль) и обращение к конкретным режиссерам (А. Тарковский, И. Бергман и Т. Малик) [23]; наконец, четвертые ставят вопрос не только о природе кино настоящего и прошлого, но размышляют о новых направлениях исследований движущегося изображения, что выходит за пределы пленки [25].

Однако вернемся к видеоклипу. В пределах семиотической работы с ним обратимся к двум срезам, *Studium*'у и *Punctum*'у. Рассмотрим их в синтетическом единстве, перекличке друг с другом. Но начнем с укола, вернее, с вопроса о том, чем меня как зрителя зацепила эта работа среди множества иного аудиовизуала.

«Яблонный Сад» попался мне на глаза случайно, в числе прочих рекомендаций от YouTube. Это было в марте 2022 г. *Studium* обозначенной временной рамки, наверное, можно выразить как попытку, прежде всего, европейских народов (не исключая российский народ) понять, что сейчас происходит. В режиме случайного просмотра «Яблонный Сад» меня уколол: молодая странная поп-рок-группа (пути с которой у меня до того не пересекались) обращается к яркому (в определенном смысле – «жирному») тренду. Обращаются они опосредованно: поют в дуэте с хором ветеранов (1), выстраивают визуальный ряд с акцентуацией на военно-патриотическую сцену (ветераны в форме, сцена обита красным бархатом) (2), поют о яблонях (3). Как кажется, русская культура пытается оплотнить идею русской души посредством изображения дерева. Это и «Вишневый сад» А.П. Чехова [17], и «Катюша» М.И. Блантера и М. Исаковского, что открывается словами «Расцвели яблони и груши» [9], и березка, что является неотъемлемой составляющей русской народной сказки, и сами «Яблоки на снегу», что в 1980-е гг. воспел М. Муромов [11], а в 1990-е гг. на нее собрала не менее притягательную кавер-версию пародийная рок-группа «Бони НЕМ» [4].

Яблонный сад «Shortparis» в первой части композиции цветет медом, во второй части – кровью. Уже в этом зреет вопрос, что кроется за образом яблони: идея русскости, духовно неделимой славянскости или вообще пародия на все происходящее. Элементы, на первый взгляд, кажущиеся пародийными, безусловно, приковывают к себе внимание: яблоки закапывают в снег (1), музыкальная синхронность переходит в тревожащую слух асинхронию аккордеона и фортепиано и обратно в мелодичность (что напоминает работы группы «АукцЫон») (2), ветераны на сцене соседствуют с одетыми как-то по-деревенски музыкантами (3), и, конечно, образ фронтмена группы, что не отпускает

напряжения ни во взгляде, ни в движениях, ни в тональности (4).

«Shortparis» есть группа из российской глубинки (г. Новокузнецк), что сегодня творит в г. Санкт-Петербург. Shortparis созидает музыкальные эксперименты. Они не только про музыку. Скорее, они про форму отображения своего внутреннего мира, что не укладывается в какой-то один формат искусства. Это музыкальная группа, творящая перформансы. Они странные. Наверное, эта странность вкупе с кажущейся искренностью исполнения создают эффект юродства. В ряд юродивых отечественной музыкальной сцены «Shortparis» вписывает А.И. Шаклеева [18]. Она дефинирует «юродство Христа ради» как архетип, считываемый российской ментальностью. Юродивый, он кто? Он как дурачок. Эта дурачковость позволяет ему вести себя искренне, даже если эта искренность идет в разрез с нормами и требованиями общества. Юродивый не просто глуп от природы, в своей глупости он близок к Богу.

Е.А. Жеребятникова, в свою очередь, задается вопросом, кому страшно в мире «Shortparis» [7]. В этом вопросе экзистенциальный поиск коллектива «Shortparis». Они поют о том, что им страшно [27] и о том, что им стыдно [28]. Но с такими вопросами «Shortparis» диссонируют с юродивым из классической русской литературы. Лизавета из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, например, никого не боится и ничего не стыдится [6]. Вместе с тем, юродивость остается в их сценическом облике. Проявляется она в том, что они не страшатся и не стыдятся искренне заявить о своих страхе и стыде.

Представляется, что в работе «Яблонный Сад» ритмично, ударно, фальцетом, напряженно, тревожно и, вместе с тем, мелодично они заявляют о боли, что пронзает (или должно пронзить) сегодня всех. В последнем интервью Н. Солодникову фронтмен «Shortparis», Н. Комягин, отметил, с момента их первой встречи, что состоялась 3 года назад, у него сложилось ощущение, что мир изменился больше, чем они [29]. Там же он предположил, что сегодня мы наблюдаем прецедент «выталкивания» страны, народа и всей русской культуры из европейской цивилизации. Во всем этом мы получаем новый экзистенциальный опыт, отсюда должны выработать стратегию поведения. Как показали события с 24 февраля 2022 г. разворачивается наше поведение не в конкретной географической локации, а в интернете. Хочется, чтобы это поведение выстраивалось на принципах цифровой грамотности, что базируется на критическом мышлении, в противовес бездумности и массовой истерии.

Р. Барт писал: «Фото не «омывают» комнату, в них нет запаха, нет музыки – одна неимоверно разбухшая вещь. Насильственность Фотографии связана не с тем, что она запечатлевает проявления насилия, но с тем, что каждый раз она насильственно заполняет взор и что в ней ничто не в силах подвергнуться отказу или трансформации» [1, с. 51]. Цифра расширяет возможности и пространства насилия. Это информационное насилие, когда внешняя тебе информация диктует практики твоего мышления и поведения. Это насилие мы испытали в период пандемии Covid-19, его же испытываем сегодня в связи с военной операцией. Понимание общества невозможно без учета этого насилия. Оно складывается в трех посылах. Первая – культурные индустрии являются социальными агентами; вторая – как таковые они выражают проблемы и идеи социаль-

ной реальности *hic et nunc*; третья – они определяют настроение общества и отдельных социальных групп в отношении одного из трех маркеров («за Россию», «против России», «нейтральная позиция»).

Список литературы

1. Барт Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии. М.: Ад Маргинем, 2011.
2. Барт Р. *Мифологии*. М.: Академический проект, 2019.
3. Бланшо М. *Неописуемое сообщество*. М.: МФФ, 1998.
4. Бони НЕМ. Яблоки на снегу URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BDXW3UqXjIQ> (дата обращения: 22.06.2022)
5. Делез Ж. *Кино*. М.: Ад Маргинем, 2004.
6. Достоевский Ф.М. *Братья Карамазовы*. Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 9-10. Л.: Наука, 1991.
7. Жеребятникова Е.А. Кому страшно в мире Shortparis: семиотический анализ музыкального клипа // В сборнике: Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сборник материалов VIII (XXII) Международной научно-практической конференции молодых учёных. Отв. редактор А.Г. Кожевникова. Томск, 2021. С. 591-594.
8. Камю А. *Миф о Сизифе*. М.: Астрель, Neoclassic, АСТ, 2011.
9. Катюша. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Kri7ByE-9Mc> (дата обращения: 22.06.2022)
10. Маркировка российской военной техники во время вторжения на Украину. URL: <https://inlnk.ru/0QnYBE> (дата обращения: 22.06.2022)
11. Муромов М. Яблоки на снегу. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vFZFjjQ3pg> (дата обращения: 22.06.2022)
12. Савчук В.В. Пейзаж в эпоху медиального поворота (о фотографиях Юрия Опри) // EINA: Философия. Религия. Культура. 2017. Т. 6. № 1 (11). С. 164-196.
13. Савчук В.В. *Философия фотографии*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005.
14. Савчук В.В. Фотография в эпоху новых медиа // *Studia Culturae*. 2015. № 23. С. 177-187.
15. Савчук В.В., Кириллов А.А. Некрополитика концептуальной фотографии // EINA: Философия. Религия. Культура. 2018. Т. 7. № 2 (14). С. 58-68.
16. Совина М. Запад обвинили в агрессивном поведении. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/03/agressive/> (дата обращения: 22.06.2022)
17. Чехов А.П. *Вишневый сад*. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 13. М.: Наука, 1986.
18. Шаклеева А.И. Юродствование как феномен российских культурных практик // *Ярославский педагогический вестник*. 2020. № 2 (113). С. 209-215.
19. Abell C., Atencia-Linares P., McIver Lopes D., Costello D. (2018). *The New Theory*

- of Photography: Critical Examination and Responses. *Aisthesis. Pratiche, Linguaggi E Saperi dell'estetico*. 11(2), 207-234. <https://doi.org/10.13128/Aisthesis-22969>
20. Allen R., Smith M. (Eds.). (2011) *Film Theory and Philosophy*. Oxford Scholarship Online. DOI:10.1093/acprof:oso/9780198159216.001.0001
21. Duarte M.M. (2019) *Photography and Writing, or the Intimacy of the Image: A Dialogic Encounter between Barthes's Camera Lucida and Blanchot's Philosophy of Otherness*. *Photographies*. 12:3, 283-301. DOI: 10.1080/17540763.2019.1627392
22. Kardum M. (2020) *Film kao filozofija: slučaj Wittgenstein*. *Filozofska istraživanja*. Vol. 40 No. 4, 665-684. DOI 10.21464/fi40401
23. Livingston P., Plantinga C. (Eds.). (2008) *The Routledge Companion to Philosophy and Film* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203879320>
24. Maigné C. (2022) *Philosophy of photography: From the naturalistic print to the theoretical object*. *Foreword*. *Archives de Philosophie*. 85 (1), 7-9.
25. Rawls C., Neiva D., Gouveia S.S. (Eds.). (2019). *Philosophy and Film: Bridging Divides* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429435157>
26. Shortparis, Хор ветеранов им. Ф. М. Козлова. Яблонный Сад. URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=12CsEuxN5vQ> (дата обращения: 22.06.2022)
27. Shortparis. Стрaшно. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FUdteCBRX9c> (дата обращения: 22.06.2022)
28. Shortparis. Стыд. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8nXo65cd9Ck> (дата обращения: 22.06.2022)
29. SHORTPARIS: «Война и мир» #ещенепознер URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wu1BEWW7zyQ> (дата обращения: 22.06.2022)
30. Walden S. (2008) *Photography and Philosophy: Essays on the Pencil of Nature*. NY: Blackwell Publishing Ltd. DOI: 10.1002/9780470696651

Сведения об авторах

Пеннер Регина Владимировна – к-т филос. наук, доцент, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), доцент кафедры философии.

E-mail: pennerrv@susu.ru

R. V. Penner

“CAMERA LUCIDA”: INFORMATION TRENDS IN THE DIGITAL SPACE²

Abstract: *In the 21st century digital reflects tendencies and trends in social reality and at the same time determines social trends. It is no coincidence that in February 2022, the attention of Internet users switched from one newsbreak, the “Covid-19 pandemic” to another, the*

2 The research was supported by Russian Science Foundation «Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups» (regional competition) 22-18-20011 «Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)».

“military conflict in Ukraine”. It seems that from the very beginning of the military operation in Ukraine, the whole world indirectly joined the military confrontation. Every inhabitant, being an Internet user, has the opportunity not only to draw information from military reports, but also to express their opinion on the current situation, which can be conditionally designated by one of three markers: “for Russia”, “against Russia”, “neutral position”. The aim of the article is to formulate a new commentary adequate to digital and social reality, which continues the frame proposed by R. Barthes in «Camera lucida». Key ideas of the article are presented in the following premises. First, the cultural industries are social agents; second, as such they express the problems and ideas of social reality hic et nunc; third, they determine the mood of the society and separate social groups in relation to one of the three markers (mainly reflecting counter positions) presented above. To illustrate the third premise, we turn to the analysis of the denotative and connotative levels in the music video from Shortparis and the Choir of Veterans named by F.M. Kozlov “Jablunnyj Sad”, posted on March 12, 2022 on the youtube.com.

Keywords: *digital space, digital philosophy, digital anthropology, information trends, digital literacy.*

References

1. Barthes R. Camera lucida. Kommentarij k fotografii [Camera lucida. Commentary on the photography]. Moscow: Ad Marginem, 2011.
2. Barthes R. Mifologii [Mythologies]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2019.
3. Blanshot M. Neopisuemoe soobshhestvo [Indescribable community]. Moscow: MFF, 1998.
4. Boni NEM. Jabloki na snegu [Apples in the Snow] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BDXW3UqXjIQ> (accessed 22.06.2022)
5. Deleuze J. Kino [Cinema]. Moscow: Ad Marginem, 2004.
6. Dostoevskij F.M. Brat'ja Karamazovy [The Brothers Karamazov]. T. 9-10. Leningrad: Nauka, 1991.
7. Zherebjatnikova E.A. Komu strashno v mire Shortparis: semioticheskij analiz muzykal'nogo klipa [Who is scared in the Shortparis' world: semiotic analysis of a music video]. Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedenija. Sbornik materialov VIII (XXII) Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchjonyh. Otv. redaktor A.G. Kozhevnikova [Actual problems of linguistics and literary criticism: collection of materials of the VIII (XXII) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. Ed. by A.G. Kozhevnikov]. Tomsk, 2021, pp. 591-594.
8. Camus A. Mif o Sizife [The myth of Sisyphus]. Moscow: Astrel', Neoclassic, AST, 2011.
9. Katjusha. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Kri7ByE-9Mc> (accessed 22.06.2022)

10. Markirovka rossijskoj voennoj tehniky vo vremja vtorzhenija na Ukrainu [Marking of Russian military equipment during the invasion of Ukraine]. URL: <https://inlnk.ru/0QnYBE> (accessed 22.06.2022)
11. Muromov M. Jabloki na snegu [Apples in the snow]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vFZFijjQ3pg> (accessed 22.06.2022)
12. Savchuk V.V. Pejzazh v jepohu medial'nogo povorota (o fotografijah Jurija Opri) [Landscape in the era of the medial turn (on photographs by Yuri Opri)] // EINAI: Filosofija. Religija. Kul'tura. 2017. T. 6. № 1 (11). S. 164-196.
13. Savchuk V.V. Filosofija fotografii [Philosophy of photography]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005.
14. Savchuk V.V. Fotografija v jepohu novyh media [Photography in the Age of New Media] // Studia Culturae. 2015. № 23. S. 177-187.
15. Savchuk V.V., Kirillov A.A. Nekropolitika konceptual'noj fotografii [Necropolitics of conceptual photography] // EINAI: Filosofija. Religija. Kul'tura. 2018. T. 7. № 2 (14). S. 58-68.
16. Sovina M. Zapad obvinili v agressivnom povedenii [The West was accused of aggressive behavior]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/03/aggressive/> (accessed 22.06.2022)
17. Chehov A.P. Vishnevyy sad [The Cherry Orchard]. T. 13. Moscow: Nauka, 1986.
18. Shakleeva A.I. Jurodstvovanie kak fenomen rossijskikh kul'turnyh praktik [Foolishness as a Phenomenon of Russian Cultural Practices] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 2 (113). S. 209-215.
19. Abell C., Atencia-Linares P., McIver Lopes D., Costello D. (2018). The New Theory of Photography: Critical Examination and Responses. *Aisthesis. Pratiche, Linguaggi E Saperi dell'estetico*. 11(2), 207-234. <https://doi.org/10.13128/Aisthesis-22969>
20. Allen R., Smith M. (Eds.). (2011) *Film Theory and Philosophy*. Oxford Scholarship Online. DOI:10.1093/acprof:oso/9780198159216.001.0001
21. Duarte M.M. (2019) Photography and Writing, or the Intimacy of the Image: A Dialogic Encounter between Barthes's Camera Lucida and Blanchot's Philosophy of Otherness. *Photographies*. 12:3, 283-301. DOI: 10.1080/17540763.2019.1627392
22. Kardum M. (2020) Film kao filozofija: slučaj Wittgenstein. *Filozofska istraživanja*. Vol. 40 No. 4, 665-684. DOI 10.21464/fi40401
23. Livingston P., Plantinga C. (Eds.). (2008) *The Routledge Companion to Philosophy and Film* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203879320>
24. Maigné C. (2022) Philosophy of photography: From the naturalistic print to the theoretical object. *Foreword. Archives de Philosophie*. 85 (1), 7-9.
25. Rawls C., Neiva D., Gouveia S.S. (Eds.). (2019). *Philosophy and Film: Bridging Divides* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429435157>
26. Shortparis, Hor veteranov im. F. M. Kozlova. Jablonnyj Sad [Apple orchard]. URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=12CsEuxN5vQ> (accessed 22.06.2022)

27. Shortparis. Strashno [Scary]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FUdteCBRX9c> (accessed 22.06.2022)
28. Shortparis. Styd [Shame]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8nXo65cd9Ck> (accessed 22.06.2022)
29. SHORTPARIS: «Vojna i mir» [War and Peace]. #eshhenepozner URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wu1BEWW7zyQ> (accessed 22.06.2022)
30. Walden S. (2008) Photography and Philosophy: Essays on the Pencil of Nature. NY: Blackwell Publishing Ltd. DOI: 10.1002/9780470696651

Regina V. Penner – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk, South Ural State University (National Research University), Associate Professor at the Department of Philosophy.

E-mail: pennerrv@susu.ru

УДК:7.036+7.01

САМОРЕФЛЕКСИЯ ВИНСЕНТА ВАН ГОГА

Поскребка А. С.

Аннотация: В статье речь пойдет о таком феномене как саморефлексия художника Винсента Ван Гога, также будут произведены попытки реконструировать художественный метод и особенности стиля мастера на основе его размышлений о своем искусстве. Методологии, использующиеся в данной работе: художественный анализ, исторический анализ, метод сравнения. Актуальность исследования будет обусловлена стремлением взглянуть на творчество Винсента Ван Гога с нового ракурса, а также проследить и выявить его влияние на дальнейшее развитие искусства. Многочисленные письма живописца представляют собой один из основных источников. В них художник живо и ярко не только рассказывает о некоторых событиях из своей жизни, но также внимательно анализирует свое творчество, раскрывая основные принципы своей живописи. Важно подчеркнуть, что стиль художника постоянно изменялся. Анализируя его творчество и исследуя его письма, можно прийти к выводу, что художник шел от экспрессионизма к символизму. Изначально он пытался выразить больше эмоциональную сторону живописи, особую роль здесь играл цвет. Однако со временем он пришел к использованию глубоких и емких метафор, стремясь открыть зрителю тайны жизни человека и природы, разрушив границу между видимым и незримым.

Ключевые слова: саморефлексия, творчество Ван Гога, художественный метод, постимпрессионизм, экспрессионизм, символизм.

Художественный путь Винсента Ван Гога был нелегок и тернист. Непонимание, неприятие обществом и одиночество сопутствовали ему. Однако мастер мужественно боролся во имя искусства, стараясь донести до зрителя живую искру, горевшую в его сердце. В основе настоящего исследования будет лежать попытка на основе саморефлексии живописца определить его художественные принципы. Известно, что о Ван Гоге существует много исследований. Однако в данной статье мы постараемся, прежде всего, обратить внимание на слова и мысли самого художника, основываясь на его записях, и тем самым проверить – подтвердить, уточнить или опровергнуть – устоявшиеся взгляды на его искусство. Мастер оставил после себя уникальный материал: письма к друзьям и брату, где он фиксировал свои поиски, неудачи и завоевания. В этих документах Ван Гог открывается и как талантливый художник, и как вдумчивый мыслитель, человек, рефлексирующий не только над решением непосредственных задач живописи, но и над вопросами всего искусства в целом. Их исследование представляет собой уникальную возможность посмотреть на все с позиции автора. Известный итальянский искусствовед Лионело Вентури писал, что «письма Ван Гога принадлежат к числу самых захватыва-

ющих мемуаров конца XIX столетия...» [1, с. 176]. Параллельный анализ письменных источников и картин художника позволит взаимно обогатить выводы, полученные наукой, и сделанные на основе саморефлексии мастера, и еще ярче высветить новаторские решения и особенности его метода. Так, Стивен Найфи в своей книге о Ван Гоге, в частности, пишет, что картины были отражением душевного и эмоционального состояния художника [2, с. 6].

Обращаясь к творческому пути Ван Гога, важно обозначить точку, с которой мастер начал свое становление как художника. Изначально он, как известно, не планировал становиться живописцем. Винсент Ван Гог работал продавцом картин. Здесь он окунулся в мир искусства, и вскоре у него появились любимые художники – Рембрандт и Милле. Однако через некоторое время нравственные проблемы захватили его, родилась мысль стать проповедником. Он планировал поступить на теологический факультет, но позже передумал. Тем не менее, от своей цели Ван Гог не отказался. В 1879 году в шахтерском городке Ваме он получил желаемую должность. Однако проработал там всего несколько месяцев. После духовного подъема наступила черед разочарований. Художник близко познакомился с тяжелой жизнью шахтеров. Со своей стороны он хотел им помочь, постараться облегчить их участь. Однако возникли препятствия со стороны администрации шахты. Соприкоснувшись с реальной жизненной ситуацией изнутри, он также узнал о несовершенствах господствующей религиозной системы. Все эти факторы слились воедино и повлияли на его желание найти себе новое поприще. После ухода с должности духовного наставника, у Винсента был сложный переломный период, в результате которого он принял для себя твердое решение стать художником. Еще во время своего служения в Ваме, он понемногу делал наброски и чувствовал непреодолимую тягу к рисованию. В письме к брату он использует красноречивую метафору и сравнивает свое положение до этого решающего шага с «птицей в клетке» [3, с. 31]. Живописец также говорит о желании и стремлении свободно творить.

Из писем мастера мы видим, что Винсент Ван Гог начинал свое становление как художника с обучения рисунку. На начальном этапе для него важно было прочувствовать линию, научиться владеть ею с особым мастерством, позволяющим в дальнейшем рисовать, не чувствуя препятствий со стороны техники. Рисунок действительно играл огромную роль в творчестве художника. Обратимся за подтверждениями к словам художника. В письме к брату Ван Гог пишет: «Тем не менее, исходным пунктом всегда остается рисунок, а уж из него развиваются все ответвления и формы живописи, включая и акварель, формы, до которых дорасту и я – подобно всем, кто работает с любовью» [3, с. 89]. Исследователи также говорят о том, что «в центре творчества Ван Гога был рисунок, он выполнял формообразующую функцию и был инструментом, а также являлся основой для всех его других работ» [4, с. 6]. Сам мастер подчеркивает, что особый интерес у него вызывает рисование фигур. Для художника они являются своеобразным проводником в мир пластически выразительных образов других объектов. Сам мастер отмечает: «Чем дальше, тем я больше чувствую, что рисовать фигуры – дело хорошее, что косвенно оно благотворно влияет и на работу над пейзажем» [3, с. 40]. Это открытие Ван Гога

в будущем разовьется в необыкновенную способность его художественного видения: воспринимать не просто неодушевленный предмет, состоящий из линий и плоскостей, а созерцать в нем живое и субстанциальное начало.

Важно подчеркнуть, что в своей нацеленности на открытие общего, глубинного, тем не менее, художник не стремится уходить далеко от природы. Приведём соответствующую цитату из письма к брату: «В своей работе я нахожу отзвук того, что поразило меня. Я вижу, что природа говорила со мной, сказала мне что-то, и я как-бы застенографировал ее речи» [3, с. 100]. Ван Гог считает, что живописец способен открывать некие истины природы. Он акцентирует внимание на том, что не стоит терять эту тонкую связь с окружающей действительностью, не стоит отрываться от реальности и погружаться в абстрактные грезы.

Говоря о тематике ранних работ мастера, стоит отметить, что жизнь среди шахтеров в маленьком городке существенно повлияла на его восприятие окружающей действительности и его последующее творчество. Он увидел своими глазами быт простых рабочих людей, поразивший и впечатливший его. Неудивительно, что первые зарисовки художника были посвящены именно сценам из их нелегкой жизни. В письмах к брату он подчеркивал, что «в мире существует много великого – море и рыбаки, поля и крестьяне, шахты и угольные копи» [3, с. 180]. Казалось бы, обыденные вещи, но для Ван Гога они представляли наибольшую ценность, именно в таких сюжетах он видел особую поэтичность и красоту. Его картины раскрывают нам характеры простых людей и их быт с новой стороны. Ван Гог пишет рабочих не как заурядный мотив повседневности, а скорее, стремится увидеть нечто первичное, имеющее отношение к основам существования, даже монументальное в сценах их жизни, показать привычную обыденность в ее грубоватой суровости как духовно возвышенное. В образах крестьян художник раскрывает искренность и чистоту души. Его картины с рабочими глубоко выразительны и эмоционально насыщены. Однако их экспрессивность направлена на то, чтобы показать, насколько значимы простые люди в обществе, насколько ценен и морально значим их труд. Ван Гог в своих письмах не раз подчеркивал, что для него важно не просто писать картины, но создавать произведения, способные тронуть душу народа. Художник творил, желая разделить с ним красоты этого мира. «Я рисую не для того, чтобы докучать людям, а напротив, делаю все возможное, чтобы развлечь их или обратить их внимание на вещи, достойные быть замеченными, но известные далеко не каждому» [3, с. 69].

Не случайно одной из самых значимых работ раннего периода его творчества стали «Едоки картофеля» (1885, Музей Ван Гога, Амстердам). Художник отмечает: «В ней я старался подчеркнуть, что эти люди, поедающие свой картофель при свете лампы, теми же руками, которые они протягивают к блюду, копали землю; таким образом, полотно говорит о тяжелом труде и о том, что персонажи честно заработали себе на еду» [3, с. 185]. Здесь открывается одна из целей искусства Ван Гога. Мастер желает не рисовать изящные вещи, способные нравиться и развлекать, но писать произведения, в которых скрывается глубокий смысл. Этот тезис можно подкрепить цитатой художника, который, рассуждая о моделях и портретах, писал: «Весь вопрос в том, с чего начинаешь – с

души или с платья; ... в том, действительно ли ты моделируешь ради моделирования или потому, что это так бесконечно красиво само по себе» [3, с. 209]. Мы видим, что Ван Гог подходит к искусству осмысленно, он не прячется за формой, а скорее наоборот стремится, как можно лучше и точнее раскрыть содержание. В рисовании для него важны не видимые контуры, представляющие собой для мастера нечто иллюзорное, а некие первоосновы, скрывающиеся за внешней оболочкой. Его полотно, упоминаясь выше, показывает не просто грубых и неотесанных людей, за ним стоит гораздо более важная проблематика. Мастер выражает человечность, присущую рабочим, их искренность и сплоченность. Мы можем сказать, что здесь мало реализма в плане создания технически совершенной живописной иллюзии, но есть необычайный реализм в схватывании правды жизни (вплоть до ощущения знакомого многим аромата свежесваренного картофеля). За лаконичной манерой повествования и грубыми мазками стоит желание художника показать истинное положение дел без прикрас. Сам живописец говорил: «Нет, крестьян надо писать так, словно ты сам один из них, словно ты чувствуешь и мыслишь так же, как они: ведь нельзя же быть иным, чем ты есть» [3, с. 186].

Эта картина является одной из ключевых в творчестве мастера, поскольку здесь мы уже видим некие намеки на развитие, как его собственного живописного стиля, так и искусства в целом. На этом полотне нет еще ослепляющей яркости красок и пастозных формообразующих мазков, но есть некое предчувствие дальнейшей эволюции в сторону стремления к новой художественной выразительности и глубокой содержательной наполненности картин. По угловатой резкости эмоциональных акцентов, общему духовному напряжению и ощущению некой безысходности она позволяет различить предпосылки нового, зародившегося в XX веке направления – экспрессионизма. Экспрессионизм, как отмечают исследователи (Михаил Герман, Валерий Турчин и другие) – это течение в искусстве начала 20 века, направленное на преломление реальности через призму эмоций, субъективных ощущений живописца, особенностью его является именно трагическое ощущение жизни, большая психологическая напряженность [5, с. 152].

«Едоки картофеля» выполнены в достаточно сумрачных тонах – грязно-серых, черных, темно-синих, коричневатых. Очевидная редукция – сужение палитры, ее сознательное обеднение художником ради правды, верности объекту изображения и, конечно, ради повышения эмоционального тона поразительным образом предваряют образный строй картин «голубого (точнее, синего) периода» творчества молодого Пикассо. Однако позже, уже в Антверпене, Ван Гог продолжает экспериментировать с цветом, подбирая различные его вариации, развивая и дополняя свою палитру. Можно отметить, что его краски становятся насыщеннее и ярче. Сам художник приходит к еще одному важному выводу: не копировать прямо с натуры, а существенно изменять, стараясь передать основное и добиться выразительности. Он пишет: «Итак, общий эффект природы красок может быть утрачен, если заниматься буквальным копированием натуры; эту красоту можно сохранить одним способом – воссоздав параллельный спектр красок, по возможности неточный, не такой же самый, как в оригинале» [6, с. 174]. Там же, в Антверпене, художник близко знакомится с академической системой. Он продол-

жает осваивать рисунок и живопись. Однако постепенно он чувствует разочарование, так как видит пустоту, выхолощенность, скрывающиеся за изящными линиями и мазками. Ван Гог сравнивает свой подход к этюдам и работы других обучающихся мастеров и приходит к выводу, что их произведения выглядят «плоскими» [3, с. 214]. Мы видим, что художник не стремится слепо следовать правилам, а пишет так, чтобы картина несла определенный эмоциональный посыл, была живой. В целом Ван Гог следует не за внешними очертаниями, то есть контурами, а пытается воспроизвести цельность объекта, работая с массами. Для него важны не видимые линии, а сам предмет, его отношения с другими объектами на картине. Он обращает внимание не на мелкие детали, а скорее схватывает предмет целиком. Встреча с академической системой, несомненно, заложила некую базу, на которую Ван Гог мог опираться технически, однако она также помогла ему увидеть и почувствовать, что в искусстве необходимо искать свой путь, оставаясь верным себе до конца.

Значимым этапом в творчестве художника является период пребывания в Париже. Там Ван Гог знакомится с импрессионистами. Исследователи отмечают, что под их влиянием у художника меняется цветовая гамма. Джон Ревалд подчеркивает, что в Париже его картины не только стали хроматически светлее, – само настроение их тоже стало более радостным. Его любимые сюжеты – крестьяне и рабочие, бедные люди и старики – уступили место другим, лишенным социального подтекста, – пейзажам, натюрмортам и портретам [7, с. 31]. Говоря об опытах с цветом, стоит отметить, что Ван Гог продолжает пытаться использовать цвет как инструмент достижения экспрессии. Художник считает: «Подлинный рисунок – это моделировка цветом. Я сделал дюжину пейзажей – два откровенно зеленые, два откровенно синие. Так я борюсь за жизненность и прогресс искусства» [7, с. 26]. Из этих рассуждений мы видим, что мастеру необычайно интересно работать с цветом и искать его сочетания, позволяющие не только слепо копировать натуру, но и выразить нечто большее. Мастер словно предвидит, что за экспериментами с колоритом стоит будущее искусства.

Именно в Париже Ван Гог знакомится с Гогеном, художником, оказавшим особое влияние на его жизнь и творчество. Там же Ван Гог начинает участвовать в выставках. Однако, несмотря на насыщенную парижскую жизнь, спустя некоторое время, мастер ощущает острую необходимость уехать. Он словно чувствовал себя не на месте среди этой неупорядоченной, изменчивой городской среды. «Работать в Париже, – жалуется он брату, – по-моему, совершенно невозможно, если только у человека нет такого места, где он мог бы передохнуть, успокоиться и снова стать на ноги» [3, с. 228]. Можно предположить, что душа художника требовала простоты и чистоты, любимых и близких сердцу сцен с крестьянской жизнью и красот природы.

В феврале 1888 года Винсент отправляется на юг Франции. Исследователь Рональд Пикванс отмечает, что данный период часто называют «...зенитом, вершиной, десятилетием величайшего расцвета творческой деятельности Ван Гога» [8, с. 11]. В письмах к брату и друзьям Ван Гог пишет восторженные отзывы об Арле, отмечая его живописные просторы. Красоты природы вдохновляют мастера, и он плодотворно работает над

своими картинами. Сам художник подчеркивает, что в данный период он акцентирует внимание на работе с цветом. Уже почувствовавший необходимость уйти от прямого подражания природе, мастер развивает свой принцип под влиянием ярких и сочных красок юга. «Я убежден, что природа здесь как раз такая, какая необходима для того, чтобы почувствовать цвет» [3, с. 246]. Читая его записи, мы видим, что он начинает по-новому чувствовать краски. Посредством колористических сочетаний он стремится выразить чувства. Цвет становится проводником в мир эмоций. «Я постоянно надеюсь совершить в этой области открытие, например, выразить чувства двух влюбленных сочетанием двух дополнительных цветов, их смешением и противопоставлением, таинственной вибрацией родственных тонов» [3, с. 289]. Художник в некотором роде противопоставляет свой метод принципам импрессионистов. Он уходит от стройных теоретических (технологических, вроде идей Водрейля) систем в сторону непосредственной содержательной и эмоциональной выразительности. Мастер, как мы видим из его записей, интуитивно пробаю различные методы и техники, формирует свой собственный уникальный стиль.

Возвращаясь к его работе с цветом, стоит подчеркнуть, что одним из выдающихся примеров поразительной работы с колоритом является картина «Ночное кафе» (1888 г., Картинная галерея Йельского университета, Коннектикут, США). Выполненная в ярких тонах, с контрастными сочетаниями, она передает необыкновенную гнетущую и вместе драматическую атмосферу заведения. Ван Гог отмечал: «Цвет нельзя назвать локально верным с иллюзорно-реалистической точки зрения; это цвет, наводящий на мысль об определенных эмоциях страстного темперамента» [3, с. 291]. Холодный зеленый (сукно бильярдного стола), сочетающийся с пронзительными всполохами красного (стены), лимонно-желтым и золотистым (горящие лампы и пол), создают ощущение накаленной среды. Цвет помогает зрителю настроиться на определенный лад и нащупать тот поэтический образ, те ассоциативные связи, которые заложил художник в картину. Сам мастер, описывая свое полотно, говорил: «В моей картине «Ночное кафе» я пытался показать, что кафе – это место, где можно погибнуть, сойти с ума или совершить преступление» [3, с. 294]. В данной работе особенно ярко раскрывается стремление художника наделить цвет особым значением, заставить его передавать чувства и эмоции. Для подтверждения приведем следующую цитату мастера: «В этой картине я пытался выразить неистовые человеческие страсти красным и зеленым цветом» [3, с. 290]. Золотистая рябь от мерцающих настенных светильников и люстры, драматический – густой и тяжелый – красный: художник использует эти тона для выражения особой, застывшей и тревожной, пугающей атмосферы. Ван Гог буквально сталкивает цвета, заставляя их ярче раскрываться и контрастно взаимодействовать друг с другом. Позже этот принцип еще сильнее разовьется у экспрессионистов XX века. Однако в отличие от Ван Гога, стремившегося не отрываться от действительности, экспрессионисты уйдут в мир субъективных переживаний и ощущений.

В Арльский период любимыми сюжетами Ван Гога остаются изображения из жизни крестьян. Здесь мы можем заметить элементы нарождающегося символизма. Художник подчеркивает, что он опять ищет новый аспект в трактовке сцен из крестьянской жизни.

Рассмотрим картины «Сеятель» (1888, Музей Крёллер-Мюллер) и «Жнец» (1889, Музей Фолькванг, Эссен). Для мастера они представляют собой некие противоположности по своему значению. Сеятель здесь олицетворяет начинание, процесс зарождения жизни, жнец же, напротив, связан со смертью и уходом в иной мир. Ван Гог пишет, что «задумал Жнеца как неясную дьявольски надрывающуюся под раскаленным солнцем фигуру, как воплощение смерти в том смысле, что человечество – это хлеб, который предстоит сжать. Но в этом олицетворении смерти нет ничего печального – все происходит на ярком свете, под солнцем, заливающим все своими лучами цвета червонного золота» [3, с. 413]. Сеятель, в свою очередь, олицетворяет символ бесконечного [6]. Внимательное прочтение строк, написанных художником, и анализ сюжетов данных полотен, позволяет сделать вывод о том, что Ван Гог через сцены быта крестьян показывает нам круговорот жизни. Яркие и метафоричные образы отсылают нас к цикличности естественных процессов, таких как жизнь и смерть. Картины художника одновременно приближены к реальности, но по мере созерцания и обдумывания, они выдают нечто большее, чем мимолетная рябь действительности. Не случайно сам мастер говорит о живописи: «Это умение пробиться сквозь железную стену, стоящую между тем, что ты чувствуешь и тем, что ты умеешь» [3, с. 107]. Он словно ныряет в глубину, прозревая смысл сквозь обстоятельства и случайности, и отбрасывая все поверхностное и пустое, выходит к первоосновам. Здесь уместно будет привести цитату из эссе «Око и дух» М. Мерло-Понти, который говорил о подобном эффекте живописи: «Ее действие состоит в другом, почти обратном: она дает видимое бытие тому, что обычное, заурядное зрение полагает невидимым, она делает так, что нам уже не нужно «мышечного чувства», чтобы обладать объемом мира» [10, с. 19].

Плодотворная работа Винсента Ван Гога в Арле сочетается с его размышлениями о судьбе искусства, которыми наполнены его письма. Обращаясь к брату Тео, он не раз рассуждал о тяжелой участи живописцев, их одиночестве, и зачастую неприятии их широкой публикой. Ван Гог акцентировал внимание также на затруднениях, связанных с продажами картин. Он считал, что вместе мастерам будет легче творить и продвигать свое искусство: «Знаешь, видя, что художники живут в одиночку, я всегда считал это идиотством. Человек всегда проигрывает от одиночества» [3, с. 257]. Именно поэтому он так настойчиво звал к себе в Арль Поля Гогена. «Если Гоген согласится, надо вытащить его из Бретонской дыры. Это положит начало ассоциации» [3, с. 257]. Ван Гог мечтал организовать союз художников под предводительством своего друга. Гоген приехал, и художники действительно некоторое время работали вместе. Ван Гог чутко прислушивался к своему другу и стремился попробовать нечто новое. Однако мечтам о художественном объединении не суждено было сбыться. Попытка совместного творчества Ван Гога и Гогена закончилась тем, что Гоген вернулся обратно в Париж, а Винсент оказался в больнице.

Позже мастер сознательно покинет Арль и переедет в Сен-Реми, в лечебницу. Душевная болезнь художника, несомненно, сильно повлияет на его жизнь, однако рисование останется путеводной звездой для мастера, способом примириться с тяжелым не-

дугом: «Только работа помогает мне сохранять самообладание и надежду когда-нибудь вырваться отсюда» [3, с. 426]. Неудивительно, что изменяются и сюжеты картин. Еще больше художник будет задаваться вопросами жизни и смерти, все сильнее его будут волновать темы отношения человека и природы, человека в его связи с Вселенной. Можно сказать, что будет совершен переход от экспрессионизма в живописи к символизму. Однако стоит отметить, что зачатки подобного художественного видения появились еще в Арле. Не случайно исследователь Рональд Пикванс подчеркивает: «Чем дольше он находился в Провансе, тем больше пытался уловить его атмосферу и раскрыть сущность» [11, с. 16]. Сам мастер в письме, в Арльский период, рассуждая о силе колорита и его возможностях, пишет о том, что стремится: «... выразить надежду мерцанием звезды, пыл души – блеском тона на темном» [3, с. 289]. Мы видим, что художник уже нащупывает тонкую грань между выразительностью и символизмом. Цвет не просто служит для передачи эмоции, он претворяется в некий таинственный поэтический образ. Художник по-прежнему стремится глубоко проникнуть пытливим взором в самую суть. Подобный порыв можно назвать основным в живописи мастера. Меняется лишь подход и творческий метод. К яркому оркестру красок, задевающих чувства и обостряющих эмоции, добавляются символы, углубляющие и расширяющие содержание картины. Отсюда проистекает влияние Ван Гога на искусство XX века. Мастер уже нащупывает некоторые темы, намечает обобщенные образы, которые в дальнейшем найдут свое распространение и развитие. Отметим то, что его символизм будет отличать не искусственная надуманность ассоциативных связей, а наоборот, некое естественное синтезирующее слияние, возникающее в результате пытливого наблюдения. Вспомним образ сеятеля, раскрывающий процесс зарождения новой жизни, или кипарисы на полотне «Звездная ночь» (1889, Музей современного искусства (МОМА) в Нью-Йорке), напоминающие живое пламя, рвущееся в бесконечность звездной выси, само ночное небо с необыкновенными загадочными вихрями, рассказывающее об удивительных процессах, происходящих во Вселенной. Искусствовед Н.А. Дмитриева проводит параллель между вихрями Ван Гога и спиральными галактиками, открытыми намного позже при помощи снимков телескопов [12]. Удивительно, как тонкий взгляд художника смог уловить эти метафоры и раскрыть их в своем творчестве. Важно, что Ван Гог не говорит о них прямо, а скорее оставляет некоторые нити, подсказки, которые помогают погрузиться в необыкновенную глубину интерпретаций его картины.

В целом стиль мастера трансформируется, он превращается в необыкновенный сплав живописи и графики. Динамичные и формообразующие мазки станут одним из значимых элементов его картин. Зарождающаяся в Арле вибрирующая техника получит здесь свое развитие. Показательно то, как сам художник описывает темп своей работы: «Предупреждаю заранее: все сочтут, что я работаю слишком быстро. Не верь этому. Ведь искренность восприятия природы и волнения, которые движут нами, бывают порой так сильны, что работаешь сам, не замечая этого, и мазок следует за мазком так же естественно, как слова в речи или в письме» [3, с. 265].

Для иллюстрации рассмотрим картину Ван Гога «Кипарис со звездой» (1890,

Отерло, Гос. музей Крёллер-Мюллер). Ван Гог видит в кипарисе не просто дерево, он чувствует его как собрание упругих пластичных линий, как нечто одухотворенное, как мощный жизненный порыв, стремящийся ввысь. В письме к Тео он пишет: «Кипарисы все еще увлекают меня... По линиям и пропорциям они прекрасны, как египетский обелиск» [3, с. 407]. «Они – как черное пятно в залитом солнцем пейзаже, но это черное пятно – одна из самых интересных и трудных для художника задач, какие только можно себе вообразить» [3, с. 407]. Обратим также внимание на ритмический рисунок полотна. Движение мазков пронизывает всю картину, они поднимаются снизу и формируют круговой поток вокруг месяца и солнца. Подобная ритмика создает ощущение непрерывности движения, его цикличности. В целом произведение пропитано таинственной атмосферой ночи. Стоит отметить, что звездное небо всегда привлекало художника. Обратим внимание на его слова: «Кончается ли все смертью, нет ли после нее чего-то? Быть может для художника расстаться с жизнью вовсе не самое трудное? Мне, разумеется, обо всем этом не известно, но всякий раз, когда я вижу звезды, начинаю мечтать, так же непроизвольно, как я мечтаю, глядя на чернильные точки, обозначающие города и деревни» [3, с. 266]. Особую поэтичность данной картине придает собрание мазков синих оттенков, олицетворяющих ночную мглу, и лимонно-желтые всполохи света месяца и звезд. Ван Гог, описывая настроение полотна, говорит: «Картина в целом очень романтична и в ней чувствуется Прованс» [9, с. 202].

Говоря о метафоричности картин художника, стоит упомянуть его полотно «Ветка цветущего миндаля» (январь 1890, Музей Ван Гога, Амстердам). Произведение было написано как дар брату Тео, в честь рождения его сына. На картине мы видим цветущую ветвь на фоне лазурного безмятежного неба. На первый взгляд лаконичный и изящный пейзаж обладает необыкновенной широтой интерпретации. Не случайно именно такой мотив мастер выбирает для картины в честь рождения своего племянника. Можно предположить, что цветущее дерево символизирует появление новой жизни, ее первое явление миру. Живописец продолжает оставаться верным себе в стремлении открыть зрителю некие истины, на которые его вдохновила природа. Возникла картина как манифест жизни, она отсылает нас к постоянному круговороту времени. Ван Гог стремится отразить в своих картинах нечто вечное и неизменное, тайные законы природы. В своих письмах он отмечает: «Если в том, что ты делаешь, чувствуется дыхание бесконечности, если оно оправдано и имеет право на существование, работается легче и спокойнее» [3, с. 299]. В целом данное полотно насыщено безмятежностью и ощущением гармонии. Сам художник это подтверждает, описывая процесс создания картины: «Работа моя идет хорошо – и ты увидишь, что мое новое полотно с ветками в цвету, возможно, лучшее и наиболее тщательно проработанное полотно из всех, что я сделал ранее, написанное спокойно, уверенно нанесенными мазками» [6, с. 293].

Подводя итоги, следует сказать, что Ван Гог – удивительный мастер. На основе исследования его писем можно сделать вывод, что он тонко чувствующий художник, способный анализировать собственное искусство и происходящее в культуре в целом. Несмотря на то, что мастера обычно относят к постимпрессионистам, проведя исследо-

вание его записей и рассмотрев его живопись, мы можем пойти дальше и сказать, что творческий метод Ван Гога трансформируется из фазы экспрессионизма в символизм. Казалось бы, хаотичная на первый взгляд линия поисков собственного стиля становится последовательной и логичной после попыток посмотреть на все изнутри, глазами самого художника. Изначально мастер акцентирует свое внимание на игре с цветом. Он многократно усиливает звучание красок, стремясь к необыкновенной экспрессивности полотен. Однако желание достичь выразительности не является главной целью живописца. Это всего лишь метод, чтобы достучаться до сердца зрителя и показать ему более глубокие, скрытые от глаз истины. Постепенно Ван Гог вводит все больше символизма, при этом, не отрекаясь от желания раскрывать суть вещей, пытаться заглянуть в глубины бытия. Его картины становятся наполненными емкими образами. Ван Гог упрощает, сжимает все до единой цельной формы, способной сказать намного больше, чем множество мелких деталей. Даже цвет со временем начинает нести символическое значение. Тон больше не отсылает нас к свето-теневым отношениям, он наделяется особым значением. Следя за описанием процесса создания картин, мы замечаем в высказываниях художника некоторую метафоричность и иносказательность. Мы можем сказать, что Ван Гог мыслит цельными образами, однако они близки к реальности и являются предметом кропотливого наблюдения мастера за действительностью. На его полотнах не просто копии предметов, а глубокие символы, открывающие нам новые грани жизни. Его мысли и рассуждения оказываются тесно вплетены в творчество. Они дополняют полотна, попутно раскрывая нам мотивы художника.

Встреча с картиной – это всегда диалог, попытка зрителя понять, что говорит о себе полотно. Исследование писем помогает выстраивать коммуникацию с самим художником, предоставляя возможность немного прикоснуться к процессу создания шедевра. Анализ саморефлексии художника позволяет не просто узнать биографические сведения и проследить ход мыслей мастера, а буквально помогает нам вычленивать творческий метод живописца.

Список литературы

1. Вентури Л. От Мане до Лотрека. Санкт-Петербург: «Азбука-классика», 2007. – 176 с.
2. Naifen S., White Smit G. Van Gogh. The Life. Random House Publishing Group, 2011. – 6 p.
3. Ван Гог В. Письма к брату Тео / Винсент Ван Гог; [пер. с англ. П. Мелковой]. М.: Эксмо, 2018. – 31 с., 89 с., 40 с., 100 с., 180 с., 69 с., 185 с., 209 с., 186 с., 214 с., 228 с., 246 с., 289 с., 291 с., 294 с., 290 с., 413 с., 107 с., 257 с., 426 с., 289 с., 265 с., 407 с., 266 с., 299 с.
4. Ives C., Stein S.A., Heugten S., Vellekop M. Vincent Van Gogh: The Drawings. Metropolitan Museum of Art, 2005. – 6 p.
5. Герман М. Модернизм. Искусство первой половины 20 века. Санкт-Петербург:

- Азбука-классика, 2003. – 152 с.
6. Ван Гог В. Дневник Винсента Ван Гога / Винсент Ван Гог; под ред. Анны Су; [перевод с английского Е. Козловой]. М.: АСТ: ОГИЗ, 2018. – 174 с., 293 с.
 7. Ревалд Дж. Постимпрессионизм. М.: Искусство, 1962. – 31 с., 26 с.
 8. Pickvance R. Van Gogh in Arles. Metropolitan Museum of Art, 1984. – 11 p.
 9. Ван Гог В. Письма к друзьям / Винсент Ван Гог; пер. П. Мелковой. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 202 с.
 10. Мерло-Понти М. Око и дух; пер. с фр., предисл. и коммент. А.В. Густыря. М.: Искусство, 1992. – 19 с.
 11. Pickvance R. Van Gogh in Saint-Rémy and Auvers. Metropolitan Museum of Art, 1986. – 16 p.
 12. Дмитриева Н.А. Винсент Ван Гог. Человек и художник. М.: Наука, 1980. – 9 с.

Сведения об авторе

Поскребка Анна Степановна – аспирантка кафедры теории и истории мировой культуры Московского государственного университета имени М.В Ломоносова, г. Москва.

E-mail: annapos9838399@gmail.com

A. S. Poskrebko

SELF-REFLECTION BY VINCENT VAN GOGH

***Abstract:** The article will focus on such a phenomenon as the self-reflection of the artist Vincent van Gogh, and attempts will also be made to reconstruct the artistic method and features of the master's style based on his reflections on his art. Methodologies used in this work: artistic analysis, historical analysis, comparison method. The relevance of the study will be due to the desire to look at the work of Vincent van Gogh from a new angle, as well as to trace and identify his influence on the further development of art. Numerous letters of the painter are one of the main sources. In them, the artist vividly not only talks about some events from his life, but also carefully analyzes his work, revealing the basic principles of his painting. It is important to emphasize that the style of the artist was constantly changing. Analyzing his work and examining his letters, one can conclude that the artist moved from expressionism to symbolism. Initially, he tried to express the more emotional side of painting, color played a special role here. However, over time, he came to the use of deep and capacious metaphors, trying to reveal to the viewer the secrets of human life and nature, destroying the boundary between the visible and the invisible.*

***Keywords:** self-reflection, Van Gogh's art, artistic method, post-impressionism, expressionism, symbolism.*

References

1. Venturi L. Ot Mane do Lotreka [From Manet to Lautrec]. Sankt-Peterburg: «Azbuka-klasika», 2007. – 176 p.
2. Naifen S., White Smit G. Van Gogh. The Life. Random House Publishing Group, 2011. – 6 p.
3. Van Gog V. Pis'ma k bratu Teo [Letters to Theo] / Vinsent Van Gog; [per. s angl. P. Melkovoï]. M.: Èksmo, 2018. – 31 p., 89 p., 40 p., 100 p., 180 p., 69 p., 185 p., 209p., 186p., 214p., 228 p., 246p., 289p., 291 p., 294 p., 290 p., 413 p., 107 p., 257 p., 426 p., 289 p., 265 p., 407 p., 266 p., 299 p.
4. Ives C., Stein S.A., Heugten S., Vellekop M. Vincent Van Gogh: The Drawings. Metropolitan Museum of Art, 2005. – 6 p.
5. German M. Modernizm. Iskusstvo pervoi poloviny 20 veka [Modernism. Art of the First Half of the 20th Century]. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2003. – 152 p.
6. Van Gog V. Dnevnik Vinsenta Van Goga [Van Gogh's Letters] / Vinsent Van Gog; pod red. Anny Su; [perevod s angliiskogo E. Kozlovoï]. M.: AST: OGIZ, 2018. – 174p., 293 p.
7. Revald Dzh. Postimpressionizm [Post-impressionism: From Van Gogh to Gauguin]. M.: Iskusstvo, 1962. – 31 p., 26 p.
8. Pickvance R. Van Gogh in Arles. Metropolitan Museum of Art, 1984. – 11 p.
9. Van Gog V. Pis'ma k druž'iām [Letters to Friends] / Vinsent Van Gog; per. P. Melkovoï. SPb: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. – 202 p.
10. Merlo-Ponti M. Oko i dukh [Eye and Mind]. Per. s fr., predisl. ikomment. A.V. Gustyriā. M.:Iskusstvo, 1992. – 19 p.
11. Pickvance R. Van Gogh in Saint-Rémy and Auvers. Metropolitan Museum of Art, 1986. – 16 p.
12. Dmitrieva N.A. Vinsent Van Gog. Chelovek i khudozhnik [Man and Artist]. M.: Nauka, 1980. – 9 p.

Poskrebko Anna Stepanovna – post-graduate student of the Department of Theory and history of world culture, Lomonosov Moscow State University, Moscow
E-mail: annapos9838399@gmail.com

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.6+342.4

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИИ ПОРТУГАЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1933 ГОДА

Шепелев М. А.

***Аннотация:** В статье рассматриваются положения Политической конституции Португальской республики 1933 г., являвшейся правовым фундаментом режима Estado Novo, которые закрепляли идеологические основы государственной политики. Положения, раскрывающие роль конституционного законодательства в защите традиционных духовно-нравственных ценностей, соотносятся с тезисами выступлений Оливейры Салазара и идеологической практикой салазаризма.*

***Ключевые слова:** Estado Novo, Оливейра Салазар, салазаризм, Политическая конституция 1933 г., традиционные ценности, идеология.*

Указом Президента России от 9 ноября 2022 г. утверждены Основы государственной политики России по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Это свидетельствует о выходе на качественно новый уровень усилий государства по конституированию идеологических основ своего бытия (после внесения ряда поправок в Основной закон в 2020 г.). Новые задачи в этой области актуализируют необходимость изучения мирового исторического опыта в этой сфере. Одним из государств, наиболее последовательно отстаивавших традиционные ценности перед лицом вызовов современной цивилизации, причем в «гордом одиночестве» перед давлением двух сверхдержав, было португальское Estado Novo («Новое государство»).

Как раз весной 2023 года исполнится 100 лет Политической конституции Португальской республики, ставшей правовым фундаментом Estado Novo и являющейся весьма интересным документом, в том числе в идеологическом смысле. Проект Политической конституции, подготовленный Антониу де Оливейрой Салазаром и его соратниками и обсуждённый в Совете министров и Национальном политическом совете, был опубликован правительством 28 мая 1932 г. После процедуры всеобщего публичного обсуждения 19 марта 1933 г. он был одобрен на плебисците и вступил в силу 11 апреля того же года, оставаясь действующим Основным законом страны до апреля 1974 г.

Цель данной статьи – выявить конституционные основы защиты традиционных духовно-нравственных ценностей в Политической конституции Португальской республики 1933 г. Данная проблема в отечественной литературе не рассматривалась, а в зарубежной литературе изучалась в основном в рамках исследований идеологической

ситуации, системы образования, государственно-церковных отношений, корпоративной организации, молодежного и женского движений в португальском Estado Novo (М. Брага де Круз, Р. де Карвалью, А. Кошта Пинту, И. Леонард, М. де Лусена, Ж. Ногейра Пинту, Ж.А. Сараива, Р. Рамуш и др.).

За три года до принятия Политической конституции и ещё не будучи главой правительства, в речи, произнесённой в зале Государственного совета 30 июля 1930 г., доктор Салазар говорил о «кризисе современного государства» и пути его преодоления. Для этого государство должно обрести подлинный суверенитет, получить реальную власть и силу для поддержания порядка, без которого ни одно общество не может сохраниться и процветать. Что это означало в понимании Салазара? «Вырвать власть у партийных клик; наложить на все [частные] интересы всеобщие, т.е. национальные интересы; сделать государство недоступным для завоевания дерзкими меньшинствами, но держать его в постоянном контакте с нуждами и чаяниями страны; организовать нацию сверху донизу, с различными проявлениями коллективной жизни, от семьи до административных органов, моральных и экономических корпораций, и интегрировать всё это в государство, которое станет его живым выражением – это и есть придание реальности национальному суверенитету» [1, с.74].

Нация, в свою очередь, понималась как органическое целое, а не как простая сумма обособленных личностей, чьё призвание и политическая воля были различны. Считалось, что публичные должностные лица, в том числе должностные лица предприятий общегосударственного значения, служат всему общественному целому, а не какой-либо партии или организации, преследующей частные интересы; их обязанность – подчиняться государственной власти и заставлять уважать её. В свою очередь, и граждане были обязаны сотрудничать с государственной властью и органами местного самоуправления, нести в них службу в соответствии с законами и участвовать сообразно своим силам в общественных повинностях. Сам Салазар настойчиво призывал всех людей, независимо от их происхождения и звания, религиозного вероисповедания, предпочтений режима, прежних партийных пристрастий, работать вместе на благо нации.

При этом Салазар всегда настаивал на существовании моральных и духовных ограничений для действий государства в областях, относящихся к индивидуальному сознанию и частной жизни. «Власть должна, – говорил он 7 января 1949 г., выступая на конгрессе Национального союза в Порту, – чувствовать себя скованной, действовать в рамках ограничений – внутренних ограничений, вытекающих из самой совести тех, кто управляет, из существования законов и регулярного функционирования других органов суверенитета; внешних ограничений, вытекающих из общественного мнения, просвещённого и беспристрастного» [2, с. 644]. В конституции прямо подчёркивалось, что суверенитет государства ограничен моралью и правом. Согласно статье 4, «португальская нация составляет независимое государство, суверенитет которого не знает внутри иных пределов, кроме морали и права, а в международном порядке – кроме тех, которые проистекают из свободно заключённых соглашений и договоров или свободно принятого обычного права; она сохраняет за собой право сотрудничать с другими государствами в

деле подготовки и принятия решений, касающихся мира между народами и прогресса человечества» [3].

Политическая конституция 1933 г. в статье 8 закрепляла широкий круг личных прав и свобод граждан. Статья 10 прямо воспрещала органам верховной власти, совместно или порознь, приостанавливать действие конституции или ограничивать упомянутые в ней права помимо предусмотренных в ней случаев. А в §1 статьи 8 особо указывалось, что «перечисление указанных выше прав и гарантий не исключает никаких других прав и гарантий, вытекающих из конституции или из законов». При этом §2 этой же статьи оговаривал, «особые законы определяют осуществление свободы выражения мысли, обучения, собраний и союзов; в отношении первой они должны будут препятствовать в предварительном порядке или мерами наказания развращению общественного мнения в качестве социальной силы и охранять моральную чистоту граждан, которым будет обеспечено право заставлять бесплатно печатать опровержения или данные в свою защиту в тех периодических изданиях, в которых они подверглись несправедливому оскорблению или оклеветанию независимо от всех других, предусмотренных законом, видов ответственности и способов преследования» [3].

Антониу де Оливейра Салазар исходил из того, что реальное осуществление общественных свобод, таких как нормальное функционирование институтов, предполагает достаточный уровень гражданского воспитания, наличие «духа толерантности», осознание ответственности и чувство справедливости, которые не одинаковы во всех странах. Поэтому он говорил, что «свобода измеряется не текстами, а обычаями». Он не скрывал, что «мало верит в природную предрасположенность португальцев к социальной дисциплине» (20 сентября 1935 г.) Средством решения этой проблемы он считал сведение их к локальным сферам деятельности: «...Кажется, что человек будет более ограничен», однако получит «больше возможностей для расширения своей личности, потому что внутри семейной группы, его профессиональной ассоциации, его церкви, его благотворительного или культурного центра существуют широкие сферы деятельности, которые государство, ограниченное выполнением своих функций, оставляет совершенно свободными, с единственным ограничением, чтобы они не были враждебны коллективным интересам». Таким образом, «общественные свободы» были, как он говорил в выступлении 9 декабря 1934 г., «возможно, более ограниченными в теории, но более конкретными, более гарантированными, более истинными» [4, с. 181].

Новая конституция преобразовала государство в «унитарную и корпоративную республику, основанную на равенстве граждан перед законом, на свободном доступе всех классов к благам цивилизации и на участии всех конструктивных элементов нации в административной жизни и разработке законов». Корпоративное государство строилось, исходя из естественной конституции общества. В силу этого семьи, приходы, муниципалитеты, корпорации, в которых состоят все граждане с их основными правовыми свободами, рассматривались как составные части единого организма нации. В этом качестве они, в частности, получили право участвовать в формировании государственных органов и их политики.

Важнейшую роль в Estado Novo играла идеология, прививавшая набор «священных» ценностей консервативного и традиционного характера. Собственно, салазаризм, как идеология Estado Novo, возник из сочетания католического фундаментализма, традиционализма (с присущим ему органицистским видением общества) и антилиберализма. Так, статья 6 Политической конституции устанавливала обязанность государства «содействовать моральному единству нации и устанавливать национальный правопорядок», устанавливать «справедливую гармонию интересов в законном подчинении частных интересов общим интересам», а статья 31 добавляла к ним обязанности «устанавливать равновесие между населением, профессиями, службами, капиталом и трудом», «защищать национальное хозяйство от... эксплуатации паразитического характера» [3].

Провидчески звучат с позиций сегодняшнего дня следующие слова Салазара, произнесённые 30 декабря 1930 г.: «Можно сказать, что наша цивилизация находится в кризисе, потому что ей приходится реформировать многие свои институты под огнем врага, который хочет не что иное, как подмять её под себя. Многие из её принципов мы рассматриваем как окончательные приобретения человечества, необходимые условия социального сосуществования, существенные основы человеческого прогресса. плоды многовекового опыта, фундаментальные политические истины. Но *те институты, которые являются значимыми для нас, многие смело принимают за просроченные исторические категории, которые прошлые века породили, а наш сотрёт с лица земли. На карту поставлены понятия Отечества, государства, власти, закона, семьи, собственности, социальной дифференциации, и именно на этой почве развернутся величайшие сражения будущего.* Перед лицом размаха дебатов и жестокости борьбы некоторые из сегодняшних глубоко укоренившихся политических разногласий позже покажутся нам всего лишь диалектическими уловками, детскими играми в бирюльки» [5, с. 81].

Осознавая эти опасности, Оливейра Салазар взял на себя педагогическую «миссию» по «спасению» Родины. Она основывалась на трех фундаментальных и для него неоспоримых ценностях: 1) Бог, который руководит и узаконивает все рекомендуемые политические и образовательные действия; 2) Родина, освящённая Богом, которая подчиняет все национальные интересы и в которой обязательно должны совпадать все индивидуальные проекты – всё для Нации, ничего против Нации; 3) Семья, природные институты с католическими корнями и традициями, являющиеся основой и опорой нового общества, которое он стремился построить.

В знаменитой речи Салазара 28 мая 1936 г. в Браге по случаю 10-летия Национальной революции, – в которой он заявил, что революция стремилась вернуть «душам, измученным сомнениями и негативизмом века», «утешение великой уверенности», – содержатся его пять «великих определений»: «Мы не обсуждаем Бога и добродетель; мы не обсуждаем Родину и её историю; мы не обсуждаем авторитет и его престиж; мы не обсуждаем семью и её нравственность; мы не обсуждаем славу труда и его долг» [6, с. 242]. В этом «пентаптихе» неоспоримый первичный характер Бога, подчёркивающий первое место духовного принципа, тем самым узаконивает неоспоримый характер родины, власти, семьи и труда.

В 1935 г. Салазар говорил: «...Нам поручено не спасти гниющее общество, а создать новое общество будущего, воспользовавшись преимуществами здоровых старых структур. Оно упорядочено и миролюбиво; оно знает границы Отечества, раздвинутые дерзкими росчерками прославленных предков; оно уважает иерархию и дифференциацию функций как естественный и человеческий факт, необходимый для общего прогресса; оно чтит и защищает труд как основу процветания и неотвратимого закона жизни» [7, с. 209]. Также Салазаром и другими идеологами Estado Novo подчёркивалось, что призвание португальцев в современном мире должно осуществляться на преимущественно «эндогенных» католических и коллективистских ценностях – лишь тогда они будут востребованы в собственной истории. Ответом на «универсалистские», интернациональные ценности либерализма, как и родственного ему социализма, стал «католический национализм».

Национализм, в случае Португалии как мононациональной страны и монорелигиозной, приравненный к патриотизму, был тем общественным настроением, которое, став цементирующим компонентом своего рода «конституционной идеологии», позволило примирить и объединить под знаменем Estado Novo самые разные идейные и политические течения – монархистов и республиканцев, интегралистов и сторонников Португальского католического центра. Он обеспечил также лояльность режиму со стороны умеренных оппозиционеров и поддержку широких народных масс. Национализм воспринимался как сила, преодолевающая партийное разделение.

Обострённое чувство национализма способствовало апофеотическому возвышению истории Португалии, герои которой, такие как Афонсу Энрикеш, Дон Себастьян, Вашку да Гама, Нуну Альвареш Перейра или Луиш Камойнш, олицетворяли величие португальцев. Португалия была великой и современной, когда португальцы бороздили моря и во имя непоколебимой католической веры открывали и завоевывали новые земли. При этом она всегда находила место для «маленького мира», для крестьянина маленькой деревни, владеющего своим домом и небольшим участком земли. Поэтому и ныне задача португальцев – сохранить свой маленький католический и крестьянский мир, заключённый в формуле «Бог. Родина. Семья».

Идеология Estado Novo содержала сильный католический компонент. Разумеется, он проистекает из того факта, отмеченного Салазаром в речи 7 января 1949 г., что «Португалия родилась под сенью Церкви, и католическая религия с самого начала была формирующим элементом души нации и доминирующей чертой характера португальского народа», что в истории страны «не было ни ересей, ни расколов, а только поверхностные волны, которые, хотя иногда и влияли на дисциплину, никогда не могли нарушить глубокое спокойствие веры» [2, с. 645–646]. Но, помимо этого, очевидно, что сильное католическое влияние во многом было обусловлено семинарским образованием самого Салазара, как и его активным участием в католическом движении в годы, проведённые в Коимбре.

Ещё в семинарии в Визеу он начал основательно изучать энциклики папы Льва XIII, во многом определившие содержание идеологии Estado Novo. Среди важнейших

идей, заимствованных Салазаром у этого папы, можно назвать представление о том, что власть в государстве исходит от Бога и это её божественное происхождение не связано с какой-либо формой правления, так что вопрос о предпочтительности монархии или республики имеет второстепенное значение по сравнению с соображениями общего блага. Салазар защищает диктатуру как наиболее удобную форму правления для Португалии, аргументируя это тем, что общее благо может быть гарантировано только сильной властью. Лев XIII утверждал, что всякая власть должна быть справедливой, что это должно быть не насилие, а отцовство. Салазар также отвергает беспорядок, войну и насилие, отводя правительству роль «верховного арбитра» во всех социальных конфликтах, поскольку оно руководствуется национальными интересами.

Лев XIII провозглашал непримиримость ко всяким попыткам противостоять государственной власти. Салазар также непримирим к тем, кто сопротивляется власти, утверждая, что они сами себя осуждают. Следом за папой он отвергает «новое право», защищающее суверенитет народа, как основу парламентской демократии; утверждает, что власть народа без признания власти Бога порождает беспорядки и мятеж; а также осуждает дух партийности, порождающий внутренние разногласия, расколы, политические и социальные беспорядки. Цензура как процесс сохранения добра, истины и добродетели также защищается и папой Львом XIII, и Оливейрой Салазаром. Лев XIII учил, что католики должны служить Церкви и обществу, освобождая его от дурных учений и дурных страстей. Именно в этом заключалась одна из основных задач «педагогической» миссии доктора Салазара.

Салазар заверил католиков в 1936 г., что он не совершит «ошибку или преступление обожествления государства» и никогда не передаст ему «функцию установления культа и определения принципов морали». Вместе с тем он хотел видеть католиков интегрированными в Национальный союз, как ведущую политическую силу нового порядка. С авторитетом, который был обусловлен тем, что в 1922 г. он был одним из лидеров Португальского католического центра, десять лет спустя Салазар рекомендовал его членам политически демобилизоваться, влившись в Национальный союз или посвятив себя социальной деятельности, чтобы не стать «мешающей силой», «неудобной для марша диктатуры». Этот призыв нашёл широкий отклик в католических кругах.

«Страна заходящего солнца», как называют Португалию, стала единственной в западном мире, где в Новейшее время высший церковный иерарх фактически участвовал в управлении государством. Его многолетняя дружба с главой правительства стала важнейшим ресурсом не только личного политического влияния, но и фактором, обеспечивавшим прочные позиции Церкви в рамках системы, отчасти представлявшей собой адаптированную к современности католическую версию византийской «симфонии властей». Не случайно в 1940 г. британский посол в Португалии говорил о том, что этой страной правят три человека – президент республики Антониу Ошкар Фрагозу Кармона, президент Совета министров Антониу де Оливейра Салазар и кардинал-патриарх Лиссабона Мануэл Гонсалвеш Сережейра.

Таким образом, по сути, с самого начала как в институциональном, так и в личном

плане в Estado Novo установился широкий и тесный союз между Церковью и государством. Он наглядно подтверждался тем фактом, что почти на всех публичных церемониях проводились благословения и мессы. В провинции многие представители гражданской власти относились к духовенству с таким почтением, что это давало людям ощущение, что «священники – главные». Укреплению их в этом мнении способствовали принадлежащие Церкви 14% периодических изданий страны и созданная в 1938 г. радиостанция Rádio Renascença.

Несмотря на светский характер Estado Novo, религиозное преподавание было вновь введено в официальных школах, оказывая решающее влияние на учебные программы, особенно в начальном образовании. В обычных школах почти все классы становились религиозными (преимущественно католическими), но при этом родители, не желавшие, чтобы их дети учились в таких классах, могли перевести детей в другие, нерелигиозные классы. В то же время эта норма была скорее формальной. В большинстве случаев религиозное воспитание и обучение приветствовалось в стране как политическими течениями, так и простыми людьми. Число студентов в семинариях увеличилось с 2239 в 1930 г. до 4173 в 1946 г.

Португальское католическое действие (Acção Católica Portuguesa, АСР) – новая организация, национальным лидером которой был кардинал-патриарх Лиссабона, – поставило своей целью «распространение, действие и защиту католических принципов в индивидуальной, семейной и общественной жизни», дистанцируясь при этом от политической деятельности. АСР стало «зеницей ока» кардинала-патриарха Сережейры, по осуществлению «христианской конкисты» против республиканского секуляризма и масонства, а также против коммунизма. Упрочив положение Церкви в португальском обществе, оно стало очень полезным инструментом политики «национального восстановления», проводимой Салазаром. В 1956 г. число членов АСР превысило 100 000 человек.

АСР, покровительницей которого была Фатимская Богоматерь, вместе с «Благочестивым союзом крестоносцев Фатимской Богоматери» (1934), поставили своей целью рехристианизацию страны посредством активизации миссионерской религиозной деятельности в сферах образования, воспитания, пропаганды, социальной защиты и благотворительности, чтобы избежать того, чтобы «безбожная цивилизация, навязанная России большевиками, развратила португальский народ». Объявленный новый «крестовый поход», или христианская реконкиста, предусматривал взаимодействие с государством, которое, заглаживая свой грех секуляризма, должно было сотрудничать с Церковью в школах, больницах, тюрьмах, казармах и общественной жизни.

Чудо Фатимы укрепляло уверенность в том, что Португалия, «земля Санта-Марии», получила особое благословение Божественного Провидения. «Португалия, с севера на юг, осознает провиденциальную миссию поборника христианской цивилизации», – провозгласил кардинал-патриарх Сережейра на Пасху 1938 г. в «Коллективной пасторали о голосовании епископата за мир в Португалии». Эта провиденциальная миссия актуализируется в Фатиме, которая, по его словам, является особым благословением Бога на португальскую землю. Этот провиденциальный замысел распространялся и на Estado Novo и его главу.

20 апреля 1940 г. церковные иерархи, собравшиеся в Фатиме, дали обет построить памятник в столице, если «португальский народ будет избавлен от ужасов опустошающей Европу войны» и если государство признает твердый правовой статус Церкви. Второе условие было выполнено уже через две недели, 7 мая, с подписанием конкордата и миссионерского соглашения Святого Престола и Португальской республики. Стремясь опереться на поддержку Католической Церкви и, исходя из установки Льва XIII на то, что государства должны поддерживать католическую религию, Салазар заключил конкордат, предоставивший Церкви значительные привилегии по сравнению с другими религиозными и конфессиональными сообществами. Церковь получила в Португалии статус юридического лица и снова могла создавать религиозные ассоциации по нормам канонического права.

Согласившись на реституцию Церкви её имущества, национализированного во время Первой республики, за исключением имущества, определённого как национальные памятники или используемого в государственной службе, Салазар отверг возможность компенсации Католической Церкви за национализацию; не согласился он и на субсидирование богослужений, за исключением миссионерской деятельности. При заключении конкордата Салазар сумел добиться таких формулировок, что его преимущества для Церкви были на порядок ниже преимуществ, предлагаемых другими конкордатами, такими как итальянский или испанский, что придало ему пластичность и позволило сохраниться в португальской правовой системе до 2004 г., пережив революцию 25 апреля 1974 г. Вместе с тем, подписание конкордата позволило Салазару укрепить свой образ защитника католической Церкви, из которого он черпал поддержку португальских католиков.

Оливейра Салазар рассматривал конкордат 1940 г. в двух измерениях – религиозном и политическом. В религиозной сфере он видел в нём некоторую компенсацию за прошлые нападки и гарантию свободы, необходимой для жизнедеятельности Церкви, для отправления культа и распространения веры. Сохранив принцип разделения, как более соответствующий разделению умов и веянию времени, конкордат, по его словам, «дал Церкви возможность воссоздать себя и даже на время вернуть себе первенство в формировании португальской души». С политической же точки зрения он был направлен на «использование религиозного феномена как стабилизирующего элемента в обществе и реинтеграцию нации в историческую линию её морального единства».

Взаимно доброжелательный характер отношений государства и Церкви способствовал в целом повышению религиозности, но последствия антирелигиозных кампаний времён Первой республики ещё остро ощущались. Число священников выросло с 4154 в 1932 г. до 5562 в 1948 г. (не считая 3477 монахинь), однако их было почти вдвое меньше, чем во Франции. К тому же этот показатель сильно варьировался между епархиями. Согласно приводимым Руем Рамушем данным, в 1948 г. в Браге на одного священника приходилось 897 жителей, почти на уровне Франции, а в Беже – 7853; в Порту – 1628, а в Лиссабоне – 4215. Все епархии юга были плохо обслуживаемы. В 1957 г. из 95 тысяч членов АСР почти все жили на севере страны, а 76% принадлежали к женским

католическим организациям. Это различие между севером и югом страны было ощутимо и в целом по отношению населения к религии. Показательно, что именно на юге страны Национальный союз имел наименьший вес и получал наименьшее количество голосов, причём, по словам Мариу Суареша, быть «решительно не католиком» являлось «настоящим критерием последовательной оппозиционности».

«Салазар, князь государства, и Сержейра, князь церкви, публично отстаивали разделение между двумя королевствами, но действовали в полном согласии, управляя португальским народом», – подчёркивает профессор Валдир Жозе Рампинелли. Их взаимное сотрудничество использовалось в соответствии с интересами каждого из них: Салазар нуждался в политической поддержке Церкви, а Сержейра защищал Церковь от возможного возвращения к антиклерикализму. Укреплению позиций Церкви способствовал, в частности, установленный в 1935 г. законодательный запрет на деятельность тайных обществ, направленный прежде всего против португальского масонства. В том же году была ликвидирована масонская организация «Великий восток Португалии», восстановленная сразу после революции 1974 г.

Салазар вдохновлялся чувством ответственности перед историей, перед «лузитанским, латинским и христианским наследием» исторической Португалии, и Estado Novo представляло собой средство её возрождения и защиты. Поэтому он заботился о сохранении традиционных зданий, для чего постоянно осуществлялась тщательная реставрация храмов, замков, дворцов и т.д.; также поддерживались старые и создавались новые музеи и национальные парки, возводились памятники национальным героям. Все они призваны были быть свидетельствами былого величия Португалии, которые следует сохранить для будущих поколений.

Но традиционализм Салазара – это не просто обращение к прошлой славе XV века и не политическая эксплуатация тоски о прошлом, португальского *saudade*. Это скорее обращение к традиции, проистекающее из чувства ответственности перед жизнью и страданиями прошлых поколений, которые породили настоящее. По его мнению, история Португалии прервалась в XIX веке, когда в стране господствовали чуждые идеи и управляли чуждые институты. На какой-то период Португалия перестала быть истинно португальской, но в 1926 г. этот период закончился и Португалия снова стала собой.

Шеф Estado Novo был убеждён в том, что модернизация несет в себе большую разрушительную силу, источником которой являются механизация, прогресс автоматизации, превращающий людей в машины, жестоко изолирующий их, разрушающий их эмоции, вкусы и привычный уклад жизни. Продукт этих изменений – современный городской человек, сформировавшийся в борьбе с окружающими, которые оспаривают у него место под солнцем, и в атмосфере этой непрестанной борьбы превратившийся в эгоиста, возможно, даже не замечая этого. А в середине 1968 г. Оливейра Салазар чётко определил свою позицию по отношению к прогрессу как таковому: *«Я не хочу заставлять свою страну платить высокую цену за преобразования, ценность которых ещё предстоит продемонстрировать»*.

Безусловно, важнейшим фактором поддержания традиционного образа жизни Са-

лазар считал семью. В ней он видел базовую социальную ячейку, первоначальное ядро прихода, муниципалитета и, следовательно, нации, ибо «по своей природе он является первым из органических политических элементов конституционного государства». Политическая конституция 1933 г. содержала отдельный, третий отдел, посвящённый семье, который следовал сразу же за изложением прав граждан и их гарантий. Статья 11 провозглашала, что «государство обеспечивает образование и защиту семьи в качестве источника сохранения и развития расы, в качестве первоосновы воспитания, дисциплины и социальной гармонии и в качестве устоя общественного порядка путем объединения семей и их представительства в приходе и в муниципии». Последнее положение конкретизировалось статьей 17, закреплявшей за семьёй статус политического элемента государственной организации: «Право избирать приходские советы принадлежит исключительно семьям. Это право осуществляется в каждой семье её главой» [3].

Португальский дом представлялся как скромный, но уютный дом, который приглашает вас войти в семью, где любовь к Богу, родине и своей семье передается от родителей к детям. В одной из брошюр, изданных Комиссией по делам матерей, провозглашалось: «Салазар хочет управлять Португалией, как вы хотите управлять своим домом, с единой и крепкой семьей. Салазар хочет, чтобы Португалия была такой же свободной и независимой, как и ваш дом, без вторжения нахальных чужаков. Вы хотите, чтобы в вашем доме семья объединилась вокруг головы, Салазар хочет того же в этом «маленьком лизитанском доме»». Предполагалось, что в семье каждый член имеет своё собственное положение: наверху – отец как глава семьи, затем – мать, внизу – дети. Жена и дети были обязаны главе семьи послушанием и благодарностью, в отношении к нему они могли только проявлять неизменное почтение. Конституция 1933 г. защищала равенство перед законом, «сохраняя в отношении женщин различия, обусловленные их природой и благом семьи».

Однако, несмотря на известное неравенство женщины, установленное во имя её природы, ей отводилось особое место в португальском обществе. Безусловно, материнство рассматривалось как высшая социальная миссия женщины, а это означало возложение на мужчин задачи защищать его. Но помимо материнства, согласно идеологии Салазара, у всех женщин, есть общее пространство и функции, связанные с домом и семьёй. Трилогия Оливейры Салазара «Бог, Родина, Семья», сравнимая со Святой Троицей, подразумевала роль женщин в качестве связующего звена. Женщин учили жить в любви к Богу, Родине и семье, чтобы полностью выполнить свою миссию.

В частности, подчёркивалось, что женщина несёт ответственность за управление страной в рамках своей семьи и домашнего хозяйства, выступая в качестве важной опоры *Estado Novo*. При этом семья рассматривалась и как производственное пространство, значение которого сопоставимо с национальной экономикой. Отсюда женщина в своем доме применяет ту же концепцию, которую Салазар использует в своем правительстве: заботиться, присматривать и спасать, а значит, жена должна управлять домом с тем же умением и целеустремленностью, что и Салазар – государством. Поскольку женщине отводилась роль управляющего домашним хозяйством и семейными финансами, имен-

но через женщин Салазар претворял в жизнь свою энергичную политику сбережений, постоянно рекомендуя её людям.

Выдвинутый им лозунг «Женщины для дома» акцентировал идею о том, что место женщины – в доме, а не за его пределами, в том числе – вне сферы производственной деятельности. Как разъяснял Салазар, «работа женщины вне дома разрушает его, разделяет членов семьи, делает их несколько чуждыми друг другу. Общая жизнь исчезает, работа по воспитанию детей страдает, их количество уменьшается». Правда, в порыве откровений он признавался, что настолько ретрограден, что для него высшей похвалой женщине по-прежнему является римская эпитафия: «Она была честной, она вела дом, она пряла шерсть». Поэтому существовал ряд правовых ограничений, затруднявших или препятствовавших женскому труду, особенно в некоторых профессиях. Конечно, эта установка салазаризма постепенно входила в противоречие с реальной практикой, связанной с неуклонным ростом запроса на женский труд, с появлением женских социальных движений, и с приобщением женщин к гражданской жизни, начиная с принятия в 1931 г. закона, предоставившего право голоса женщинам, получившим среднее или высшее образование.

В рамках женского движения также подчёркивались принципиальные отличия между воспитанными девушками-католичками и работающими девушками. Первые являются носителями всех добродетелей, таких как скромность, честь, здоровая радость и, прежде всего, приверженность защите своей семьи. Вторые, то есть работницы, отражают негативные черты женщины, такие как самовлюблённость, бунтарство, цинизм. Существовало огромное сопротивление принятию работающих женщин в такие организации, как OMEN и MPF; также женская трудовая деятельность часто становилась причиной презрения и насмешек в этой среде.

Считалось, что женщина должна не просто рожать, но и воспитывать и обучать, потому что простого рождения недостаточно для становления личности, а значит – женщина должна знать, как следует воспитывать и обучать, чтобы создавать добрых христиан для Бога и полезных граждан для общества. Поэтому в 1936 г. создаётся организация «Работа матерей для национального образования» (OMEN) – в связи с задачами осуществлявшейся тогда министром Карнейру Пашеку реформы образования, призванной обеспечить «целостное воспитание душ». OMEN занималась популяризацией традиционных ценностей и норм семейной жизни, «добрых обычаев», правил гигиены и ухода за детьми, заботилась о повышении квалификации матерей в вопросах семейного воспитания.

Под эгидой OMEN по всей стране были созданы центры, позже названные центрами социального образования, разделенные в зависимости от социальной среды на городские, рабочие и сельские; в них велось обучение домоводству, поддержанию баланса между доходами и расходами семьи, гигиене, уборке и дезинфекции, выбору одежды и мебели и уходу за ними, шитью, штопке и изготовлению заплаток, украшению дома, семейному воспитанию и религиозной практике в повседневной жизни семьи. Постепенно OMEN сосредоточила свою деятельность преимущественно на сельской местности и

на рабочей среде. В сельских центрах читались лекции, проводились конкурсы, организовывались каникулярные курсы и обмены между сельскими и городскими девушками. Считалось, что именно на селе люди всё ещё были «по-настоящему хорошими», поэтому важно с опорой на них, на их участие и помощь, сохранить чувство привязанности к земле и приверженность национальным традициям, вести борьбу с женскими пороками, потерей женственности и другими негативными влияниями модернизма. Вместе с тем в программе одних из курсов утверждалось, что без духа религиозности и патриотизма «вся жизнь в деревне становится однообразной, теряет смысл и очарование».

Ещё одной важной частью католической политической программы, которую всегда отстаивал Салазар, и которая стала элементом идеологии и политики *Estado Novo*, был корпоративизм. Политическая конституция 1933 г. объявляла, что государство должно «согласовывать, поощрять все виды социальной активности и руководить ими, обеспечивая подлинную гармонию интересов, с учётом законного подчинения частных интересов интересам общества». Статья 34 конституции провозглашала, что «государство будет поощрять образование и развитие корпоративного национального хозяйства, стремясь к тому, чтобы его элементы не склонялись к взаимной конкуренции, беспорядочной и противной справедливым целям общества и их собственным целям, но сотрудничали взаимно в качестве членов одного и того же общего целого».

В статье 35, в свою очередь, подчёркивалось: «Собственность, капитал и труд выполняют социальную функцию на основе экономического сотрудничества и солидарности; закон может определить условия их употребления или их использования в соответствии с общими интересами». Отсюда проистекал конституционный запрет на забастовки: «В экономических взаимоотношениях между капиталом и трудом воспрещается приостановка деятельности какой-либо одной из сторон ради торжества частных интересов» (статья 39) [3].

Беседуя в 1958 г. с корреспондентом французской газеты *Le Figaro* Сержем Груссаром, затронувшим в ходе интервью непризнание права на забастовку, доктор Салазар так объяснил свою позицию: «Мы слишком бедны, чтобы позволить себе такую роскошь. Признавая право на забастовку, человек признаёт, что существует абсолютная несовместимость интересов работодателя и рабочих и что этот вопрос может быть решен только путем борьбы. Побеждает сильнейший, что не означает, что справедливость победит. Когда право на забастовку не признаётся, одновременно должно быть признано, что интересы работодателя и работника в конечном счете совпадают и не противоречат друг другу; что необходимо учитывать третий интерес, который также находится под угрозой – интерес общества – и что должна быть учреждена организация, с помощью которой эти интересы могут быть определены и согласованы, признавая государство в качестве арбитра» [8, с. 943]. В этом и состоит суть корпоративной системы.

При этом Салазар неоднократно подчёркивал, что португальский корпоративизм основан не на огосударствлении, как в Италии, а на принципе свободной ассоциации и что в нём представлены не только экономические, но также «моральные и культурные интересы». Если итальянский корпоративизм начинался с принудительного роспуска

всех существовавших профсоюзов, то в Португалии до прихода Салазара не существовало эффективных профсоюзов, и Estado Novo впервые предоставило трудящимся для защиты их прав механизм коллективных переговоров, которые ранее не были законными. Португальские синдикаты и гильдии, в отличие от итальянских корпораций, не рассматривались как органы государственного управления.

После войны корпоративизм был переинтерпретирован как предвосхищение западной модели «государства всеобщего благосостояния». 18 мая 1945 г. Салазар предположил, что «если демократия может иметь, помимо политического значения, социальное значение и масштаб, то настоящие демократы – это мы» [9, с. 554]. И действительно, даже в 1970-х гг. американские исследователи были очарованы португальским «государственным корпоративизмом», который они взяли в качестве модели для «неокорпоративистской» тенденции современного капитализма.

Политическая конституция 1933 г. предусматривала «свободу выражения мысли в любой форме» как основное индивидуальное право и гарантию португальских граждан, но в ней также оговаривалось, что специальные законы должны регулировать осуществление свободы выражения мысли, превентивно или репрессивно предотвращать извращение общественного мнения в его функции социальной силы и гарантировать моральную целостность граждан. Осуществление этой задачи возлагалось на органы пропаганды и цензуры.

Право государства осуществлять пропагандистскую деятельность закреплялось статьями специального VI отдела Политической конституции «Об общественном мнении». Статья 20 провозглашала: «Общественное мнение является основным элементом политики страны и управления страной; на государстве лежит обязанность защищать его от всего, что способно отвратить его от истины, справедливости, хорошего управления и общественного блага». А согласно статье 21, «печать осуществляет функцию публичного характера, в силу которой она не может отказываться в вопросах государственного значения помещать официальные сообщения принятых размеров, которые могут направляться ей правительством» [3].

Следует учитывать, что всё время существования Estado Novo, даже после прекращения попыток открытых восстаний, Португальская компартия и другие «антиситуационисты» вели против него подрывную деятельность. Так, с 1935 по 1974 гг. существовало около 80 подпольных типографий ПКП, выпускавших «Аванти!» тиражом около 300 000 экземпляров, ещё одну газету «Милитанте» и различные пропагандистские листовки. С развитием техники они стали записывать и распространять тысячи видеокассет, содержащих антиправительственные послания и призывы. А с началом африканских войн ПКП организовала радиостанции Rádio Portugal Livre и Rádio Voz da Liberdade. Разумеется, что государство должно было противодействовать всей этой деятельности.

Первая республика за четверть века не смогла искоренить неграмотность, и, хотя правительство Салазара прилагало значительные усилия по решению этой проблемы, оно считало гораздо более важным не распространение знаний или выявление интеллектуальных дарований, а нравственное воспитание личности. Салазар прямо говорил:

«Я считаю, что в том, чтобы учить людей читать без нравственной подготовки, больше зла, чем добра». Гораздо более важным, чем обучение людей чтению, он считал создание элиты, способной решать большие национальные проблемы. А одна из ведущих «ситуационистских» газет *O Século* писала, что «самую красивую, самую сильную и самую здоровую часть португальской души» составляют как раз неграмотные португалыцы.

Одно из опасений заключалось в том, что, если крестьяне научатся читать и писать, они не пожелают возвращаться к тяжелой работе в поле. Вообще считалось неправильным, что возможности обучения используют в своих интересах те, кто по чистой глупости проявляет непомерные амбиции, не смиряясь с менее престижными, но полезными и достойными профессиями. В связи с этим задача учителей начальных классов заключалась не только в обучении грамоте, но и в том, чтобы привить детям крестьян любовь к сельскохозяйственному труду, что способствовало возникновению определенных отличий программ в сельских школах (специальные учебные курсы, направленные на овладение некоторыми основами сельскохозяйственных знаний и умений) от программ городских школ.

Статья 42 Политической конституции 1933 г. устанавливала: «Воспитание и обучение обязательны; они являются делом семьи и официальных или частных заведений, сотрудничающих с семьей». В соответствии с §1 статьи 43, «элементарное начальное обучение обязательно и может даваться либо дома, либо в частных или официальных школах». Сохранялся принцип отделения школы от Церкви. В §3 статьи 43 устанавливалось, что «преподавание, руководимое государством, не зависит от всяких религиозных культов, но вместе с тем оно и не проявляет враждебности по отношению к тому или иному из них». Одновременно гарантировалась свобода религиозного обучения: согласно §4 статьи 43, «для религиозного преподавания в частных школах не требуется никаких разрешений» [3]. Образование должно было быть направлено на выработку физической культуры и развитие интеллектуальных способностей, формирование характера, профессиональной пригодности и всех гражданских и моральных добродетелей.

Оливейра Салазар был убежден, что без «ментальной и моральной революции» в сознании португалцев и тщательной подготовки будущих поколений ничего прочного не построить. А это предполагало необходимость воспитать в них прежде всего такие качества, о которых он говорил в речи от 30 июля 1930 г.: «...Любовь к Родине до самопожертвования, желание хорошо служить, воля к послушанию – единственная школа для обучения командованию – и живая потребность в дисциплине, порядке, справедливости и честном труде» [1, с. 74].

Особой критике после Национальной революции 1926 г. подвергся существовавший в Первой республике режим совместного обучения мальчиков и девочек. Он сравнивался с «черным пятном, загрязняющим школьную жизнь», «блевотиной на картину, преисполненную красоты». Отмечалось, что для того, чтобы предоставляемое образование было чистым и совершенным, необходимо учитывать и правильно формировать половую мораль, а это невозможно при совместном обучении. На страницах газеты «О

professor Primário» указывалось: «Мы стремимся, чтобы представители соответствующего пола через образование, полученное на основе уважения и скромности, способствовали очищению общества». Между тем совместное обучение, напротив, создаёт трудности в поддержании дисциплины, препятствует воспитанию здорового духа девочек и мальчиков.

Салазар называл школу «священной мастерской душ» (a sagrada oficina das almas). Школьные пособия, уникальные книги для начального образования, тщательно отобранные министерством и использовавшиеся на протяжении многих лет, показывают примеры этих ценностей: прославление достижений Estado Novo и его шефа Оливейры Салазара; катехизация, с детских лет прививающая основы католической доктрины; культивирование славной истории Португалии как самой прекрасной страны в мире, продолжателем величия которой является Estado Novo; естественная роль женщины как жены и матери; благотворительность, дополняющая и часто заменяющая социальную функцию государства.

В ознаменование десятилетия прихода доктора Салазара в правительство в 1938 г. была опубликована серия из семи плакатов под названием «Урок Салазара», которая была распространена по всем начальным школам страны. Особенно характерен для понимания ценностей Estado Novo последний плакат этой серии под названием «Бог, Родина, Семья: трилогия национального образования». Он представляет собой великолепный синтез педагогики и морали эпохи Салазара: на плакате изображён идеальный деревенский дом – простой, патриархальный, христианский, скромный, но чистый и уютный, без газет и радио, ничем не напоминающий индустриальный мир с присущими ему пороками современной городской жизни. В доме показаны женщина, которая выполняет свою естественную миссию жены и матери; отец, глава семьи, возвращающийся с поля, на котором он трудится, обеспечивая благополучие своего семейства; распятие, хлеб и вино на столе, напоминающие о жертве Христа и о мессе; сын и дочь, которые радостно приветствуют отца. Это идеальный мир, без насилия, без пороков, без протестов, безусловно упорядоченный, воплощающий экономический, политический и социальный порядок, который Estado Novo считало совершенным.

Статья 56 Политической конституции 1933 г. определяла, что «государство поощряет, защищает и поддерживает те гражданские установления, целью которых является обучение и дисциплинирование юношества в видах подготовки его для выполнения им своих воинских и патриотических обязанностей» [3]. В этом контексте значительную роль в решении задач национального образования сыграли; организация «Португальская молодежь» (Mocidade Portuguesa, МР). Она была создана при активном участии министра Карнейру Пашеку и его заместителя Марии Гвардиолы 19 мая 1936 г. и чуть позднее, в 1937 г., была разделена на две секции по половому признаку – Mocidade Portuguesa Masculina (МРМ) и Mocidade Portuguesa Feminina (МРФ). Эта организация имела своей целью физическое, моральное и патриотическое формирование португальской молодежи, развитие чувства порядка, склонности к дисциплине и привитие уважения идеалов христианства.

«Португальская молодежь» охватывала всех детей и молодых людей во всей Португальской империи в возрасте от 7 до 17 лет в обязательном порядке, а студентов в возрасте до 25 лет – на началах добровольного членства. «Португальская молодежь» стремилась создать нового человека, нового гражданина, нового мужчину и новую женщину, проникнутых духом *Estado Novo*, воспитанных в любви к Богу, Родине и семье. В достижении этой цели виделась гарантия стабильности и преемственности для будущих поколений. Члены «Португальской молодежи» должны были выполнять определённые обязанности. Вот каковы обязанности португальских девочек и девушек, состоявших в рядах МРФ, изложенные в документе под названием «*Deveres da Boa Filiada*»:

- I. Любить Бога, верно исполняя Его закон;
- II. Уважать и обеспечивать уважение своего женского достоинства;
- III. Любить истину, которую практикуешь во всех своих отношениях;
- IV. Приносить пользу даже с самопожертвованием;
- V. Быть лояльной и всегда нести ответственность за свои действия;
- VI. Быть активной и дисциплинированной, с радостью подчиняться и уважать советы иерархически вышестоящих наставников и выпускников;
- VII. Быть ко всем доброй, нежной и щедрой;
- VIII. Стараться оценивать себя в работе и учебе, готовясь к выполнению своей будущей миссии;
- IX. С любовью служить христианскому идеалу в семейной и общественной жизни;
- X. Везде и всегда своим поведением поддерживать авторитет МРФ.

28 мая 1966 г., в день 40-й годовщины Национальной революции, в зале Публичной библиотеки Браги Антониу де Оливейра Салазар произнёс последнюю большую публичную речь, в которой выразил убеждённость, что «человеческий дух должен придерживаться истины, ему нужна определённость, чтобы ориентироваться и действовать. Ни одно государство не может существовать, не опираясь на них или не предполагая, что они определены и приняты». В Португалии за годы, прошедшие после начала движения 28 мая, с помощью принципов, которые отражали уверенность в истине, «мы смогли установить мир между собой, смогли организовать социальную жизнь и процветать в ней». Реагируя на критические утверждения тех, кому «наше движение иногда кажется слишком медленным», кто обвиняет режим в «неподвижности», Салазар подчеркнул: «Истина по сути своей неизменна, и приверженность духа истине, или уверенность духа, необходима для прогресса человеческих обществ» [10, с. 1096].

Таким образом, Политическая конституция Португальской республики 1933 г. закрепляла чёткие конституционно-правовые основы защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. В ней было прямо зафиксировано ограничение государства «моралью и правом», конституционные права и свободы «конкретизировались», а на государство возлагался ряд обязанностей морального характера в сфере воспитания, образования, направления общественного мнения. Конституционно фундированная идеологическая деятельность государственной власти, наряду с другими факторами, позволила на четыре десятилетия обеспечить стабильность мононационального, моно-

религиозного и преимущественно консервативного португальского общества в обстановке революционных потрясений 30-х, вспыхнувшего затем пожара мировой войны и начавшегося после неё мощного политико-идеологического давления на Португалию со стороны двух сверхдержав. При всех отличиях португальской ситуации того времени от современной российской действительности этот опыт представляет известный интерес как с точки зрения сравнения с практикой СССР, так и с точки зрения дальнейшего развития законодательного процесса в данной сфере в Российской Федерации.

В частности, заслуживают внимание положения Политической конституции 1933 г. о моральных ограничениях государственного суверенитета, о необходимости законодательно «препятствовать в предварительном порядке или мерами наказания развращению общественного мнения». Вообще концепты, содержащиеся в статьях, касающихся общественного мнения, воспитания и образования, как и в отделе, посвящённом семье, её защите и даже придававшем ей некоторый политический статус, могут быть полезны для решения современных задач, пусть и в иной форме.

Список литературы

1. Oliveira Salazar, A. de. Princípios fundamentais da revolução política // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928-1966. – Obra Completa. Vol.I-VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 65–75.
2. Oliveira Salazar, A. de. O meu depoimento // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 637–650.
3. Политическая конституция Португальской Республики 1933 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=1084>
4. Oliveira Salazar, A. de. A constituição das câmaras na evolução da política portuguesa // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 177–185.
5. Oliveira Salazar, A. de. Elogio das virtudes militares // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 77–82.
6. Oliveira Salazar, A. de. As grandes certezas da Revolução Nacional // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 241–246.
7. Oliveira Salazar, A. de. «Na ordem, pelo trabalho, em prol de Portugal!» // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 209.
8. Oliveira Salazar, A. de. Panorâmica da política mundial // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 925–945.

9. Oliveira Salazar, A. de. Portugal, a guerra e a paz // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 547–555.
10. Oliveira Salazar, A. de. No 40.º aniversário do 28 de Maio // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 1091–1096.

Сведения об авторе

Шепелев Максимилиан Альбертович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

E-mail: ma_shepelev@mail.ru

M. A. Shepelev

THE CONSTITUTIONAL BASIS FOR THE PROTECTION OF TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN POLITICAL CONSTITUTION OF THE PORTUGUESE REPUBLIC OF 1933

Abstract: The article examines the provisions of the Political Constitution of the Portuguese Republic of 1933, which was the legal foundation of the Estado Novo regime and which consolidated the ideological foundations of state policy. The provisions revealing the role of constitutional law in the protection of traditional spiritual and moral values are correlated with the theses of Oliveira Salazar's speeches and the ideological practice of Salazarism.

Keywords: Estado Novo, Oliveira Salazar, Salazarism, 1933 Political Constitution, traditional values, ideology.

Reference

1. Oliveira Salazar, A. de. Princípios fundamentais da revolução política // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 65–75.
2. Oliveira Salazar, A. de. O meu depoimento // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 637–650.
3. Political Constitution of the Portuguese Republic of 1933 [Electronic resource] // Access mode: <https://worldconstitutions.ru/?p=1084>
4. Oliveira Salazar, A. de. A constituição das câmaras na evolução da política portuguesa // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 177–185.
5. Oliveira Salazar, A. de. Elogio das virtudes militares // Oliveira Salazar, A. de.

- Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 77–82.
6. Oliveira Salazar, A. de. As grandes certezas da Revolução Nacional // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 241–246.
 7. Oliveira Salazar, A. de. «Na ordem, pelo trabalho, em prol de Portugal!» // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 209.
 8. Oliveira Salazar, A. de. Panorâmica da política mundial // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 925–945.
 9. Oliveira Salazar, A. de. Portugal, a guerra e a paz // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 547–555.
 10. Oliveira Salazar, A. de. No 40.º aniversário do 28 de Maio // Oliveira Salazar, A. de. Discursos e Notas Políticas. 1928–1966. – Obra Completa. Vol.I–VI. – Coimbra, Coimbra Editora, 2016. – P. 1091–1096.

Shepelev Maximilian Albertovich – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations of the Institute «Taurian Academy» of the Vernadsky Crimean Federal University

E-mail: ma_shepelev@mail.ru

УДК 32.019.5

ПОЛИТИЗИРОВАННЫЙ СПОРТИВНЫЙ ИНЦИДЕНТ: НОМИНАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ВОВЛЕЧЁННЫХ МЕДИААКТОРОВ¹

Быкова Е. В., Гавра Д. П.

Аннотация: В статье рассматривается медиатизационная траектория развития спортивного по содержанию и политического по существу инцидента на Пекинской Олимпиаде 2022 и стратегии номинации медиаакторов вокруг инцидента по поводу допинг-пробы российской фигуристки Камиллы Валиевой. Цель статьи: выявить номинационные стратегии медиа, отражавших течение допинг-скандала и дать им интерпретации в контексте подходов политической медиатизации. Во время инцидента в медианпространстве действовал весь спектр провластных и оппозиционных медиаакторов, в том числе и тех, кто покинул российское медианпространство после начала специальной военной операции. В статье проведено сравнение номинационных, а по существу, политических стратегий в провластных и оппозиционных российских массмедиа. Авторами выявлены антагонистические группы номинационных стратегий, реализуемых в рамках долгосрочных коммуникационных стратегий политических и спортивных акторов. Эмпирической базой являются российские медиатексты, принадлежащие представителям разных сторон политического спектра современной России: «Комсомольская Правда», «РИА Новости», «Независимая газета», так и представляющих оппозиционную (независимую) точку зрения: «Новая Газета» и «Эхо Москвы». Показано, что в условиях политического противостояния номинационные медиастратегии представления акторов неполитического инцидента порождают политическую медиатизацию.

Ключевые слова: номинация, номинационная медиастратегия, медиатизация, спортивный инцидент, политизация, Камилла Валиева.

Введение

В современном медиатизированном цифровом обществе априори заложен потенциал политизации практически любого значимого для общественности информационного повода [1]. Политизация неполитического информационного повода возможна, если социальный факт, событие, инцидент, легшие в основу этого повода, содержат в себе зерно столкновения интересов или ценностей некоторых значимых социальных субъектов. Аудитории медиа, пользователи социальных сетей, подписчики платформ, блогеров, инфлюенсеров, обсуждающих, т.е. по факту медиатизирующих и одновременного политизирующих соответствующий информационный повод, находя совпадение

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20 011 00371 «Медиатизация локальных инцидентов как механизм мобилизации политического протеста в информационно сетевом обществе».

или противостояние интересов и/или ценностей с одной из вовлеченных в противостояние сторон, включаются в его обсуждение. И в результате раскручивается спираль медиатизированной политизации.

Каждый социальный субъект, совершающий коммуникативное действие по расширению информационного поля повода – ставящий лайк, делающий репост, комментирующий и т.п. – выступает агентом медиатизации политизируемого социального факта. При этом, очевидно, что наиболее значимыми агентами медиатизации выступают акторы, обладающие наибольшим коммуникативным и социальным капиталом – массмедиа с большими аудиториями и инфлюенсеры / коммуникативные капиталисты / трафик монополисты [2].

Спорт, в особенности, большой спорт, с миллиардными аудиториями и громадными бюджетами и спонсорскими контрактами давно и прочно вошел в обиход общественной жизни с самым высоким потенциалом политизации и политической медиатизации. Недаром социология и политология спорта очень часто ставят рядом эти два термина «спорт» и «война» [3]. А Ф. Д'Агатти прямо называет спорт «суррогатом войны» [4].

История мирового спорта, как бы мы не уважали олимпийские идеалы Пьера де Кубертена, особенно в периоды глобальных противостояний в мировой политике, это всегда история соревнования, если не сказать столкновения не просто атлетов, а стоящих за ними стран и шире – национальных ценностных систем. Спортивные соревнования, как бы ни убеждал болельщиков МОК, что спорт вне политики, всегда были вписаны в политический медиадискурс, перенос чемпионатов, бойкоты участия в соревнованиях, победы и поражения в престижных турнирах широко обсуждались в массмедиа и оценивались общественностью как победа или поражение одной из конфликтующих сторон, а болельщики и фанаты спортивных соревнований подчеркивали лояльность к своей команде коммуникативно и поведенчески. Процесс политизации спорта особенно заметен в условиях мировой нестабильности и перманентных ценностных трансформаций [5, 6, 7]. Спортивные достижения получают дополнительную символическую нагрузку за счет обретения статуса чемпионов или победителей в международных соревнованиях. Поэтому так участились административные стратегии бойкотирования участия противоборствующих сторон в спортивных соревнованиях, недопуск спортсменов на престижные международные соревнования по политическим мотивам, дисквалификация спортсменов-фаворитов перед решающими соревнованиями и проч.

Формирование цифрового платформенного общества мультиплицировало потенциал спорта как пространства концентрации эмоционально разогретых массовых аудиторий. Фан-группы болельщиков того или иного вида спорта или конкретного спортсмена в социальных сетях достигают нескольких миллионов подписчиков. Возможность выплеснуть свою эмоцию в сеть в режиме реального времени, когда конечный результат еще неизвестен, встретить поддержку или атаковать оппонента превращает коммуникативное пространство спортивного ивента в эмоционально перегруженное пространство с высоким конфликтным потенциалом. Полиция на стадионе еще может развести агрес-

сивных фанатов противостоящих команд, но в сети такой полиции нет. Особенно остро этот потенциал конфликта реализуется, когда сходятся команды или спортсмены, представляющие конфликтующие страны или конфликтующие ценностные системы [8, 9].

Власть политического дискурса во многом определяет дискурс спортивный и его подачу в массмедиа, поскольку именно спортивный дискурс включает в себя ключевые для политической борьбы понятия: Победа/Поражение. «Победитель может быть только один» – эта максима верна и для спорта, и для политики. Второе место считается поражением и там, и там. Метонимически эти понятия переносятся на победу или поражение политических систем, вступивших в единоборство, на спортсменов, как символических субъектов этого противостояния, что многократно увеличивается посредством массмедиа.

В этом плане анализ спортивного дискурса – медийного и сетевого – представляет широкое и крайне интересное поле для коммуникативного анализа существенного более широких содержательных пространств, чем пространство собственно спортивной и околоспортивной коммуникации. Исследователь, изучая коммуникативные практики, складывающиеся вокруг спортивного ивента или инцидента со скрытым политическим или ценностным содержанием, получает возможность выхода на уровень анализа глубинных политических конфликтов и соответственно коммуникативных стратегий значимых политических игроков.

В настоящей статье проанализирован кейс инцидента с допинг-пробой российской фигуристки Камиллой Валиевой на Зимней Олимпиаде в Пекине в январе-феврале 2022 года². Этот, казалось бы, чисто спортивный инцидент, с нашей точки зрения, достаточно быстро прошел спираль политизированной медиатизации и далее для вовлеченных медиаакторов стал поводом для реализации стратегий политической коммуникации.

Мы собрали обширный эмпирический материал по данному инциденту: из медиа 5 стран на трех континентах, из социальных сетей, видеосервисов. Сотни медиатекстов и десятки тысяч постов. Это дало нам возможность очень глубокого анализа коммуникативных стратегий и тактик вовлеченных игроков – от правительств и международных организаций до рядовых сетевых комбатантов. Многие из материалов находятся в процессе обработки.

Для настоящей статьи мы выбрали задачу анализа номинационных стратегий, использованных медиаакторами при описании вовлеченных в инцидент акторов. Именно с первичных номинаций, внесенных медиа в коммуникационное пространство массовых аудиторий, начинается медиатизированная политизация какого-либо информационного повода. Уже в них, в номинациях закладывается основа для конструирования медиатизированного конфликта на уровне ценностей. В этом случае вводимые медиа номинации маркируют пространство отношений сторон описываемого события как конфликт не просто социальных субъектов, а некоторых более значимых субстанций – ценностей. И вот уже перед читателем или зрителем – не противостояние спортсменов “X” и “Y”, а

2 Сомнительный тест Камилы Валиевой стал причиной переноса церемонии награждения российских фигуристов на Олимпиаде Комсомольская правда 09.02.2022 URL: <https://www.kp.ru/online/news/4623292/> (дата обращения 22.08.2022).

конфликт сил Добра и Зла, Истины и Лжи, Добродетели и Порока. Этим приемом также с успехом пользуется кинематограф. Вспомним для примера блокбастер «Рокки 4», где зловещий Иван Драга, оппонент героя Сталлоне, символически представляет Советский Союз, объявленный Рональдом Рейганом «Империей Зла».

Цель статьи: выявить номинационные стратегии медиа, отражавших течение допинг-скандала вокруг Камилы Валиевой и дать им интерпретации в контексте подходов политической медиатизации. Для нас важно, что на период инцидента в медиапространстве действовал весь спектр игроков – и провластных и оппозиционных, в том числе и тех, кто покинул российское медиапространство после начала специальной военной операции. Таким образом мы можем увидеть и сравнить номинационные, а по существу политические стратегии в провластных и оппозиционных российских массмедиа.

Эмпирическая база и методика исследования

В настоящей статье проведен сравнительный анализ медиатекстов, посвященных спортивному инциденту с Камиллой Валиевой в феврале 2022 года на Пекинской Зимней олимпиаде с 04.02.2022 по 20.02.2022 в электронных российских медиа, занимающих как провластную: «Комсомольская Правда» (далее КП), «РИА Новости» (далее РИА), «Независимая газета» (далее НезГ) (57 медиатекстов), так и представляющих оппозиционную (как они сами заявляли, независимую) точку зрения: «Новая Газета» (далее НГ) (15 медиатекстов), «Эхо Москвы» (далее ЭМ) (15 медиатекстов). Медиатексты собраны в датасет с помощью системы Semanticforce.net. по ключевому слову «Камила Валиева» эксплицированному в тексте, заголовке или подзаголовке в медиа. После механического сбора медиатекстов произведена их ручная обработка с целью отфильтровать материалы, не имеющие отношения к инциденту с допинг-скандалом на Олимпиаде в указанных хронологических рамках. Отобранные медиатексты были подвергнуты кодировке по выявлению субъективной модальности текста в целом: субъективная модальность / отношение к вовлеченным акторам: –2 – крайне негативно; –1 – умеренно негативно; +1 – умеренно позитивно, +2 – сильно позитивно; отдельно выделены метафоры/парафразы по отношению к упоминаемым акторам.

Лексико-семантическому анализу были подвергнуты все прямо вовлеченные, а также потенциально причастные или косвенно вовлеченные в инцидент акторы. Набор акторов, по которым, согласно методике, производилось кодирование: К. Валиева, Э. Тутберидзе, Олимпийская команда по фигурному катанию, Олимпийский комитет России, руководство Российского спорта, Руководство России, Президент, Россия в целом, российский народ, МОК, другие спортсмены, антидопинговые службы, ВАДА, США, американцы, недоброжелатели России из других команд. Сравнительный анализ номинаций в медиатекстах разного политического спектра России, выраженных парафразами или метафорами, позволил выявить метафоры, отражающие политическое противостояние в российских медиа указанного хронологического периода и сформулировать транслируемые ценностные нарративы провластного и оппозиционного дискурса на основании лексико-семантического анализа отобранных медиатекстов.

Гипотезы

Инцидент с допинг-пробой К. Валиевой в процессе медиатизации прошел цикл политизации, номинационные стратегии массмедиа стали одним из инструментов транспонирования спортивного информационного повода в политический инцидент с потенциалом политической мобилизации.

Проправительственные российские медиа использовали медиатизационный потенциал рассматриваемого инцидента для подкрепления базового для их политических коммуникационных стратегий патриотического ценностного нарратива. При этом вторичные номинации вовлеченных субъектов нацелены на формирование у аудитории восприятия Камиллы Валиевой как отличной спортсменки, очевидной фаворитки, ставшей жертвой заговора враждебных России сил. Сама спортсменка при этом, как и вся российская команда чисты и безупречны.

С другой стороны, «независимые» / оппозиционные медиа через свои номинационные стратегии формируют восприятие инцидента как порождения порочной системы управления российским спортом. При этом сама спортсменка номинируется как жертва этой системы, а в качестве «сил зла», ответственных за инцидент, номинируются «коррупционированные и неквалифицированные» спортивные чиновники.

Таким образом, номинационные стратегии проправительственных и оппозиционных медиа формируют две разных интерпретации инцидента, в которых тем не менее совпадает представление К. Валиевой как высокопрофессиональной спортсменки, ставшей жертвой «сил зла». Только эти «силы зла» в картине мира проправительственных и оппозиционных медиа не совпадают.

Теоретические рамки исследования

Под медиатизацией локального события/инцидента мы понимаем «разворачивающийся в русле медиалогии процесс расширения социального ареала информированности и усложнения дискурса события с одновременным расширением и усложнением вовлеченных в этот дискурс аудиторий» [1, с. 64]. Этот подход прямо укладывается в понимание категории медиатизации на мете-уровне как процесса, в котором медиа становятся частью других социальных институтов и изменяют нормы и способы их деятельности [10, 11]. При этом, как мы уже писали, политической медиатизацией инцидента будет являться ивент-медиатизация «неполитического по содержанию события с одновременным приданием ему посредством медиакоммуникации политического смысла» [1, с. 65] и превращением в значимый элемент политической повестки дня.

Стратегии номинаций вовлеченных субъектов в медиасреде являются не случайными окказиональными образованиями журналистского творчества, а устойчивыми внутренне согласованными логиками формирования конструкторов, задающих фреймовую рамку для формирования общественных настроений, схемами внедрения в сознание аудиторий языковых «меток-ориентиров», определяющих идеологические координаты в публикуемом материале. «Стратегия именованности в публицистике одна из наиболее важных базовых стратегий, с помощью которой автор утверждает в своем тексте определенную идеологию, формулирует оценочные суждения, тем самым формируя у

адресата заданное восприятие» [12, с. 49], ценностный нарратив. Номинации субъектов в медиатекстах помимо этого «задают событийный фон новостного сообщения, его координаты в пространстве и времени» [13, с. 121] поскольку эти координаты в медиатекстах задаются и детерминируются актуальной социально-политической ситуацией.

В центре настоящего исследования стоят прежде всего вторичные (повторные) номинации, под которыми здесь подразумеваются «называние новым именем предмета уже названного» [14, с. 50] или «наименование уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества» [15, с. 123] с помощью производных лексико-семантических единиц [16, с. 173] в новой для них функции наречения [17, с. 129]. Вторичные номинации репрезентируют отношение к субъекту номинации с помощью дополнительной смысловой нагруженности используемой номинации, которая в тексте выполняет функцию «метки-ориентира». Метка-ориентир в тексте в свою очередь требует аналогичных по коннотативной окрашенности номинативных единиц, что нередко приводит к «выстраиванию объединенных единой моделью номинативных рядов», что в итоге образует номинационную стратегию, создающую нужное медиаактору образное восприятие у реципиента [18, с. 44]. С помощью такого нагнетания смыслов в медиатексте оказывается воздействие на личностную, эмоциональную сферу реципиента, формируя у него устойчивый стереотип восприятия определенного субъекта или события. Метафорическая номинация с точки зрения ономазиологии – это использование одного слова вместо другого, принадлежащего иной лексико-семантической парадигме, но обладающего с первым словом общей дифференциальной или коннотативной семой [19: 93], что позволяет читателю при восприятии медиатекста отделить Добро от Зла, Ангелов от Бесов, то есть метафорическая номинация служит инструментом манипуляции и управления индивидуальными диспозициями отдельных членов аудитории и общественным мнением в целом.

Данная экстралингвистическая особенность предопределила широкое использование метафоры или парафраза (любое описательное выражение субъекта, не обязательно троп [20, с. 312]) как средства актуализации коммуникативно-полемической функции в медиасреде и способствует политизации аудитории по ценностным основаниям в конкретной конфликтной ситуации, поскольку «в выборе метафорического выражения проявляются <...> различия индивидуальных интересов, а из совокупности метафор, ставших узуальными, можно видеть, какие интересы преобладали в народе» [21, с. 6]. Вторичная номинация ярко демонстрирует номинативные и творческие возможности языка и его носителей, указывает в определённой степени на мотивацию *выбора признака* [курсив наш], кладущегося в основу номината [22, с. 101].

Значения вторичных метафоризированных номинаций субъектов медиатекста амбивалентны: с одной стороны они всегда выбираются автором на основании личностного когнитивного опыта [23], а с другой стороны вписываются в мировоззренческую позицию определенного массмедиа как коллективного субъекта. Метафорические номинации легко воспринимаются, потому что побуждение к образованию метафор – это основное побуждение человека, которого нельзя ни на минуту игнорировать, ибо этим

самым мы игнорировали бы самого человека [24]. Метафоричность как свойство человеческого мышления: видеть сходство при сравнении, выполняет функцию приговора без суда, потому обладает мощной воздействующей силой. Воздействующая сила метафорической номинации объясняется тем, что метафора имеет связь с логическим мышлением, его рациональностью (поиск сходства), а с другой стороны, способствует мифологизации субъекта номинации и закреплению определенных стереотипов восприятия [25] в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода [26]. Понятийное сближение воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия [27].

Прагматический потенциал метафорических номинаций сознательно используется в политическом дискурсе для трансформации концептуальной картины мира адресата, даже ее полной перезагрузки. Метафорические номинации в медиатексте отражают наше сознание, являются мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия, используется в качестве безапелляционных аргументов в полемике в периоды острых политических противостояний [28]. Медиатекст, содержащий метафорические номинации субъектов, формирует нужную тональность, что влияет на суждение индивидуума образом, соответствующим этой тональности [29].

Анализ материала

Проанализируем вторичные (повторные) номинации акторов, вовлеченных в инцидент.

В медиатекстах мейнстрим медиа, работающих в рамках патриотической провластной парадигмы вторичные номинации представлены парафразой, нейтральными именами существительными, развернутыми метафорами:

1. Камилла Валиева: Нейтральные вторичные номинации: *российская фигуристка, спортсменка, 15-летняя фигуристка, девочка, россиянка, ребёнок, главное действующее лицо, юная спортсменка, 15-летняя девчонка; гениальная девочка; жертва; девочка, безвинно страдающая; главный фаворит; хрупкий ребёнок; маленькая, талантливая пятнадцатилетняя девочка; уникальная; главная фаворитка Олимпиады-2022 (РИА)*. Талант фигуристки абсолютизируется с помощью номинаций: *«лучшая фигуристка планеты, выдающаяся фигуристка, самая талантливая фигуристка мира, вундеркинд, явление в мире спорта, уникал, лучшая одиночница планеты, главная сенсация текущего сезона, самая талантливая фигуристка мира, уникальная фигуристка, гениальная девочка, великая спортсменка* и усиливается метафорическими номинациями: *самая большая звезда фигурного катания, надежда отечественного фигурного катания (НезГ); Яркая звезда, Настоящее чудо, Девочка на шаре, Солнце, Юная королева льда, Ледовая фея, настоящая гордость страны, Бриллиант в короне российского спорта (РИА); восходящая звезда фигурного катания; одна из лучших дочерей нашего Отечества, одна из лучших дочерей мира; девочка с «другой планеты», фигуристка, умница и боец (КП)*.

Таким образом в провластных медиа формируется ценностный нарратив: гениаль-

ная российская фигуристка, юная спортсменка, почти ребенок, фаворитка Олимпиады, дочь и надежда Отечества стала жертвой внешних злых сил. Какие это силы, видно из номинаций других участников инцидента, о них мы скажем ниже, но уже сейчас заметим, что они, эти силы Зла, номинируются не как личные враги российской спортсменки, а как недоброжелатели и враги российской команды, российского спорта и шире – России в целом. В семантическое ядро всех вторичных номинаций попадают обороты, содержащие превосходную сравнительную степень: *самая талантливая, самая большая звезда*; использование лексем с семантикой космоса: *звезда, мир, планета*; библеизмов: *ангел, жертва, чудо, надежда*; аллюзий: *девочка на шаре*.

Маркирование инцидента как атаки на российскую спортсменку, номинация сил Зла, равно как и ценностный патриотический нарратив вводится номинациями авторитетных политических и государственных субъектов. *Матвиенко заявила, что за ситуацией с фигуристкой Валиевой угадываются манипуляции западных спецслужб* (КП 11.02.2022); *Вице-премьер Чернышенко назвал домыслами заявления Баха о Камиле Валиевой* (КП 18.02.2022); *Песков ответил на угрозу главы USADA уголовным преследованием россиян из-за скандала вокруг Валиевой по «закону Родченкова»* (КП 11.02.2022); *депутат Госдумы Свищев призвал не верить слухам о допинге у российских фигуристов на Олимпиаде* (КП 09.02.2022); *Глава ОКР Поздняков заподозрил, что допинг-пробу Валиевой умышленно «придержали» до Олимпиады* (КП 11.02.2022); *Песков назвал недоразумением ситуацию с допинг-пробами фигуристки Камилы Валиевой* (КП 11.02.2022); *Тарасова рассказала, зачем западные СМИ сообщили о «допинге» Валиевой* (Sputnik 09.02.2022); *Вячеслав Фетисов поддержал Камилу Валиеву: «Девочка ни в чем не виновата»* (КП 17.02.2022); *Татьяна Тарасова о выступлении Валиевой: «А Камилу – били, били, били и убили!»* (Sputnik 09.02.2022).

Мы видим выстраиваемый цитированием официальных лиц нарратив – имеет место заговор коллективного Запада против российской команды и ее лучших спортсменов: *манипуляции западных спецслужб, слухи о допинге, заподозрил, умышленно «придержали»*. Стратегия прямого или косвенного цитирования высокостатусных спикеров с первичной номинацией с одной стороны показывает, что фамилии этих персон слишком известны читателю, чтобы их интерпретировать, а с другой стороны мнение упомянутых лиц по поводу обсуждаемой скандальной ситуации обладает высоким авторитетом.

Добавим к этому, что нарратив заговора против Камиллы Валиевой как заговора против России вводится в медиатекстах провластных СМИ подкрепляется прямыми генерализациями: *«Все очевидно: россияне уверены, что слухи о допинг-пробе Валиевой – обыкновенная провокация»* (КП 10.02.2022). *Остановить Камилу. Остановить Россию* (КП 15.02.2022). Обратим внимание на широкое обобщение и гиперболический перенос – попытка остановить Камиллу Валиеву – это попытка остановить Россию.

В отличие от провластных медиа в оппозиционном дискурсе номинации Камилы Валиевой носят в основном нейтральный характер: *спортсменка, «защищенное лицо»* («что нейтрализует базовый нарратив провластных медиа о заговоре против 15-летней

спортсменки), *лучшая спортсменка сборной России (сборной команды ОКР)*. В медиатекстах в гораздо меньшей степени присутствует превосходная сравнительная степень прилагательных в номинациях Камилы Валиевой: *15-летняя фигуристка, юная спортсменка, 15-летний подросток, девочка, российская спортсменка, несовершеннолетняя спортсменка, российская фигуристка, 15-летняя фигуристка, фигуристка, россиянка, 15-летняя олимпийская чемпионка, временная чемпионка, 15-летняя представительница России на Олимпийских играх, 15-летний человек, гениальный подросток, не единственная фаворитка*. Номинации в основном носят нейтральный характер, поскольку формируются на основе семантики факта: возраст (15 лет), пол (девочка), статус (чемпионка). Метафорическая номинация встречается в единичных случаях: *восходящая звезда фигурного катания* (штамп), *свежеиспеченная олимпийская чемпионка* (ирония), *воздушная спортсменка*. В последних случаях мы видим метафоры с двойным смыслом, поскольку прилагательное *свежеиспеченный* в сочетании с существительными, не имеющими отношения к пищевым продуктам, имеют дополнительную коннотацию: *слишком быстро/рано полученный*, прилагательное *воздушный* тоже с подтекстом. Отметим, что во всем корпусе текстов оппозиционных медиа только один раз встретилась метафорическая позитивная номинация юной российской спортсменки – «ангел во плоти» – пожалуй (ЭМ). Вторичные номинации Камилы Валиевой в оппозиционном медиадискурсе актуализируют ее российское гражданство: *российская фигуристка, спортсменка, представительница России*, и несовершеннолетний возраст, т.е. возраст, когда ответственность за подростка несут взрослые: *подросток, юная, несовершеннолетняя, 15-летняя*.

Оппозиционный медиадискурс формирует свой нарратив: Россия и российская команда не защитили, а напротив, использовали совсем еще юную девушку, почти ребенка, при этом ситуация с допингом неясна, но вероятна. *«И тут в любом случае вина врача Филиппа Шветского, которого уже ловили на допинге, и тех, кто его назначал. Тутберидзе, Горшков или кто там еще?»* (ЭМ 12.02.2022). *Бах заявил, что у него нет уверенности в том, что окружение Валиевой заслуживает доверия* (НГ 18.02.2022).

Вторичная номинация тренера сборной Э. Тутберидзе в проправительственных медиа носит в основном нейтральный характер, ее номинируют не иначе как *тренер*, по ее официальному статусу. *Тренер Тутберидзе заявила о невиновности фигуристки Валиевой* (КП 12.02.2022). В медиатекстах актуализирована поддержка тренерскому штабу, нейтрализуются хейтерские атаки в оппозиционных и зарубежных медиа: «Просто Этери умеет меняться и удивлять. Хейтеры ругали тренерский штаб Тутберидзе за «фабрику детей». На нынешние Игры она привезла трех абсолютно разных спортсменок. Сегодня *великая Этери вернула нам веру в чудо*». (КП 15.02.2022). *Песков о критике Тутберидзе со стороны главы МОК: «Жесткость тренеров – это залог побед»*.

Анализ вторичных номинаций провластного контента показывает, что Э. Тутберидзе и К. Валиева находятся в одном и том же семантическом поле: *вера, чудо, надежда, мастерство*.

Вторичная номинация Э. Тутберидзе в оппозиционных медиа трансформируется в

негативную в контексте: *«Замечательный тренер в своем стремлении достичь невозможного поставила на поток подготовку девочек-рекордсменок на один олимпийский цикл, в зависимости от отношения восхищающих или ужасающих весь спортивный мир»* (НГ 10.02.2022), *«выдающийся тренер»* (ЭМ 10.02. 2022). «Конечно, вся эта развивающаяся на наших глазах драма – *удар по школе Этери Тутберидзе*, вокруг которой кипят страсти и без олимпийского скандала» (НГ 14.02.2022). «Феномен тренера Тутберидзе – *редкое мастерство огранки юного таланта или неприкрытая эксплуатация детей?»* (НГ 20.02.2022). «С тотальным превосходством *«чудо-девочек» Тутберидзе* в мировом женском одиночном катании придется распрощаться почти наверняка» (НГ 14.02.2022). Актуализирована критика тренерского стиля Э. Тутберидзе: *«Мороз по коже*. Глава МОК Томас Бах раскритиковал Этери Тутберидзе – тренера российской фигуристки Камилы Валиевой; Следуя за Камиллой Валиевой, или *Розги для Моцарта»* (НГ 14.02.2022).

Анализ семантики номинаций Э. Тутберидзе в оппозиционном медиадискурсе актуализирует семантическое поле со значением жестокого учителя, если не дрессировщика беззащитных детей, использующего их для личного успеха: *удар, эксплуатация, поток, цикл, огранка, розги, жестокость*. В семантическом поле номинаций субъекта Э. Тутберидзе в оппозиционных медиа метафорическая составляющая касается ее тренерского стиля: поставить производство 15-летних чемпионки на поток.

Вторичная номинация Олимпийской команды по фигурному катанию в проправительственных медиа представляет ее исключительно в позитивном ключе, хотя в одном из текстов «Комсомольской правды» использована метафора войны: *«Гениальная Валиева, совершенная Щербакова и максималистка Трусова: у каждой нашей фигуристки на Олимпиаде своя война. И они в ней побеждают»* (КП 15.02.2022); *«настоящая королева олимпийского бала, счастливой Маргарите, олимпийская чемпионка»* (РИА.02.2022).

Вторичная номинация олимпийской команды по фигурному катанию в оппозиционных российских медиа подтверждает сформулированную гипотезу о том, что в номинационных стратегиях этого корпуса текстов мы видим формируемый нарратив российской команды и шире – российского спорта как бездушной машины, использующей совсем юных людей для спортивных побед, не гнушаясь ничем, даже допингом, чтобы дальше эти победы использовать в политических или личных целях: три наши *юные фигуристки*. *«Слезы двух подростков – цена, которую они платят за торжество взрослых»* (НГ 20.02.2022). *«Психическая атака и психотравмы как приём спортивных санкций и психотехнологий»* (ЭМ 10.02.2022). *««У нас даже при абсолютной доказанности того или иного случая виноват или проклятый Запад, или ВАДА, или неизвестно кто»»* (НГ 14.02.2022).

Инцидент с допинг-скандалом получил политическую медиатизацию и втянул в медиатизационную воронку всех субъектов, имеющих прямое или косвенное отношение к инциденту: Олимпийский комитет России, руководство российского спорта: спортивный мир, чиновники: WADA: *ответственность за задержку информации*

по Валиевой лежит на РУСАДА (РИА 18.02.2022); WADA назвало решение CAS по делу фигуристки Валиевой нарушением антидопингового кодекса (КП 18.02.2022); *CAS не убедили объяснения WADA о задержке проверки допинг-пробы Валиевой* (КП 18.02.2022).

В сравнении номинаций проправительственных и оппозиционных медиа прослеживается метафорика противостояния и войны: В проправительственных медиа актуализированы метафоры войны и борьбы, победы: *бойцы, стройные ряды, торжество, атака, травмы*. Но если базовый нарратив провластных медиа: Камилла – жертва коллективного заговора против России, то в оппозиционных медиа базовым нарративом является обвинительный нарратив – в скандале виновата российская сторона: *Кто подставил Камилу Валиеву?* (ЭМ12.02.2022).

Руководство России, президент, Россия в целом, МОК, другие спортсмены, антидопинговые службы, ВАДА, США, американцы, недоброжелатели России из других команд вторично не номинируются в медиатекстах ни в проправительственных, ни в оппозиционных медиа, все перечисленные субъекты в медиатекстах представлены в семантике факта и не репрезентированы ни метафорой, ни парафразой.

Обсуждение результатов

Основные гипотезы исследования нашли свое подтверждение. Спортивный по своей сущности инцидент – заявление антидопингового агентства о наличии положительной допинговой пробы у одной из участниц соревнований в российском медиадискурсе прошел цикл политической медиатизации и превратился в политически значимый информационный повод. При этом агентами политической медиатизации, как и следует из современных медиатизационных концепций, выступили массмедиа, принадлежащие разным областям политического спектра.

Как провластные, так и оппозиционные массмедиа в ходе медиатизации воспользовались рассматриваемым спортивным инцидентом для реализации своих стратегий политической коммуникации и продвижения близких им ценностей.

При всем различии продвигаемых политических ценностей, представители масс-медиа противостоящих лагерей для реализации своих коммуникативных стратегий политической медиатизации активно использовали инструментарий вторичных номинаций акторов, прямо или косвенно вовлеченных в рассматриваемый инцидент – самой юной спортсменки, тренерского штаба, спортивных чиновников.

Российские медиа, ориентирующиеся на патриотические ценности и поддержку политического курса органов государственной власти РФ, обозначали инцидент как прямую провокацию противников России не только против конкретной спортсменки, но и против более фундаментальных субъектов – российского спорта и России в целом. По отношению к Камилле Валиевой используемые номинационные стратегии формировали ее образ как талантливой юной российской спортсменки, виртуоза фигурного катания, патриота своей страны, ставшей жертвой провокации врагов России и жертвой несправедливости. В рамках проправительственного корпуса текстов не выявлено дискурсивных единиц, ставящих под сомнение невинность и чистоту спортсменки.

Российские медиа, представляющие оппозиционную часть политического спектра или позиционирующие себя как независимые, а по факту, стоящие на критических по отношению к институтам власти позициях, через свои номинационные стратегии предлагали иную нарративную интерпретацию инцидента. В рамках этого нарративного трека Камилла Валиева номинируется как совсем юная талантливая спортсменка, несовершеннолетний тинэйджер, которую жестко «дрессируют» тренеры и которая является жертвой эксплуатации и амбиций спортивных чиновников

С другой стороны, «независимые» /оппозиционные медиа через свои номинационные стратегии формируют восприятие инцидента как порождения порочной системы управления российским спортом. При этом сама спортсменка номинируется как жертва этой системы, а в качестве «сил зла», ответственных за инцидент, номинируются «коррупцированные и неквалифицированные» спортивные чиновники. При этом оппозиционный нарратив вполне допускает наличие допинга в пробах фигуристки и возлагает ответственность за это на руководство российской команды.

Также по-разному номинируется тренерский штаб российской команды, и, в частности, тренер Э. Тутберидзе. Если в проправительственной подвыборке она номинируется как выдающийся тренер, отличный профессионал, творец чемпионов, то в оппозиционной она – жесткий диктатор, муштрующий своих воспитанниц, не испытывающая к ним жалости и сострадания.

Выводы

На основании проведенного исследования подтвердилась гипотеза о том, что номинационные стратегии проправительственных и оппозиционных медиа посредством вторичных номинаций в публикуемых текстах сформировали две разных интерпретации одного и того же спортивного инцидента, что свидетельствует об обострении когнитивного противостояния России и коллективного Запада в тревожных политических условиях середины февраля 2022 года. Как показала последовавшая за проведенным исследованием практика сравнительного анализа позиционирования СВО в российских и западных массмедиа, интерпретация новой повестки образовала коммуникативные ножницы, формируемые дихотомическими нарративами Добра и Зла. Однако в новых условиях после февраля 2022 года описанная в статье ситуация с К. Валиевой стала предтечей, своеобразным предвестником войны нарративов, которая имела место еще до начала военного противостояния, ее образной метафорой, что подтверждает еще раз тезис о том, что спортивная борьба приняла смысл военной метафоры. В создавшихся условиях, используя те же инструменты воздействия, российские оппозиционные медиа заняли явную прозападную сторону и в своих речевых стратегиях использовали укладывающиеся в западный идеологический дискурс базовые нарративы Добра и Зла, сформированные по отношению к акторам, вовлеченным в инцидент вокруг Камиллы Валиевой. Со своей стороны провластные медиа в качестве сил зла, устроивших провокацию России, представляют «обобщенного Чужого», под контролем которого в рамках этого нарратива находятся государственные и спортивные представители стран коллективного Запада и США. То есть в рассматриваемом кейсе обнажилась поляризация транслируемых аудиториям ценностных нарративов,

которые, как и следовало ожидать, транспонируют спортивный инцидент в политическую плоскость. Тезис о траектории политической медиатизации неполитического инцидента также получил свое подтверждение.

Таким образом актуализируется ценностная дихотомия: одни и те же ценностные нарративы и семантические поля вводимых метафорических номинаций вовлеченных в инцидент субъектов могут использоваться в качестве инструмента воздействия в когнитивном противостоянии, обретающим явный пропагандистский крен с обеих сторон.

Список литературы

1. Гавра Д. П., Быкова Е. В. «Медиатизация и демедиатизация в цифровой среде: кейс консервативного манифеста К. Богомолова «Похищение Европы 2.0.» // Вестник Московского университета Серия 10: Журналистика. 2022. № 3. – С. 60–86.
2. Gavra D.P., Dekalov V.V. Networked Society And Its New Power Actors: Critical Analysis Of Hardware, Software, And Communicative Level Of Digital Space Proceedings of the 2019 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2019. 2019. – С. 70–75.
3. Gerald R. Gems (1999) Sports, war, and ideological imperialism, *Peace Review*, 11:4, 573–578, DOI: 10.1080/10402659908426309 Chapter «Patriotism in sports and in war» By Paul Gomberg Book Values in Sport Edition 1st Edition First Published 2000 Imprint Taylor & Francis ISBN 9780203184691
4. Philip A. D'agati (2018) Surrogate war: politics of conflict in sports and space, *International Journal of Sport Policy and Politics*, 10:3, 451–467, DOI: 10.1080/19406940.2017.1410208
5. Ørnulf Seippel, Håvard B. Dalen, Morten R. Sandvik & Gerd Marie Solstad (2018) From political sports to sports politics: on political mobilization of sports issues, *International Journal of Sport Policy and Politics*, 10:4, 669–686, DOI: 10.1080/19406940.2018.1501404
6. Jacques Defrance & Jean Marc Chamot (2008) The voice of sport: Expressing a foreign policy through a silent cultural activity: The case of sport in French foreign policy after the Second World War, *Sport in Society*, 11:4, 395–413, DOI: 10.1080/17430430802019342
7. Sports Fandom and Political Attitudes Get access Arrow // Emily A Thorson, Michael Serazio *Public Opinion Quarterly*, Volume 82, Issue 2, Summer 2018, Pages 391–403, <https://doi.org/10.1093/poq/nfy018>
8. Armstrong, G. and Giulianotti, R. (eds) (2001) *Fear and loathing in world football*. Oxford: Berg.
9. Brown, K. M. and Brown, S.M. (2022), «Social Media and Politics in Sport», Sanderson, J. (Ed.) *Sport, Social Media, and Digital Technology (Research in the*

- Sociology of Sport, Vol. 15), Emerald Publishing Limited, Bingley, pp. 145–163. <https://doi.org/10.1108/S1476-285420220000015018>
10. Hjarvard S. (2008) The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change // *Nordicom Review*. Vol. 29 No. 2. – Pp. 105–134/
 11. Hjarvard S. (2012) Three forms of mediatized religion. Changing the public face of religion // *Medialization and religion: Nordic perspectives* / Ed. by M. Lövheim, S. Hjarvard. Göteborg: Nordicom. – Pp. 21–43.
 12. Клушина Н. И. Стратегия именованной воздействующей речи // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. 2006. №5. – С. 49–65.
 13. Чеснокова О. С. Семиотика имен собственных в испанском и русском новостных дискурсах // *Личность в контексте процессов глобализации: Общество, язык, информация*. М.: Изд-во РУДН, 2008. – С. 122–12.
 14. Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // *Способы номинации в современном русском языке* / Под ред. Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1982. С. 45–109.
 15. Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // *Вопросы французской филологии*. – М.: МГПИ, 1972. – Вып. I. – С. 120–127.
 16. Ягафарова Г. Н. Основные ономазиологические понятия // *Вестник ЧелГУ*. 2010. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-onomasiologicheskie-ponyatiya> (дата обращения: 27.07.2022, с. 173
 17. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды (Текст) / В.Н. Телия// *Языковая номинация. Виды наименований* / отв.ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С.129–222.
 18. Рут М. Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992.
 19. Сетаров Р. Д. Метафорическая номинация в национальном языковом сознании // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. – 2005. - №2. – С. 92–98.
 20. Ахманова А. А. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966.
 21. Paul G. *Principy istorii yazyka* [Principles of the History of Language]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury. 1960, 501. – p. 6
 22. Косых, Е. А. Русская ономазиология [Электронный ресурс] / Е.А. Косых: учебное пособие. – Барнаул: АлтГПУ, 2016.
 23. Серль Дж. Метафора // *Теория метафоры*. – М., 1990
 24. Блэк М. Метафора // *Теория метафоры*. – М., 1990
 25. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // *Теория метафоры*. – М., 1990
 26. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры*. – М., 1990.
 27. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001
 28. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология, Екате-

ринбург – 2008.

29. Белт Т. Газетные метафоры и политическое убеждение: экспериментальное исследование // Политическая лингвистика 3(23)'2007. – С. 10–19.

Сведения об авторах

Быкова Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: e.bykova@spbu.ru

Гавра Дмитрий Петрович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: d.gavra@spbu.ru

E. V. Bykova, D. P. Gavra

POLITICIZED SPORTS INCIDENT NOMINATING STRATEGIES OF INVOLVED MEDIAACTORS

Abstract: *The paper considers the mediatization trajectory of the sports incident at the Beijing 2022 Olympics regarding the doping test of the Russian figure skater Kamilla Valieva. Antagonistic groups of nominative media strategies are identified within the framework of long-term communication strategies of political and sports actors. The empirical base is media texts, representatives of different sides of the political spectrum of modern Russia. The authors prove that in the conditions of political confrontation, the nomination strategies of a non-political incident create political mediatization.*

Keywords: *nomination, nomination media strategy, mediatization, sports incident, politicization, Kamilla Valieva.*

References

1. Gavra D. P., Bykova E. V. «Mediatizatsiia i demediatizatsiia v tsifrovoi srede: keis konservativnogo manifesta K. Bogomolova «Pokhishchenie Evropy 2.0.» // Vestnik Moskovskogo universiteta Serii 10: Zhurnalistika. 2022. № 3. – S. 60–86.
2. Gavra D. P., Dekalov V. V. Networked Society And Its New Power Actors: Critical Analysis Of Hardware, Software, And Communicative Level Of Digital Space Proceedings of the 2019 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2019. 2019. – С. 70–75.
3. Gerald R. Gems (1999) Sports, war, and ideological imperialism, Peace Review, 11:4, 573-578, DOI: 10.1080/10402659908426309 Chapter «Patriotism in sports and in war» By Paul Gomberg Book Values in Sport Edition 1st Edition First Published 2000

- Imprint Taylor & Francis ISBN 9780203184691
4. Philip A. D'agati (2018) Surrogate war: politics of conflict in sports and space, *International Journal of Sport Policy and Politics*, 10:3, 451–467, DOI: 10.1080/19406940.2017.1410208
 5. Ørnulf Seippel, Håvard B. Dalen, Morten R. Sandvik & Gerd Marie Solstad (2018) From political sports to sports politics: on political mobilization of sports issues, *International Journal of Sport Policy and Politics*, 10:4, 669–686, DOI: 10.1080/19406940.2018.1501404
 6. Jacques Defrance & Jean Marc Chamot (2008) The voice of sport: Expressing a foreign policy through a silent cultural activity: The case of sport in French foreign policy after the Second World War, *Sport in Society*, 11:4, 395–413, DOI: 10.1080/17430430802019342
 7. Sports Fandom and Political Attitudes Get access Arrow // Emily A Thorson, Michael Serazio *Public Opinion Quarterly*, Volume 82, Issue 2, Summer 2018, Pages 391–403, <https://doi.org/10.1093/poq/nfy018>
 8. Armstrong G. and Giulianotti, R. (eds) (2001) *Fear and loathing in world football*. Oxford: Berg.
 9. Brown K. M. and Brown, S.M. (2022), «Social Media and Politics in Sport», Sanderson, J. (Ed.) *Sport, Social Media, and Digital Technology (Research in the Sociology of Sport, Vol. 15)*, Emerald Publishing Limited, Bingley, pp. 145–163. <https://doi.org/10.1108/S1476-285420220000015018>
 10. Hjarvard S. (2008) The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change // *Nordicom Review*. Vol. 29 No. 2. – Pp. 105–134/
 11. Hjarvard S. (2012) Three forms of mediatized religion. Changing the public face of religion // *Medialization and religion: Nordic perspectives* / Ed. by M. Lövheim, S. Hjarvard. Göteborg: Nordicom. – Pp. 21–43.
 12. Klushina N. I. Strategiya imenovaniya vozdeystvuyushhej rechi [Impact speech naming strategy] *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 2006. №5. – S. 49–65.
 13. Chesnokova O. S. Semiotika imen sobstvenny`x v ispanskome i russkom novostny`x diskursax [Semiotics of proper names in Spanish and Russian news discourses] *Lichnost` v kontekste processov globalizacii: Obshhestvo, yazy`k, informaciya*. M.: Izd-vo RUDN, 2008. – S. 122–12.
 14. Zhuravlev A. F. Texnicheskie vozmozhnosti russkogo yazy`ka v oblasti predmetnoj nominacii [Technical capabilities of the Russian language in the field of subject nomination] *Sposoby` nominacii v sovremennom russkom yazy`ke* / Pod red. D.N. Shmeleva. M.: Nauka, 1982. – S. 45–109.
 15. Gak V. G. Povtornaya nominaciya i ee stilisticheskoe ispol`zovanie // *Voprosy` francuzskoj filologii*. [Repeated nomination and its stylistic use. Questions of French Philology] M.: MGPI, 1972. – Vy`p. I. – C. 120–127.
 16. Yagafarova G. N. Osnovny`e onomasiologicheskie ponyatiya [Basic onomasiological concepts] *Vestnik ChelGU*. 2010. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- osnovnye-onomasiologicheskie-ponyatiya (data obrashheniya: 27.07.2022. – s. 173.
17. Teliya V. N. Vtorichnaya nominaciya i ee vidy` (Tekst) [Secondary nomination and its types] V.N. Teliya// Yazy`kovaya nominaciya. Vidy` naimenovanij / otv.red. B.A. Serebrennikov, A.A. Ufimceva. – M.: Nauka, 1977. – S.129 – 222.
 18. Rut M. E`. Obraznaya nominaciya v russkom yazy`ke. [Figurative nomination in Russian] Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1992.
 19. Setarov R. D. Metaforicheskaya nominaciya v nacional`nom yazy`kovom soznanii [Metaphorical nomination in the national language consciousness] Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2005. – №2. – S. 92–98.
 20. Axmanova A. A. Slovar` lingvisticheskix terminov [Dictionary of linguistic terms] M.: Sov. E`nciklopediya, 1966.
 21. Paul G. Principy istorii yazyka [Principles of the History of Language]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury1960, 501. – p. 6
 22. Kosy`x E. A. Russkaya onomasiologiya [Russian onomasiology] / E.A. Kosy`x: uchebnoe posobie. – Barnaul: AltGPU, 2016.
 23. Serl` Dzh. Metafora // Teoriya metafory`. – M., 1990
 24. Ble`k M. Metafora // Teoriya metafory`. – M., 1990
 25. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse] Teoriya metafory. – M., 1990
 26. Lakoff D., Dzhonson M. Metafory`, kotory` mi my` zhivem // Teoriya metafory. – M., 1990
 27. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory` (1991–2000). – Ekaterinburg, 2001.
 28. Budaev E`. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya [Foreign political metaphorology] Ekaterinburg – 2008.
 29. Belt T. Gazetny`e metafory` i politicheskoe ubezhdenie: e`ksperimental`noe issledovanie Politicheskaya lingvistika. 10–19.

Bykova Elena Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor Saint Petersburg state University, Saint Petersburg

E-mail: e.bykova@spbu.ru

Gavra Dmitriy Petrovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor Saint Petersburg state University, Saint Petersburg

E-mail: d.gavra@spbu.ru

УДК 327.8

МОНАРХИЧЕСКИЕ ИДЕИ НА СТРАНИЦАХ ПРОФАШИСТСКОЙ ГАЗЕТЫ «ГОЛОС КРЫМА» В ПЕРИОД 1941–1944 ГГ.

Парубин К. О.

***Аннотация:** Предметом настоящей статьи является монархическая идея как одна из форм осуществления фашистской пропаганды в Крыму во время оккупации 1941-1944 годов в газете «Голос Крыма». Дана общая характеристика газеты, рассмотрены её основные направления, её место среди иных печатных изданий, выходявших на оккупированной территории Крыма. Проводится анализ статей, где в том или ином виде упоминается монархическая идея, или адресация к её символам. В статье рассматривается вопрос о том, каким образом, в рамках данного издания, фашистской пропагандой использовались монархические идеи с целью привлечения на свою сторону населения оккупированных территорий для выполнения трудовой повинности и для службы в вооружённых формированиях, союзных оккупантам. Дается оценка роли монархических идей как инструмента по критике советской власти и восхвалению германского оружия. Отдельно анализируются символы монархической эпохи, на которые опирались пропагандисты, а также те символы царского периода, упоминания которых избегала газета. В рамках анализа использования монархических идей фашистской пропагандой, проведён разбор вкладыша газеты «Голос Крыма» – «Мир женщины» и выведены отличия от основного издания.*

***Ключевые слова:** монархическая идея, пропаганда, Крым, оккупация, фашизм.*

Актуальность статьи определяется современными событиями, связанными с активизацией движений под крайне националистическими лозунгами; молчаливым одобрением ведущими державами Запада проявлений националистической риторики; поиск лидерами нацистских и полунацистских формирований новых форм реализации своих идей, в том числе через пропаганду идей кастового или сословного общества. Актуальность статьи обуславливает тот факт, что в настоящее время между западным миром и Россией разворачивается новая информационная война, в которой особенно важно исследование механизмов пропаганды, использовавшихся тем же противником ранее [6].

Целью данной статьи является исследование использования русской монархической идеи фашистской пропагандой, а также выявление возможности идейного сращения фашистской идеи с монархической.

Методологической основой исследования данной темы стали современные общие и специальные методы научного познания: историко-хронологический метод, метод концептуальных парадигм, сравнительный подход, анализ и синтез. Их применение обуславливается системным подходом, который дает возможность исследовать материал

в единстве идеологического содержания и политической формы.

Фашистская пропаганда в период немецкой оккупации территории Крымского полуострова на подконтрольных ей районах осуществляла свою деятельность через следующие общекрымские средства печати: «Голос Крыма», «Земледелец Тавриды», «Azat Kırım». По регионам полуострова издавались: в Евпатории – «Евпаторийские известия» (с июля 1943 г. переименована в «Освобождение»), в Старом Крыму – «Официальный бюллетень Старо-Крымского района», в Феодосии – «Последние новости» и «Феодосийский вестник», в Ялте – «Бюллетень Ялтинского городского управления» (с 1944 г. переименован в «Южный Крым») [5]. Для немецких солдат в Крыму штабом пропаганды издавалась «Немецкая Крымская газета» [2].

Газета «Голос Крыма», помимо того, что была печатным органом Симферопольской городской управы, являлась ещё и основным рупором оккупационной власти для русскоязычного населения полуострова.

Издавалась газета с 12 декабря 1941 года по 9 апреля 1944 года (с 1 по 338 номер). По мере оформления оккупационной власти в Крыму, увеличивалась периодичность печатного издания: в первые месяцы – два раза в неделю, позже – три раза в неделю. Увеличивался и объём: в начале издавалась газета на двух страницах, позже, уже в 1942 году, – на четырёх. За период оккупации тираж газеты вырос с трёх тысяч экземпляров в начальный период до восьмидесяти тысяч уже с середины 1943 года. Стоимость газеты составляла 1 рубль, что не представляло высокой цены и было доступно для населения Крыма. В 1943 году двенадцать номеров газеты: 79, 81, 102, 105, 107, 113, 118, 119, 121, 124, 125 и 127 в период с 4 июля по 22 октября вышло под названием «Голос Таврии». С 1943 года к газете начали добавляться вкладыши: «Мир женщины» с 21 мая и «Молодость» [5]. Уже из этих данных видно, что на газету возлагалась функция основного механизма немецкой пропагандистской машины для гражданского населения Крыма.

Содержание газеты «Голос Крыма» состояло из четырёх основных частей:

1. Главная новость размещалась в программной статье – передовице. Как правило, это выступления первых лиц рейха или особое событие в политическом пространстве. Реже передовая статья посвящалась критике советской власти.

2. Военные сводки с разных фронтов: Восточного, Японского, в Африке, а также на море и в воздухе. Также в этом разделе освещались подвиги солдат и офицеров германской и союзных ей армий, «варварские» действия большевиков, их союзников и чунцинской армии – армии марионеточного правительства на оккупированной Японией территории Китая, существовавшего в 1940–1944 гг. Часто печатались переводы из немецких газет.

3. Критика большевистского строя и отдельных деятелей союзников, разоблачение «еврейского заговора», письма благодарных граждан, уехавших работать в Германию, пропаганда фашистских идей. Всё подавалось как в виде научно-популярных статей, так и в виде рассказов, фельетонов, анекдотов.

4. Информация от местных администраций, объявления, афиши, программа радиопередач и пр. Наибольший интерес представляет третья часть, где часто монархическая идея служит основой для демонстрации дружбы германского и русского народов,

и в то же время основной критики «большевистской России», Сталина, Красной Армии, «плутократии капитализма» и пр.

В качестве примера дружбы народов в статье «Россия и Германия» в №74 от 09.08.1942 г. (здесь и далее указываются номера и даты выхода газеты с целью демонстрации динамики и изменения направления нацистской пропаганды в разные периоды времени) приводится случай, когда незадолго до франко-прусской войны 1870–1871 гг. Александр II посетил прусского короля Вильгельма I, где, в ходе визита, заверил его, что Россия будет занимать нейтралитет в предстоявшей войне, и таким образом «оставил тыл Пруссии вне опасности». Данный рассказ преследовал, по всей видимости, цель демонстрации дружбы германского и русского народов.

А в статье «Амазонки в Крыму» в №26 от 27.02.1944 г. подробно рассказывается о встрече австрийского «императора Иосифа II, путешествовавшего вместе с Екатериной» по Крыму и встретившегося с ротой амазонок Екатерины II. Таким образом, через дружбу монархов газетой демонстрировалась дружба двух народов: русского и австрийского (немецкого).

Стоит оговориться, что газета «Голос Крыма» не занималась прямой пропагандой монархических идей. Однако ею были использованы и широко применялись некоторые пропагандистские приёмы с адресацией к монархическому прошлому русского народа. Одним из таких приёмов является сравнение благ ушедшей эпохи с недостатками новой. При этом сравнение стремится затронуть все сферы жизни общества.

Так, в №56 от 1.07.1942 г. в статье «Обречённый город» даётся сравнение обороны Севастополя 1854–1855 годов, где в ходе войны с англичанами и французами «сражалась русская армия, руководимая блестящими царскими адмиралами», с современной обороной, где «воюет армия 3-го интернационала, руководимая Сталиным, действующим по одному плану с жидами всего мира».

Имеется и сравнение в сфере торговли. В №62 от 12.07.1942 г. в статье «Желанный гость» спекулянту, который является «большевистской агентурой» противопоставляется «старого русского типа купец, предприимчивый, добросовестный, с неутомимым характером».

В статье «В Бахчисарае» от 30.08.1942 в противопоставление «всеразрушающей варварской руке большевиков» приводится рассказ «старожила Бахчисарая г-на Чекурова», который 2 ноября 1911 года подошёл к прибывшему в Крым царю Николаю II, поклонился и попросил священника для монастырской церкви Бахчисарая. После чего «Его Императорское Величество пообещал, что священник будет... и выполнил своё обещание».

В сфере искусства также не обойдена вниманием царская власть в России. В статье «Две встречи» о «благородном разбойнике» Алиме и его встречах с живописцем И. К. Айвазовским, герой хвалит мариниста такими словами: «Ты счастливый человек! По твоим картинам тебя знает сам Царь». А после поимки Алима, о чём узнаёт царь: «Из Петербурга пришло высочайшее повеление, которое гласило, что император Николай I не признал Алима разбойником». Можно предположить, что в данном эссе имелась и цель второго плана: объединение двух народов Крыма (русского и татарского) на основе

добротного отношения к монарху и неприязни к большевикам.

В газете, начиная с 1943 года, регулярно выделялась колонка, посвящённая выдающимся деятелям культуры и науки прошлого России, а также Германии.

Во всех этих публикациях о «величии и красоте» жизни русского народа до 1917 года, немаловажным видится тот факт, что в газете вместо слов «Российская империя» использовались выражения «царская Россия», «монархическая Россия» и даже «Святая Русь», но слово «империя» к России не применяется. Это связано, по всей видимости, с тем, что, во-первых, фашистская пропаганда того времени не предусматривала строительства иной империи, кроме германского рейха, а во-вторых, потому что единственной страной на завоёванных территориях, способной к возрождению империи, была Россия. А это шло в разрез с целями фашистской Германии. В связи с этим газета «Голос Крыма» стремилась стереть в сознании населения оккупированных территорий образ России как империи.

Также фашистской пропагандой не обойден вниманием и расстрел Николая II и царской семьи. В статье «Слёзы и кровь» (№51 от 1.05.1943 г.) фашистская пропаганда взывает к Богу о мести: «Господь Вседержитель, слышишь ли Ты? Дошли ли до Тебя стоны мученически убиенной царской семьи из подвала ипатьевского дома? Услышал господь и послал народу кару». Уместно будет заметить, что при упоминании свергнутой в феврале 1917 года в России монархии обличаются не только большевики, но и А.Ф. Керенский.

Является интересным обстоятельством то, что фашистская пропаганда до вступления на территорию Советского Союза в основном использовала два идеологических противопоставления:

1. Вере в коммунистическое будущее противопоставлялась вера в Бога.
2. Коммунистическому интернационалу противопоставлялось национальное самосознание народов (в особенности русского).

Однако, после вступления на территорию Советского Союза германские пропагандисты столкнулись с тем, что в предвоенные годы советской властью широко распространялись идеи, побуждающие к национальному самосознанию русских: адресация к многовековому героическому прошлому России – от Киевской Руси и удельных княжеств до героев и значимых событий имперского периода.

Начало процессу обращения к русскому народу, минуя догматы марксизма, в Советском Союзе было положено задолго до Великой Отечественной войны: и программа строительства социализма в отдельно взятой стране, и тост Сталина от 2.05.1933 г. «за технику», в котором определённо указано: «Оставляя в стороне вопросы равноправия и самоопределения, русские – это основная национальность мира, она первая подняла флаг Советов против всего мира. Русская нация – это талантливейшая нация в мире. Русских били все – турки и даже татары, которые 200 лет нападали и им не удалось овладеть русскими, хотя они тогда были плохо вооружены. Сейчас же глупо думать и надеяться. Если русские вооружены танками, авиацией, морским флотом – они непобедимы» [2, 44]. Эти и другие примеры явно указывают на разворот политики советского

правительства в сторону национальной идеи задолго до начала войны.

Таким образом, перед фашистской пропагандой стояла сложная задача: с одной стороны доказать, что адресация к русскому героическому прошлому советской власти – ложна; с другой же стороны, – пробудить русское национальное самосознание в рамках фашистской идеологии. Поэтому острой критике подвергалась даже самая малая попытка обращения Советской России к своей истории: давались крайне негативные рецензии на фильм «Александр Невский», высмеивались упоминания в советской прессе А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, А.С. Пушкина и др.

В передовице №26 от 1.03.1943 г. в статье «Русские не большевики, а большевики не русские» утверждалось, что «большевики заговорили о русском народе тогда только, когда им стало плохо. До тех пор русского народа для большевиков не существовало».

В статье «Новые фанфары» в №18 от 2.02.1944 г. высмеивался новый гимн Советского Союза как «лицемерный». Эта тема оказалась для фашистской пропаганды настолько важной, что гимн буквально разобран на фразы с острой критикой каждой. Особое внимание было уделено выражению в гимне «Великая Русь»: «Как ни вдохновенно-прекрасны эти два слова, они, однако, тускнеют, бледнеют и покрываются трупным налётом советской ржавчины от того, что они применены к Союзу советских социалистических республик». На примере этой обширной статьи хорошо видно, как высоко немецкая пропаганда оценивает значение символов – их историческую глубину. И, прежде всего, на то значение, которое несут в себе символы, закреплённые в советском гимне 1944 года – единство истории. Именно на разрушение единства советского государства и русской истории было направлено остриё нацистской пропаганды, нацеленное на оспаривание правопреемственности СССР и легитимности его существования. Анализируя использование символов в политике, профессор Оксфордского университета Ричард Чарльз Кобб отмечает: «Без символов большинство правительственных организаций распалось бы, а власть существовала бы только благодаря физической силе, что в долгосрочной перспективе является неприемлемым ни для одного правительства... Чем больше власть ассоциируется с символами высокого уровня, тем она сильнее.» [9]

Одним из таких символов, воспетых советской властью, был великий русский полководец – Александр Васильевич Суворов. Статья «А.В. Суворов» (№61 от 23.05.1943 г.) практически полностью посвящена не памяти русского полководца (по дате – приурочена к годовщине его смерти), а критике того, что советская власть «пытается пристроиться» к великому полководцу, как к своей истории. В статье прямо указывается: «В число украденных большевиками образов замечательных русских людей попал и гениальный полководец генералиссимус русской армии Александр Васильевич Суворов. Прикосновением грязных большевистских рук осквернена светлая память истинно русского человека с горячей верой в Бога, а не в коммунизм...»

В газете противопоставлялись русские деятели прошлой эпохи современной власти большевиков. Статья «Пушкин и большевики» в № 20 от 13.02.1944 г. рассказывает о том, что «Пушкин – народнейший из народных поэтов – был приспособлен к нуждам Советского союза и в руках опытных партийных гешефтмахеров стал выполнять соци-

альную функцию на данном этапе» и далее: «Вслед за канонизированием Пушкина... были двинуты и русские национальные военные герои: Александр Невский, которому посвящается фильм и десятки статей и «исследований», Суворов – опять кинофильм, статьи, пьеса, Кутузов, Петр Великий и др.»

Статья «Смех или горе» (№4 от 8.01.1943 г.) целиком посвящена критике приветствия короля Георга V, адресованного Михаилу Калинин. В статье «Красное дворянство» (№4 от 7.01.1944 г.) говорилось о награждённых орденом «Слава», которые «имеют право носить титул «Кавалера» или «Рыцаря».

В статье «Сбежавшие предки» (№57 от 14.05.1943 г.) дается юмористический рассказ, в котором Александр Суворов, Дмитрий Донской, Александр Невский и другие русские полководцы и исторические деятели, якобы сбежавшие в РОА генерала Власова. Необходимо отметить быструю реакцию издания: 29.04.1943 г. издано положение о добровольцах, с которого и началось фактическое формирование РОА, а уже через две недели выходит пропагандистская статья. Значительную роль в оформлении РОА в боевую организацию, сыграла нацистская пропаганда, делающая акцент на возрождение дореволюционного строя. Исследователь этой темы, историк М.В. Васильев отмечает: «Помимо боевой подготовки, велась активная пропагандистская обработка личного состава. Руководители РННА говорили своим подчиненным, что задачей «армии» является «борьба против большевизма и еврейства за создание «нового русского государства» и «восстановление дореволюционного строя» [10].

Оккупационная пресса не могла обойти вниманием на поприще критики советской власти и положение православной церкви в Советском Союзе. В №118 «Голоса Таврии» от 3.10.1943 г. в статье под говорящим заголовком «Новое издевательство Сталина над Православной Церковью», посвящённой избранию патриархом митрополита Сергия, уделяется внимание не столько действиям Сталина и не положению православной церкви в СССР, а критике возвращения Советского Союза к православным традициям.

Наиболее же ярким примером отстаивания монополии на идею обращения к истории России может служить статья «Кто победит», посвящённая выступлению А. Гитлера (№15 от 4.02.1943 г.), в которой утверждается: «Большевики искусственно возбуждают среди русского народа национальное чувство, призывают к его чувству самосохранения, пытаются создать культ древних русских героев – святых князей, великих полководцев и государственных деятелей России. Большевики, убивавшие в течении четверти века всякое национальное чувство в русском народе, преследующие русских за всякое сочувствие к дореволюционному прошлому их истории, оскорбляющие даже память русских национальных вождей, теперь морочат народ и призывают к образам оскорблённых ими русских героев... Для большевиков обман – единственный способ править народом и достигать своей преступной цели». Из этих и других статей хорошо видно, как фашистская пропаганда беспокоится о своей монополии в теме возрождения русских традиций.

Также, говоря об отношении к монархической идее в фашистской газете «Голос Крыма», нельзя обойти вниманием тему английской монархии. Нужно заметить, что сражения с Англией освещались в газете очень широко, часто при этом упоминались

зверства английских лётчиков, бомбивших храмы и культурные достопримечательности Европы. Однако несмотря на то, что на всех газетных страницах Германия зовётся республикой, а противостоящая ей Великобритания является монархией, газета «Голос Крыма» при критике Англии никогда не затрагивала монархического строя и личности самого монарха.

Широко проводилась критика большевистского строя, упоминалось о том, как несправедливо устроена еврейская капиталистическая система в США, «полоскались» имена Сталина, Рузвельта, Черчилля, их дипломатов и генералов, но в отношении монархии вообще и британской в частности, нацистская пропаганда в Крыму молчала. Личность английского или вообще какого-либо короля, в отличие от других политических деятелей той эпохи, упоминалась крайне редко и в нейтральном ключе.

Характерно, как описана поездка английского короля в Северную Африку в №73 от 20.06.1943 г. – ни слова осуждения в адрес главы страны-противника и его наследницы и при этом пренебрежительное отношение к органам государственного управления той же Англии: «Во время отсутствия короля его обязанности исполняет так называемый государственный совет. Состав этого совета своеобразен и интересен». Далее перечисляются лица, входящие в этот совет, и в заключении констатируется: «Наследница английского престола не включена в состав совета, хотя она уже достигла совершеннолетия».

Лишь раз использовалось выражение, что «Британская корона в тени иудейства» (№ 124 от 15.10.1943 г.) в ракурсе того, что «Иудей сэр Сэмюэль Дж. Иозеф, считающий в качестве лорд-мэра британской столицы короля и его министров как дипломатических представителей иных государств». Также, лишь раз в отрицательном ключе упомянут жест короля Георга V, вручившего «меч убийце своего дяди Николая II». Однако ни династия Виндзоров, ни сама личность монарха, ни идея монархической власти критике не подвергались. Этот постулат касается как английской, так и любой другой монархической династии.

Делая вывод о такой избирательности фашистской пропаганды, можно только предположить, что такая политика была обусловлена тем, что в 1941–1944 годах в составе рейха и союзных ему государств, были монархические державы, главы которых часто находились в родстве с английской династией.

С июня 1943 года в дополнение к газете «Голос Крыма» издавалось приложение «Мир женщины». Вкладыш выходил раз в две недели. Несмотря на то, что целевой аудиторией этого вкладыша были женщины, мало интересующиеся политикой, по сути, во вкладыше, так же как и в «Голосе Крыма», подавалась идеологически выверенная информация но в иной форме. Основными отличиями приложения «Мир женщины» являлись:

1. Отсутствие сводок с театра военных действий и выступлений каких-либо политических деятелей. Вместо этого – новости моды.
2. Значительное место уделялось бытовым вопросам: описанию быта знаменитостей, различные «полезные» факты из жизни хозяйки и т.д.
3. Обширно публикуется беллетристика – короткие рассказы.
4. Заметно больше юмора, чем в основной газете.

5. Отсутствие прямой идеологической пропаганды.

Пропаганда монархической идеи в «Женском мире» продвигалась иносказательно. Так, в статье «Женщины в русской истории» (№2 от 11.06.1943) говорится, что именно «бессмертная и обаятельная русская дворянская культура зародилась в XVIII веке, именно во дворцах женщин-цариц». Стоит отметить, что рассматриваются великие русские дворянки и «женщины-царицы» по большей части в сентиментально-бытовом ключе: «Трудолюбивая, даже немного педантичная в делах, нетребовательная и простая в быту, Екатерина (императрица Екатерина II. – К.П.) умела блеском и пышностью придворных церемониалов подчеркнуть величие и мощь страны, ставшей её второй родиной». Подчеркивалось, что «о праве на свободное чувство женщины впервые в России заявила русская царица».

Подводя общий итог, следует отметить, что монархическая идея не была использована оккупационной властью в полной мере:

1. Так, газетой был проигнорирован тот факт, что аристократия «цветущей России прошлого» имела большую часть немецкой крови;

2. Не был использован постулат о том, что русские цари имели близкое родство с немецкими монархами;

3. Ведомство Геббельса в Крыму не воспользовалось также и освещением жизни старой царской аристократии и дворянства, эмигрировавшей в Европу и часто принимавшей сторону фашистской власти.

Эти просчёты могли быть совершены среди прочих и по той причине, что несостоятельность монархической власти в России, спустя 25 лет после падения была настолько жива в сознании народа, что немецкая пропаганда не решилась широко использовать идею русской монархии. Стоит отметить, что после разрушения Советского Союза, западная пропаганда не изменила своё отношение к России. На протяжении последних десятилетий риторика западных стран становится всё более антироссийской. О значении западной пропаганды лаконично высказался в 2008 году премьер-министр Российской Федерации В.В. Путин: «Насколько же все-таки мощной является пропагандистская машина коллективного Запада. Это просто потрясающе! Удивительно просто. Это ни в какие ворота, как у нас говорят, не лезет. Но, тем не менее, пролезает через эти ворота» [6]. И спустя 14 лет, в сентябре 2022 года Президент РФ отмечает: «Страны Запада утопили правду в океане фейков, используя запредельную пропаганду по заветам Йозефа Геббельса» [11].

Обобщая сказанное, можно отметить, что исследование основного печатного издания фашистской пропаганды в Крыму показало:

- монархическая идея использовалась фашистской пропагандой как одно из направлений раскола русского общества;
- при помощи освещения монархической идеи оккупационная власть в годы Великой Отечественной войны явным образом искала на территории Советского Союза политическую платформу, на которую могла бы опереться в реализации своих замыслов;
- проводя пропаганду монархической идеи, фашистская пропаганда преследовала

цель разрыва единства русской истории – разрыва русского прошлого с русским настоящим.

• сегодня между западным миром и Россией разворачивается новая информационная война. В этой войне важную роль играет пропаганда, механизмы которой западными странами за последние 80 лет практически не изменились.

Список литературы

1. ГАРК Ф. Газетный фонд. Газета «Голос Крыма». №№ 1–338.
2. Газета «Голос Крыма» как источник по изучению немецкой оккупационной политики на советских территориях / Романько О.В. // Культура народов Причерноморья. – 2003. – № 43. – С. 199–202.
3. Зульцман, Р. Пропаганда как оружие в войне. // Итоги второй мировой войны. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – 565 с.
4. Катунин, Ю. А. Русская православная церковь в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). – Симферополь: Пирамида Крым, 2000. – 120 с.
5. Романько, О.В. Немецкая пропаганда в Крыму: 1941–1944 гг.: органы, их структура и деятельность // Оккупация и коллаборационизм: Сб. ст. и мат. – Симферополь: Антиква, 2005. – С. 36–67.
6. Ни в какие ворота не лезет: как западная пропаганда обманывает весь мир [Электронный ресурс] // <https://www.vesti.ru/article/2667270?ysclid=1b3chur3zy943005950> (Дата обращения 29.11.2022).
7. Гуркович, В. Н. Образ врага (профашистские газеты «Голос Крыма» и «Азат Кърым» о союзниках СССР в годы Второй мировой войны) / В.Н. Гуркович // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 8. – С. 140–147.
8. Военный коллаборационизм и нацистская печатная пропаганда на территории Крыма в 1941–1944 гг. (По материалам газеты «Голос Крыма») / Романько, О.В. // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019 – № 1 – С. 130–139.
9. Использование символов в политике /Кобб Р., Элдер Ч. Перевод И.С. Поляковой // Политическая лингвистика. – 2009. – № 3(29). – С. 131–145.
10. Первый гвардейский батальон РОА / М.В. Васильев // Псков – 2016. – №44 – С. 159–175.
11. Путин назвал фейковой пропаганду на Западе [Электронный ресурс] // <https://lenta.ru/news/2022/09/30/putin/> (Дата обращения 30.11.2022)

Сведения об авторе

Парубин Константин Олегович – Аспирант кафедры политических наук и международных отношений института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

E-mail: odinokov_80@mail.ru

K. O. Parubin

MONARCHIST IDEAS ON THE OF THE NEWSPAPER VOICE OF CRIMEA IN THE PERIOD 1941–1944

***Abstract:** The subject of this article is the monarchist idea as one of the forms of the implementation of fascist propaganda in the Crimea during the occupation of 1941-1944 in the newspaper «Voice of Crimea». A general description of the newspaper is given, its main directions are considered, its place among other printed publications published in the occupied territory of Crimea. An analysis of articles is carried out, where in one form or another the monarchial idea is mentioned, or addressing to its symbols. The article examines the question of how, within the framework of this publication, the fascist propaganda used monarchist ideas in order to attract the population of the occupied territories to their side for performing labor service and for serving in armed formations allied to the invaders. An assessment of the role of monarchist ideas as a tool for criticizing Soviet power and praising German weapons is given. The symbols of the monarchist era, on which the propagandists relied, are analyzed separately, as well as those symbols of the tsarist period, the mention of which the newspaper avoided. As part of the analysis of the use of monarchist ideas by fascist propaganda, the insert of the newspaper «Voice of Crimea» - «The World of a Woman» was analyzed and the differences from the main publication were derived.*

Keywords: monarchist idea, propaganda, Crimea, occupation, fascism.

References

1. Sark F. Newspaper fund. Newspaper «Voice of Crimea». No. No. 1–338.
2. The newspaper «Voice of Crimea» as a source for the study of the German occupation policy in the Soviet territories / Romanko O.V. // Culture of the peoples of the Black Sea region. - 2003. – No. 43. – S. 199–202.
3. Zultsman, R. Propaganda as a weapon in war. // Results of the Second World War. M.: Publishing house of foreign literature, 1957. – 565 p.
4. Katunin, Yu. A. The Russian Orthodox Church during the Second World War (1939–1945). – Simferopol: Pyramid Crimea, 2000. – 120 p.
5. Romanko, O.V. German propaganda in the Crimea: 1941 - 1944: authorities their structure and activities // Occupation and collaborationism: Sat. Art. and mat. – Simferopol: Antiqua, 2005. – S. 36–67.
6. It doesn't climb into any gates: how Western propaganda deceives the whole world URL: <https://www.vesti.ru/article/2667270?ysclid=lb3chur3zy943005950>
7. Gurkovich, V. N. The image of the enemy (pro-fascist newspapers “Voice of Crimea” and “Azat Karym” about the allies of the USSR during the Second World War) / V. N. Gurkovich // Historical Heritage of Crimea. – 2004. – No. 8. – P. 140–147.

8. Military collaborationism and Nazi printed propaganda on the territory of Crimea in 1941-1944. (According to the materials of the newspaper «Voice of Crimea») / Romanko, O.V. // Vestnik VolGU. Series 4, History. Regional studies. International relationships. – 2019 – No. 1 – P. 130–139.
9. The use of symbols in politics / Cobb R., Elder C. Translation by I.S. Polyakova // Political Linguistics – 2009 – No. 3(29) – P. 131–145.
10. The first guards battalion of the ROA / M.V. Vasiliev // Pskov – 2016 No. 44 – P. 159–175.
11. Putin Called Fake Propaganda in the West URL: <https://lenta.ru/news/2022/09/30/pyug/>

Parubin Konstantin Olegovich – Post-graduate student of the Department of Political Science and International Relations of the Institute “Taurian Academy” of the Vernadsky Crimean Federal University V.I.

E-mail: odinokov_80@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

Хайт Джонатан. *Стакан воды наполовину полон! 10 великих идей о том, как стать счастливым.* – М.: Издательство АСТ, 2020. 400 с. (Жизнь. Счастье. Смысл)

Автор книги – Джонатан Хайт, социальный психолог, глобальный мыслитель нашего времени, написавший ряд книг-бестселлеров по версии «New York Times», к числу которых относится и недавно ставшая доступной к прочтению для русскоговорящего читателя книга «Стакан всегда наполовину полон! 10 великих идей о том, как стать счастливым».

Рецензируемая книга состоит из десяти глав, введения и заключения. Следует отметить, что работа написана простым, понятным языком, что делает её лёгкой и приятной в прочтении. К тому же, это именно тот случай, когда велика вероятность, что, открывая книгу в поисках психологического равновесия, читатель сможет к нему прийти, обогатив свою картину мировосприятия одной или несколькими из десяти великих идей счастья.

Специальность Джоната Хайта – социальная психология, аспект изучения – нравственность и нравственное чувство. Наряду с писательством и наукой, автор книги также преподаёт психологические дисциплины в высшей школе. Джонатан Хайт отмечает, что в силу своей преподавательской деятельности он не раз задавался вопросом, как наиболее оптимально структурировать имеющиеся в психологии мысли и выделить из них главные для удобства их освоения студентами. Однажды автор задумался и над тем, сколько существует главных идей психологии в принципе. Для ответа на данный вопрос он перечитал десятки трудов древних мыслителей и многие философские труды последних пятисот лет. Особое внимание Джонатан Хайт уделил тем повторяющимся в различных источниках идеям, которые могли рассказать человеку, как обрести счастье и смысл жизни.

Автор приглашает читателя в мир научных экспериментов и идей древности, рассматривая то, как они соотносятся с жизнью современного человека. Изучая страницы бестселлера, читатель плавно погружается в идеи трактатов и философских трудов мыслителей различных времен на глубину, необходимую для освоения каждой из рассматриваемых автором идей. Следует отметить, что упомянутые в названии книги десять великих идей счастья не прописаны автором чёрным по белому в начале, середине или конце соответствующих глав. Искусство Джонатана Хайта заключается в плавном подведении читателя к цепочке осознания. Умело оперируя метафорами, он вводит читателя в пространство новых смыслов и идей, обнаруживаемых между лаконичных строк.

Сам автор во введении предельно ёмко и точно характеризует свою работу следующим образом: «Эта книга – книга о десяти Великих Идеях. Каждая глава – попытка обдумать и усвоить идею, которую сформулировали сразу несколько крупнейших цивилизаций, пролить на неё свет накопившихся у нас научных знаний, извлечь уроки и

применить их в повседневной жизни» (с. 10). Кроме того, Джонатан Хайт подчёркивает, что целью написания книги является не только рассмотрение великих идей, но и предоставление читателю возможности их применения на практике в собственной жизни.

Путь знакомства с великими идеями начинается с познания и признания противоречивости человеческой природы в целом, к чему читателя подводит первая глава, обрамлённая кратким экскурсом в историю устройства человеческой психики. В данной главе автор обосновывает идею о разделении психики на конфликтующие между собой части. Чтобы предельно ясно проиллюстрировать суть данного конфликта, Джонатан Хайт обращается к метафоре слона и наездника, которую затем гармонично встраивает и в последующие девять глав: «сознание – разумная часть психики – подобно наезднику на слоне: оно может лишь отчасти контролировать действия слона» (с. 12). Из первой главы читатель также узнаёт о существовании четырёх дихотомий: разум и тело, правое и левое, новое и старое, контроль и автоматизм.

Методы налаживания сотрудничества между слоном и наездником рассмотрены во второй главе. Автор развивает мысль о том, что человек в силах измениться для самого себя путём переоценки своих особенностей и возможностей. На этом не столь лёгком, как хотелось бы, пути возможно получить подмогу по трём направлениям: медитация, когнитивная терапия и медикаментозная поддержка (автором рассмотрен эффект от принятия такого препарата как «Прозак»). В данной главе Джонатан Хайт также повествует о кортикальной лотерее, развеивая миф о том, что все люди могут быть одинаково счастливы. В словосочетании «кортикальная лотерея» заложена идея о том, что мы не выбираем, с каким биологически заданным уровнем счастья родиться, в то время как этот уровень будет сопровождать нас большую часть жизни и оказывать влияние на её качество.

В третьей и четвёртой главах производится обзор социальной жизни человека. В третьей главе рассматривается взаимность как инструмент для налаживания отношений с окружающими, с помощью которого возможно не только преодолевать трудности в общении с другими людьми, но и не позволять им манипулировать. Рассмотрены понятие ультрасоциальности и польза сплетен. Четвёртая глава посвящена вопросу восприятия своих и чужих недостатков, из которой читатель узнаёт, почему людям бывает достаточно трудно следовать правилу взаимности: по природе человек лицемерен, и его ментальные механизмы позволяют выявить мельчайшие недочёты в окружающих, не примечая более выраженных особенностей у самого себя. Наряду с рассмотрением человеческой природы Джонатан Хайт плавно подводит читателя к мысли о том, насколько порой бывает важно и сложно не быть убеждённым в собственной правоте. Автор подчёркивает, что мудрость следует искать в голове оппонента, поскольку на своей стороне человек и так прекрасно всё знает. Вслед за избавлением от ограничивающего мировосприятия мифа о чистом зле другому человеку открывается множество прекрасных идей.

Далее Джонатан Хайт переходит к рассмотрению основных гипотез достижения счастья, ставя под сомнения даже вечные истины, постулированные мыслителями древности. Важно, что рассматриваемые гипотезы автор подтверждает или опровергает не только теоретическими изысканиями, но и экспериментальными сведениями со ссыл-

ками на исследования последних лет. Так, в частности, из пятой главы читатель узнает, что счастье в результате достижения желаемого недолговечно. Автор рассмотрел и широко распространённую в древнем мире идею о том, что достигнуть счастья во внешней жизни невозможно, ведь оно исходит изнутри, и обосновал, почему данная идея, проповедуемая Буддой и философами-стоиками, неверна: современные исследования показали, что во внешнем мире существуют обстоятельства, благодаря которым человек может стать счастливым надолго. Джонатан Хайт подчёркивает необходимость уточнения гипотезы Будды и стоиков: счастье исходит не только изнутри, но и снаружи. На основании представленных в главе размышлений автор утверждает, что для достижения гармонии, необходимо руководствоваться не только древней мудростью, но и современной наукой. Из пятой главы читатель узнаёт и о важности произвольных занятий, позволяющих поддерживать уровень счастья на необходимом уровне, а также о повышении уровня счастья через вознаграждение за выполненные занятия. Ценными оказываются и практические советы по организации своих дней: «Чтобы вполне ощущать удовольствие, их нужно разносить во времени» (с. 156).

К упомянутым выше внешним обстоятельствам, способствующим возникновению счастья на долгосрочной основе, относится ощущение сопричастности, достижимое путём создания связей с окружающими людьми. Теме привязанности и любви посвящена шестая глава книги. Автор знакомит читателей с данными исследований, пролившими свет на истоки любви, а также поясняет, почему страстная любовь всегда слабеет и какую любовь возможно назвать «настоящей».

В седьмой главе Джонатан Хайт обосновывает идею невозможности оптимального развития человека без несчастий в рамках рассмотрения трёхуровневой модели личности психолога Дэн Мак-Адамса: основные черты, характерные механизмы адаптации и уровень «истории жизни». Обращаясь к результатам исследований «посттравматического роста», автор рассказывает, при каких условиях люди становятся сильнее после переживания тяжёлых событий: «когда человек с честью переносит испытание, это выявляет его скрытые способности, а когда он замечает эти способности, это меняет самовосприятие» (с. 218). Упоминает Джонатан Хайт и о том, что травма меняет приоритеты и мировоззрение человека, а также порой служит своего рода «фильтром» для его окружения. Из данной главы читатель также узнаёт, какой промежуток жизни считается оптимальным для несчастий.

Восьмая глава посвящена вопросу добродетели. Джонатан Хайт показывает, как менялось и сужалось с течением столетий само понятие о морали и добродетели, и как позитивная психология позволяет людям выявлять свои сильные стороны. В данной главе автор затрагивает понятие многообразия двух видов: демографическое и моральное. Под вторым понимается отсутствие согласия по вопросам нравственных норм и ценностей, к которому, на самом деле, никто не стремится: Джонатан Хайт утверждает, что, если человеку нравится, что по какому-то вопросу присутствует многообразие мнений, значит, для него этот вопрос не имеет отношения к нравственности – речь идет просто о вкусах.

Безусловно, среди великих идей древности не могло не остаться места для выс-

шего, духовного измерения человеческого бытия. Рассмотрению божественности посвящена девятая глава книги. Автор подчёркивает, что независимо от веры в существование бога, каждый человек в той или иной мере способен ощутить возвышенность и святость в природе и других людях. В рамках предпоследней главы Джонатан Хайт также представляет результаты собственных исследований нравственных чувств.

В заключающей десятой главе автор, опираясь на древние идеи о необходимости наличия у человека цели жизни, пытается дать настолько точные ответы о смысле жизни человека, насколько это возможно. На ряду с рассмотрением вопроса смысла жизни автор пересматривает гипотезу о счастье, формулируя её следующим образом: «Счастье – это взаимодействие. Счастье нельзя найти, обрести, достигнуть. Нужно создать подходящие условия – и ждать. Отчасти эти условия заключены в вас – например, когерентность частей и уровней вашей личности. Отчасти это взаимоотношения с тем, что находится за пределами личности: подобно тому, как растениям нужны для процветания солнце, вода и хорошая почва, людям нужны любовь, работа и связь с чем-то большим. Хорошие отношения стоят потраченных усилий, будь то отношения с окружающими, с работой, с чем-то большим, чем ваше «Я». Если наладить эти отношения, ощущение смысла и цели появится само собой» (с. 360).

В заключении книги автор отмечает, что ценность вечно меняющегося равновесия между противоположными на первый взгляд принципами, лежащая в основе древнекитайского символа инь-янь, в некотором смысле подводит итог всей книги, поскольку для понимания природы человека и условий, при которых он может быть доволен своей жизнью, необходимы как учения древних религий, так и принципы современной науки. Заключение книги завершается следующими словами автора: «Если опираться на сбалансированную мудрость, где уравновешено древнее и новое, Восток и Запад и даже либерализм и консерватизм, – можно выбрать направление в жизни, которое приведет нас к удовлетворенности, счастью и ощущению смысла. Нельзя просто выбрать цель, а потом идти прямо туда: у наездника не хватит на это власти. Но если опираться на величайшие идеи человечества и лучшие научные данные, можно выдрессировать слона, узнать, что в наших силах, а что нет – и жить мудро» (с. 363).

*Португальская А. А.
(Институт «Таврическая академия»
КФУ им. В. И. Вернадского)*

Nandini Das, Tim Youngs (eds.) The Cambridge History of Travel Writing. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2019. – 656 p.

В Кембридже в 2019 году вышла важная для культурологов книга «Кембриджская история книг о путешествиях», т. 1 (The Cambridge Introduction to Travel Writing) под редакцией Нандини Дас и Тима Янгса. Сборник научных статей продолжил известную в европейском научном мире традицию написания культурологами «Кембриджских историй», представлявших собой британский вариант «Всеобщей истории». Замысел проекта относится к 1896 году, когда лорд Актон, профессор современной истории в Кембридже, разработал план издания «The Cambridge Modern History». Книги из этой серии печатались с 1902 по 1912 годы, а затем Джон Багнелл Бьюри, последователь Актона, подготовил план издания «Кембриджской истории средневековья», серия томов которой выходила с 1911 по 1936 годы. Затем под контролем Бьюри был подготовлен проект издания «Кембриджской истории древнего мира». Авторами первых пяти томов были преимущественно британские учёные, но с шестого тома международное участие стало более заметным, т.к. в сборнике обсуждались актуальные проблемы. Сложность проекта критики видели только в том, что труд был рассчитан на подготовленного читателя с интересами в сфере политики и военного дела.

Постепенно материал расширялся и тематически. «Кембриджские истории» стали обращаться не только к истории событий, но и к гораздо более широкому спектру социально-гуманитарных и культурологических проблем. И вот в XXI веке, продолжая традицию «Кембриджских историй», логично появился первый том «The Cambridge Introduction to Travel Writing» под редакцией Н.Дас и Т. Янгса.

Нандини Дас – профессор литературы и культуры раннего Средневековья на факультете английского языка Оксфордского университета. Она специалист по изучению Шекспира, роману эпохи Возрождения, по средневековой литературе о путешествиях и межкультурным контактам. Тим Янгс – профессор английского языка и путешествий в Университете ТРЕНТ в Ноттингеме, где он является директором Центра исследований литературы о путешествиях. Его многочисленные книги о путешествиях всегда востребованы научной общественностью. Кроме того, профессор Янгс – редактор-основатель журнала *Studies in Travel Writing*.

В работе 2019 года «Кембриджское введение о путешествиях» обсуждаются проблемы травелога и тот факт, что критики долго не могли найти подходящую категорию для рассказов о путешествиях. Редакторы объединили в своей новой книге оригинальные материалы ученых со всего мира, и в них прослеживается история травелога с древности до эпохи Интернета. В представленных работах рассматриваются также тексты, относящиеся к нескольким национальным или лингвистическим традициям и знакомящие читателей с глобальным контекстом жанра и его особенностями, что делает работу крайне актуальной для современного социума. Кроме того, в книге представлены результаты изучения ключевых мест и физических особенностей многих регионов

мира: от дикой природы до городов, от Нигерии до полярных регионов, от гор до рек и пустыни. И эти особенности вызывают появление травелогов разного типа (например, описание реальных или мнимых путешествий, всевозможные Пути и Путники, странствия мифологических героев и даже странствия души в поисках смысла жизни и жизненных ценностей). Так подтверждается мысль о наличии у травелога большой истории. Нарратив травелога в трудах части современных ученых в настоящее время настолько расширился, что стал включать в себя отчеты, научные изыскания, составление методик школьного урока и даже *travel blog*.

Интерес человечества к путешествию убедительно объяснил К.Г.Паустовский: «Жить надо странствуя. Странствия – лучшее занятие в мире». Этим аргументом, скорее всего, объясняется выбор обсуждаемой в сборнике темы.

Итак, центр изложения в сборнике – травелог. В силу многогранности и многомерности понятия не сразу выяснилось, что же это такое – травелог: жанр географической литературы, речевой жанр, дискурс, жанр литературы? Почему его часто называют литературным жанром? У травелога есть многие характеристики литературного, речевого жанра, дискурса: как литературный жанр, он обладает совокупностью формальных и содержательных свойств. Как речевой жанр – обслуживает повседневную деятельность и общение. Как дискурс – является речевой деятельностью. После прочтения книги складывается верное впечатление, что популярный термин «травелог», присутствующий во многих работах, особенно в литературоведении, культурологии и журналистике, и понятие, им обозначаемое, («travel writing», «travel literature»; «Reiseliteratur»; «littérature de voyage») пришел в Россию как новое явление в филологии и культурологии, как уже сложившаяся и многогранная научная традиция. Согласно западному восприятию травелога – это самостоятельная литература, соперничающая с традиционной беллетристикой. Россияне традиционно понимают травелог как факультативное публицистическое приложение к беллетристическим (основным) сочинениям писателя. Авторы статей научного сборника отметили, что ранее культурологов больше интересовала новаторская научная методология изучения травелога, и России под силу освоить эти методики, т.к. сегодня в стране имеется ряд научных центров, на высоком уровне изучающих литературу путешествий.

Методами исследования в работе научного коллектива книги стали гендерный и экокритический подходы. Первый подход позволяет оценить текст через призму женского и мужского восприятия. Экокритический подход предполагает изучение травелога с междисциплинарной точки зрения, предполагающей анализ текстов с экологической точки зрения, выявляющей способы, какими литература относится к природе.

Тридцать семь глав книги подчеркивают богатство и сложность этого травелога. Источники, цитируемые в работе, отражают современную точку зрения на исследуемую проблему.

Авторы книги утверждают, что травелог – наиболее социально значимые жанры. То, что травелог оперирует понятиями «время» и «пространство», позволяет понять, как автор определяет себя, как и с чем он идентифицирует других. Его построение нашего

чувства «я» и «ты», «нас» и «их», по мнению авторов книги, действует на индивидуальном и национальном уровнях. Процессы присоединения и дифференциации, происходящие внутри него, могут способствовать созданию союзов, ускорению кризисов и провоцированию войн. Считается также, что путешествия – это то, чем мы все занимаемся, в разных масштабах, в той или иной форме. У всех нас есть истории о путешествиях, и они имеют не только личные последствия, подтверждающие рассказы о путешествиях, о странствиях мифологических героев и даже странствиях души в поисках смысла жизни и жизненных ценностей. И всегда имеются Путь и Путник. Все эти факты подтверждают мысль о наличии у травелога большой истории. Нарратив травелога в трудах части современных ученых в настоящее время настолько расширился, что стал включать в себя отчеты, научные изыскания, составление методик школьного урока и даже *travel blog*

Конечно, травелог – древнее создание (вспомним перизегезы, проскинитарии, итинерарии, вадемекумы, периплы и т.п.), но это не облегчает процесс дефиниции и классификации травелогов. Ни одно обсуждение травелогов не становится полным без замечаний критиков о трудности определения объекта их изучения. Карл Томпсон отмечает, что «...этот жанр печально известен тем, что не поддается определению». Майкл Ковалески ссылается на «пугающе разнородный характер» и отмечает, что травелог «свободно заимствует из мемуаров, журналистики, писем, путеводителей, исповедального повествования и, что наиболее важно, художественной литературы». Чарльз Форсдик описывает «общую неопределенность травелога, литературной формы, расположенной где-то между научным наблюдением и вымыслом, одновременно ставя под сомнение любое четкое различие между этими двумя полюсами». Барбара Корте считает, что «травелог – это жанр, который нелегко разграничить». Отчасти это связано с тем, что, «рассказ о путешествиях не возник как жанр, герметично изолированный от других видов письма». Джонатан Рабан в комментарии, цитируемом так часто, что без него любое обсуждение характера написания о путешествиях кажется неполным, предполагает, что «...как литературная форма, повествование о путешествиях – это «заведомо безвкусный день открытых дверей, где очень разные жанры, вероятно, окажутся в одной и той же кровати. Он вмещает личный дневник, эссе, короткий рассказ, стихотворение в прозе, черновую заметку и изысканную застольную беседу с неизбежным гостеприимством». В менее часто цитируемом дополнении к своей метафоре Рабан утверждает, что «критики с некоторым основанием обычно рассматривали его [жанр травелога] как средство легкого поведения». Он даже утверждает, что написание книг о путешествиях находится в «литературном заведении красных фонарей». Янгс как-то сообщал, что когда он с Питером Халмом редактировал «Кембридж Компаньон», чтобы писать о путешествиях (2002), задача усложнилась из-за того, что им сначала пришлось определить объект, о котором надо было рассказать. А рассказывать о травелоге трудно.

Т.Янгс полагает, что травелог чаще всего – фактически рассказ в прозе от первого лица о путешествиях, которые были предприняты автором-рассказчиком. Авторы книги согласились даже рассматривать некоторые травелоги как самостоятельные жанры.

Это такие тексты, как этнография (в путеводителях), морские повествования, мемуары, дорожная и авиационная литература, журналистика путешествий и военные репортажи. Существуют и другие виды травелогов. В них о путешествии рассказывает третье лицо, и само путешествие может быть воображаемым.

Сравнение двух видов травелогов помогает более ясному пониманию взаимосвязи между формами. По мнению ученых, граница между ними не является фиксированной. Очень важно не забывать при анализе травелогов, что способ чтения текстов меняется с годами и выбор способа зависит от целей чтения. Авторы «Введения» разработали свой собственный шаблон для травелога и опираются и на собственный шаблон, и на ожидания, как пронциательно заметила Дина Рома Сиантури. Поэтому последние книги по теории путешествий часто соответствуют некоему стандарту. Рассказ о травелоге часто начинается с напоминания о том, как за последние десятилетия возросло критическое внимание к текстам о путешествиях наряду с комментариями о том, насколько запоздалым было признание жанра травелога из-за его «гетерогенной природы». Эта особенность травелога пересекает многие границы и нарушает условности других дисциплин. Травелог часто – это и факт, и вымысел одновременно, который долгое время рассматривался как нечто дилетантское, нелитературное, пока, наконец, в этой книге не затронули его так называемое «имперское происхождение». И именно тогда аргументы стали наступать на эмоции и чувства. «Имперский травелог» – общая задача ментальной колонизации пространства. Он четко разделяет пространство на «свое» и «чужое» с целью подчинения чужого пространства логике событий и отношений, характерной для своего пространства. Пространство империи мыслится путешественником-имперцем как пространство подлинное, обустроенное и в конечном счете единственно реальное. Именно имперская установка позволила Эдварду Саиду сопоставить древние путешествия на Восток с травелогами современных европейских литератур, объединив их общим понятием «ориентализм».

Понимание жанров травелога авторами британской книги обусловлено как исторически, так и текстуально. Например, они считают, что «Тайпи» Германа Мелвилла (1846) была воспринята как правдивый пример повествования о кораблекрушении, на основе которого она создавалась до тех пор, пока репутация автора как романиста не стала более известной, а содержание произведения больше не считается произведением о путешествиях. Но их форма показывает, как художественная литература опирается на тексты о путешествиях. Заимствование происходит и другим способом.

Писатели-«путешественники» используют приемы художественной литературы, чтобы рассказывать свои истории интересно и впечатляюще. Сюжет, характеристика и диалоги – все элементы выполняют свою роль. При этом некоторые авторы настаивают на абсолютном правдоподобию, другие с готовностью допускают манипуляции и избрание деталей. Путешествия и движение (метафорическое или фактическое) настолько фундаментальны для литературного творчества в целом, что, как выразился Питер Халм, «литературы, изображающей статуи, почти не существует». Распространенность литературных путешествий, отмеченная Кейси Блантоном, под-

тверждает, что схема путешествия является одной из наиболее устойчивых форм всех повествований». Это приводит Халма к утверждению, что требуется подчеркнуть какую-то особенную черту травелога. Халм предлагает считать такой чертой обязательное посещение мест, о которых рассказывает автор. Кроме того, Халм настаивает на существовании этического центра из 1) «базового понимания» и 2) «характерных черт» травелога, которое «развивалось на протяжении веков», что абсолютно справедливо. Разумно также проводить различия между вымышленным и фактическим описанием путешествий, но в любом случае эти тексты будут прозаическими и повествовательными. Они утверждают – и их читатели верят, что записанное путешествие действительно имело место и что оно представлено самим путешественником. В рамках этой базовой системы определения описания путешествий проявляются в широком формальном спектре, выражая большое разнообразие впечатлений от путешествий. Кортэ отмечает, «что если говорить о тексте и повествовательных приемах, то, по-видимому, нет существенного различия между собственно рассказом о путешествии и чисто вымышленными формами литературы о путешествиях. Названный Кортэ перечень базовых признаков травелога позволяет сделать вывод, что в этом Кембриджском введении к книге принята точка зрения на травелог, сформулированная Халмом. Это соответствует предпосылке Халма о том, что травелоги должны описывать путешествие, совершенное их автором. Обсуждение таких знаковых фигур, как Бернард де Мандевиль и Марко Поло, в отношении которых все еще существуют неопределенность и споры, неизбежно сопряжено с оговорками. Отмечены некоторые выдающиеся примеры вымышленных путешествий, но акцент делается на текстах, которые повествуют о реальных, а не воображаемых путешествиях, хотя есть некоторое рассмотрение того, как написание о путешествиях и другие виды литературы (фактической и вымышленной) взаимосвязаны, разделяя мотивы, темы, обстановку и методы. Очень важно было узнать от авторов сборника, что между травелогами и другими формами литературы, которые касаются движения, «...используется целый ряд концепций инаковости», но, как напоминает нам Кортэ: «Произведения «нехудожественной литературы» также трактуют путешествие в различных формах. Путеводители, руководства, маршруты, отчеты и другие жанры могут отличаться, среди прочих факторов, периодом или местоположением». По мнению Кортэ, «особая привлекательность» травелогов «заключается в их крайней неоднородности в вопросах формы и содержания». Именно это качество, наряду с долгой историей написания статей о путешествиях, способствовало возникновению проблем с определением. Жанры, из которых позаимствованы рассказы о путешествиях или из которых они составлены, имеют ценность сами по себе: научный отчет, дневник, автобиография, переписка, роман, публицистика и т.д. Наличие в травелоге черт, связанных с другими литературными формами, заставляет многих критиков рассматривать его как явление, лишенное собственной идентичности. Хагган называет травелог самым гибридным и неусваиваемым из литературных жанров. Туруд предполагает: вместо того, чтобы считать, что путевые заметки трудно классифицировать из-за их общей примеси, мы должны признать, что эта примесь есть то, что на самом деле характеризует их. Это жанр,

межпоколенческие особенности которого составляют его идентичность. Принятие этой позиции, безусловно, избавило бы от многих критических замечаний и сократило бы количество циркулярных дискуссий о феномене травелогов. Однако еще одна проблема определения заключается в определении точки, в которой повествования о путешествиях становятся повествованиями о пребывании. Названия книг могут относиться к определенному времени, проведенному в каком-либо месте, но не существует фиксированного периода, в течение которого отчет о путешествии становится отчетом о поселении. В таких случаях полезно применить утверждение Ковалески о том, что «...независимо от того, сколько «внутренних» описаний использует путешественник, чтобы вызвать в памяти другую культуру и ее людей, решающим элементом всех статей о путешествиях остается статус автора «посетитель». Он или она остается, как суррогат читателя, культурным аутсайдером, который перемещается в места и события, с которыми сталкивается через них и, наконец, уходит за их пределы. Или мы можем решить, что в таких случаях имеет значение степень открытости, проявляемая путешественником по отношению к принимающей культуре, и степень, в которой посетитель ассимилируется с ней, независимо от продолжительности проживания. Легко представить, что одноязычный, культурно не склонный к приключениям экспатриант после десятилетий проживания в своей новой стране остается скорее аутсайдером, чем краткосрочным посетителем. Интерес научного общества к изучению травелогов не уменьшается. Ковалески также вряд ли преувеличивает, когда жалуется, что «существует почтенная традиция снисходительного отношения к книгам о путешествиях как к второсортной литературной форме». Эта снисходительность может быть причиной отрицания известными авторами в книгах о путешествиях того, что они на самом деле являются авторами книг о путешествиях. Например, Брюсу Чатвину не понравился этот лейбл, а Янг сообщил, что Моррис сказал на 25-й премии Thomas Cook Travel Book Awards: «Я никогда не думал о себе как о писателе - «путешественнике» (т.е. о том, кто путешествует и пишет об этом). Термин «Повествование о путешествиях» кажется немного унижительным». Джонатан Рабан вышел за рамки стандартного неприятия лейбла. Один из самых прозаичных писателей-путешественников, Рабан заявил, что он не верит в различие между фактом и вымыслом. Книга о путешествиях, замечает он, «это жанр, в который я не верю. Я просто не верю, что это существует. Это не значит, что я думаю, что делаю что-то большее, чем это может быть приукрашено». Джеффри Мурхаус признает, что «повествование о путешествиях действительно относится к довольно особой категории литературы: оно может включать топографическое описание, историю, автобиографию, воспоминания практически о чем угодно под солнцем, что, по вашему мнению, ваши читатели воспримут как имеющее какое-то отношение к вашему путешествию или вашему исследованию на в определенном месте». Однако, что касается Мурхауса, это разнообразие не должно распространяться на изобретательство. То, что Мурхаус описывает как «почти всеобъемлющую свободу» в выборе элементов, «следует только наслаждаться ... в рамках очень строгой дисциплины. И это значит говорить правду. Почему? Просто потому, что, я думаю, именно этого ожидают от вас ваши читатели,

когда они читают ваш рассказ о каком-то отдаленном месте и ваших впечатлениях в пути». Ожидания, озвученные Мурхаусом, похожи на идею Уильяма Далримпла о договоре между автором и читателями, который возлагает ответственность на автора. Дальше этого я всегда обнаруживал, что не могу пойти, потому что чувствовал бы себя неловко из-за обмана». (Конечно, удаление скучных деталей само по себе является редакционным искажением реальности). Мурхаус, однако, признает, вспоминая более раннюю книгу, разоблачение которой теперь заставляет его чувствовать себя неловко, что «я понимаю, почему большинство авторов предпочитают писать о себе с помощью вымысла: рассказывая иногда болезненную или смущающую правду о себе, они, тем не менее, могли наслаждаться иллюзией сокрытия». Кроме того, надо помнить о дистанции между автором, рассказчиком и главным героем, т.е. к вопросу, существенному для понимания текстов о путешествиях как конструкций – как созданных, в терминах Халма. С другой стороны, некоторые авторы, пишущие о путешествиях, чувствуют себя более комфортно, чем Мурхаус и Далримпл. В конце 1990-х годов Деа Биркетт и Сара Уилер провозгласили: «Написание книг о путешествиях сделало новый шаг вперед. Отчасти это связано с тем, что с 1980-х годов изучение путевого письма стало более популярным из-за нового или недавно появившегося женского и постколониального путевого письма». Правда, некоторые литературоведы утверждают, что изучение жанра в большей степени является обязанностью культурологов, чем литературоведов, полагая, что его интерес в первую очередь социологический, а эстетическая ценность меньше, чем у романа, поэзии и драмы. Такое восприятие во многом связано с тем фактом, что новый академический интерес к написанию травелогов, как и многие события в колониальном и постколониальном литературоведении, можно датировать публикацией в 1978 году книги Эдварда Саида «Ориентализм». Текст Саида вызвал волну исследований, в которых рассматривались способы, с помощью которых тексты о путешествиях, особенно девятнадцатого века, представляли другие культуры. В то время, как внимание Саида было сосредоточено на Среднем Востоке, его выявление связей между путешествиями, представительством и империей продолжают оказывать влияние на бесчисленные работы о путешествиях. капитализм и расовые идеологии дали важный импульс изучению путешествий. Это разрушило иллюзию, что тексты о путешествиях идеологически нейтральны и объективны, но это также имело печальный эффект, заставив путевые заметки выглядеть по сути консервативным жанром, замешанным на силах патриархата и империализма. Дебби Лайл, например, пишет, что «колониальные отношения являются определяющими как для исторического развития жанра, так и для его общей поэтики». Это пристрастный взгляд, игнорирующий ряд текстов о путешествиях, которые не соответствуют шаблону. Во-первых, есть произведения о внутренних путешествиях, которые не выходят за пределы страны, в которой они созданы. В некоторых случаях очевидны процессы, аналогичные тем, которые наблюдаются в текстах о зарубежных путешествиях, особенно в построении класса и пола. Они часто поднимают сложные вопросы об экономических структурах, политическом управлении и социальных механизмах. С другой стороны, есть работы, которые являются радикальными.

Постколониальные и другие теории демонстрируют, что «самая большая фикция ... это собственная претензия писателей о путешествиях на то, чтобы быть объективным жанром. Что кто-нибудь на самом деле знает о чужом месте, которое частично не является его собственным творением? Мы всегда выбираем, что мы видим, чего мы не видим при встречах с кем-то или чем-то.

Мы всегда изобретаем наши направления». Всевозможные факторы способствуют отсутствию объективности и изобретению мест, которые мы посещаем. В дополнение к процессам, отмеченным Саидом, которые предполагают наше предварительное знакомство с культурными представлениями, существуют также психологические, технологические, эстетические и материальные аспекты. Эти препятствия на пути к нейтральному, непосредственному восприятию места назначения усиливаются существованием многих других точек соприкосновения между актами путешествия, письма, публикации и чтения. Рой Бриджес и Иэн Макларен исследовали и попытались классифицировать различные этапы письменного отчета, от полевых заметок до редактирования написанных травелогов, до редактирования. Путешествия также предполагают культурный и лингвистический перевод. Они вытесняют значения из их первоначального контекста в другой. На карту поставлена не только точность, но и процесс переноса, который усиливает ощущение движения, случайности. Майкл Кронин и Лоредана Полецци входят в число исследователей перевода и сравнительного литературоведения, которые писали об этих проблемах конкретно в связи с написанием травелогов. Как и само путешествие, перевод может привести к насилию или сотрудничеству, конфликту или обмену. Это также приводит к созданию промежуточной основы, на которой вновь сформированные значения находят свое собственное пространство. Переводчиков и путешественников можно рассматривать как пограничные фигуры, перемещающиеся между культурами, не принадлежащие полностью ни к одной исключительно. Таким образом, исследователю травелогов предстоит решать вопрос: что происходит между опытом путешествия и восприятием, представлением и рецепцией.

Думается, что российские исследователи, активно участвующие в дискуссии о травелогге, справедливо предложили понимать травелог как «междисциплинарный концепт». Действительно, «концепт» – термин и старый, и новый. Еще в 1928 году С.А. Аскольдов в статье «Концепт и слово» сообщил, что «концепт есть как бы живой организм, могущий породить множество себе подобных. И в этой потенции концепта и заключается его общность, т.е. родоначальничество над многим». Ясно, что под концептом здесь уже понимается вовсе не *conceptus*, а *conceptum*. По мнению философа, «Что это за туманное «нечто», в котором в области знания всегда, а в искусстве слова в значительной мере заключается основная ценность? В проблеме познания это «нечто» носит название концепта, под которым надо разуметь два его вида: «общее представление» и «понятие», как бы приступ мысли к конкретному или отношению «начала», порождающего акт мысли. Понятие – это уже точка зрения. Российские исследователи дополняют список определений травелога понятием «междисциплинарный концепт», т.к. он имеет все необходимые травелоггу характеристики: сложную структуру, воплощает-

ся при помощи разнообразных рациональных, чувственно-образных и деятельностных форм и способов репрезентаций в мире культуры.

Итак, теория травелога активно развивается, что позволяет со временем раскрыть и другие тайны травелога.

*(Авдонина Л. П., Савостьянова Л. В.
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник» г. Ялта)*

CONTENT

PHILOSOPHY

- Korostichenko E. I.** Ethics of dealing with animals and criticism of Christian anthropocentrism in Peter Singer’s philosophy.....4
- Minchenko T. P., Tyraski F.** Some issues of practical philosophy in the implementation of the course “Theoretical and practical philosophy”.....22
- Korotchenko Y. M.** Reflexive Grounds for Constructing an Image of the Alien.....31
- Haidt J., Joseph Cr.** Intuitive ethics: how innately prepared intuitions generate culturally variable virtues / translated from English by A. A. Portugalskaya.....41

CULTURAL STUDIES

- Ryabchenko N. A. , Malysheva O. P.** Culture consumption innovative scenarios within a social network ecosystem: opinion leaders and the cultural code.....55
- Penner R. V.** “Camera lucida”: Information trends in the digital space.....72
- Poskrebko A. S.** Self-reflection by Vincent van Gogh.....82

POLITICAL SCIENCE

- Shepelev M. A.** The constitutional basis for the protection of traditional spiritual and moral values in the Political Constitution of the Portuguese Republic of 1933.94
- Bykova E. V., Gavra D. P.** Politicized sports incident nominating strategies of involved mediaactors113
- Parubin K. O.** Monarchist ideas on the of newspaper voice of Crimea in 1941–1944.....130

BOOK REVIEWS

- Jonathan Haidt** The glass is always half full! 10 great ideas on how to become happy / Jonathan Haidt. — Moscow: AST Publishing House, 2020. — 400 p. – (Life. Happiness. Meaning) (Portugalskaya A. A.).....141
- Nandini Das, Tim Youngs** (eds.) The Cambridge History of Travel Writing. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2019. – 656 p. (Avdonina L. P., Savostyanova L. V.)145